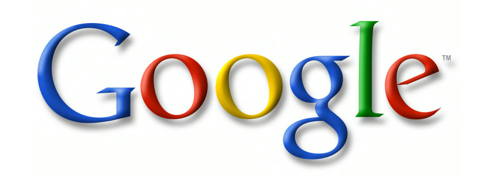
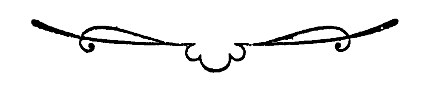

VE RI
TAS

В. М. Дорошевичъ.

Легенды и сказки Востока.

Типографія Товарищества И. Д. Сытина, Валовая улица, свой домъ.
МОСКВА.—1902.

Дозволено цензурою. Москва, 2 декабря 1901 года.

Праздникъ возрожденія.

(Праздникъ Ваала).

Солнце послало свой первый теплый лучъ, — и земля проснулась.

Радостно и весело.

Подъ его лучами зазеленѣла трава по холмамъ и лугамъ.

Зазеленѣли скаты горъ. Зазеленѣли долины.

Вздулись почки деревьевъ, лопнули отъ прикосновенія луча, и изумрудомъ засверкали оттуда свѣжіе молодые листки.

И первые цвѣты раскрыли свои чашечки.

Земля улыбнулась солнцу цвѣтами.

Все ожило.

И веселый шумъ пошелъ по землѣ, — шумъ о чудѣ, совершенномъ великимъ божествомъ — солнцемъ.

Первыми заговорили объ этомъ ручьи.

Гдѣ-то въ горахъ затаяли снѣга, вздулись горныя рѣчки и съ шумомъ побѣжали къ морю.

Онѣ залили свои засохшія русла и бѣжали, толкая встрѣчающіеся на пути камни; безъ умолка говоря о томъ, что сдѣлало солнце въ горахъ, и славя его силу, власть и могущество.

Зашепталъ объ этомъ вѣтеръ въ зеленѣющихъ рощахъ.

Запѣли птицы.

И въ воздухѣ зазвенѣлъ гимнъ живворному солнцу.

И къ этому гимну присоединился человѣкъ.

Какъ и всегда, въ священной процессіи жрецы перенесли изъ храма въ долину статую великаго бога животворнаго солнца—Ваала.

Онъ зажегъ весеннее солнце. Онъ зазеленилъ поля и рощи. Онъ сдѣлалъ голубыми небеса. Отъ его дыханія теплый вѣтерокъ повѣялъ надъ землею. Онъ вызвалъ улыбку земли—цвѣты. Онъ заставилъ пѣть птицъ и сильнѣе биться человѣческое сердце.

Онъ осыпалъ землю, природу, человѣка, своими благодѣяніями, царь, владыка, творецъ,—и великій, мощный, стоялъ окруженный блескомъ своей славы, своего величія, своего могущества.

Надъ нимъ сверкали голубыя небеса, подъ ногами его изумрудомъ сверкала земля.

А онъ стоялъ среди прекрасной, обширной долины и ждалъ себѣ жертвъ благодарности.

И со всѣхъ сторонъ стекались въ долину люди поклониться великому богу—Ваалу.

Пришли изъ горъ пастухи, одѣтые въ кожи.

Пришли воины съ огромными луками, блистая оружіемъ.

Пришли земледѣльцы, неся съ собой плоды земли.

Пришли болтливые горожане, падкіе до блестящихъ зрѣлищъ.

Пришли пышно разодѣтые купцы и привели съ собой караваны верблюдовъ, нагруженныхъ дарами.

Пришли старики, въ жилахъ, которыхъ весною сильнѣе забилась кровь.

Пришли дѣти прославить бога Ваала, пославшаго на землю тепло и веселье, зелень и цвѣты.

Пришли мужи.

Пришли дѣвушки поклониться богу, посылающему на землю любовь и зажигающему кровь юношей.

Пришли женщины возблагодарить бога, посылающаго на землю плодородіе, — съ гордостью неся на рукахъ своихъ дѣтей.

Все собралось къ подножію статуи всемогущаго бога, дающаго жизнь всему, существующему на землѣ,—бога солнца и золота.

Великаго солнца и великаго золота.

По дорогамъ тянулись караваны съ дарами, шли стада жертвенныхъ животныхъ.

Мычали тучные волы, блеяли овцы, ревѣли верблюды,—и все это вмѣстѣ съ шумомъ весенняго вѣтерка и шепотомъ листьевъ, съ веселымъ говоромъ людей, съ пѣньемъ птицъ,—сливалось въ одинъ хвалебный гимнъ Ваалу...

Ночь прошла въ священномъ молчаніи.

А когда изъ-за горъ блеснули лучи золотого свѣта, Ваалъ увидѣлъ передъ собою ницъ упавшую толпу, наполнявшую долину отъ края до края.

Передъ нимъ стоялъ только верховный жрецъ, священный старецъ, всю жизнь свою служившій великому богу.

Пророкъ бога Ваала, предававшій проклятію царей и народы.

Онъ одинъ могъ стоять въ этотъ священный часъ предъ лицомъ Ваала.

Никто не могъ видѣть этого таинства, какъ вспыхнулъ съ первыми лучами солнца огромный жертвенный костеръ изъ драгоцѣнныхъ деревьевъ и благоухающихъ травъ.

И когда толпа подняла свои головы, крикъ вырвался изо всѣхъ грудей и пронесся надъ долиною и эхомъ откликнулся въ горахъ, возвѣщая славу Ваала.

Среди дыма костра и дрожающаго надъ огнемъ воздуха словно ожила статуя великаго бога.

Это видѣли всѣ.

Словно онъ задрожалъ, великій Ваалъ, отъ радости, опьяненія властью, могуществомъ надъ природой и ницъ повергнутой толпой.

Жертва была принята и пріятна богу Ваалу.

И крикъ радости потрясъ огромную равнину, эхомъ откликнувшись въ горахъ.

Торжествомъ озарилось лицо верховнаго священнаго жреца, пророческій восторгъ загорѣлся въ очахъ, могуче разогнулся и выпрямился сгорбленный станъ, словно отдаленные раскаты грома послышались въ мощномъ голосѣ, и священный старецъ обратился къ толпѣ.

Толпа съ трепетомъ внимала ему, повторяя его пророческія слова для тѣхъ, кто за дальностью разстоянія не могъ слышать.

Каждое его слово, какъ вихрь, облетало долину.

И все, что говорилъ священный старецъ, слышали во всѣхъ ея углахъ.

— Ницъ падите на землю предъ великимъ богомъ Вааломъ, величайшимъ изъ боговъ! —такъ говорилъ верховный жрецъ, — богомъ солнца, богомъ золота! Предъ тѣмъ, кто посылаетъ вамъ жизнь, свѣтъ и тепло! Кто зажигаетъ огонь въ вашей крови,—кому вы обязаны жизнью вашихъ дѣтей и вашей собственной жизнью. Кто заставляетъ землю приносить вамъ плоды, кто умножаетъ ваше стадо, заставляя его плодиться. Кто посылаетъ васъ на славныя войны, на смѣлыя путешествія, обогащая, окружая васъ роскошью! Кому вы обязаны всѣмъ,—зеленью рощъ и ласками вашихъ женъ. Предъ нимъ, великимъ, падите ницъ, переполненные благодарностью за его щедроты, предъ нимъ, посылающимъ на землю свои животворные лучи.

Солнечные лучи, что, проникая въ землю, застываютъ тамъ и превращаются въ золото. Великое, могучее золото, животворное, какъ солнечные лучи.

Всемогущее золото!

Таинственный металлъ, великій и святой, творящій чудеса, какъ солнечные лучи.

Оно начало и причина всего великаго на землѣ.

Оно посылаетъ людей на славныя войны.

Оно заставляетъ корабли рыскать по морямъ, открывать новыя страны, пріобрѣтать новыя сокровища.

Оно заставляетъ трудиться воевать, стремиться къ знанію.

Безъ него міръ погибъ-бы, одряхлѣвъ отъ презрѣннаго покоя.

Оно творитъ чудеса.

Несчастнаго превращаетъ въ счастливаго, умирающаго отъ голода можетъ заставить умереть отъ пресыщенія.

Все дѣлаетъ золото, источникъ и начало всего великаго на землѣ, золото, толкающее человѣка впередъ.

Эти солнечные лучи, застывшіе въ землѣ, но сохранившіе блескъ и животворную силу солнца.

— Нѣтъ жертвы, достойной Ваала! Бога солнца! Бога золота! Все, что есть самаго дорогаго у васъ, сносите ему, благодарные.

Все кидайте въ священный огонь, возвращая ему только часть того, что онъ далъ вамъ. Богу-ли плодородія и избытка пожалѣете вы чего-нибудь? Нѣтъ жертвы достойной великаго бога Ваала, дающаго все!

И съ каждымъ словомъ верховнаго жреца восторгъ благодарности все больше и больше охватывалъ толпу.

— Жертвы, жертвы Ваалу!—неслось надъ долиной.

И толпа тѣснилась, давила другъ-друга около костра, спѣша принести жертву благодарности великому богу.

Земледѣльцы кидали въ огонь лучшіе дары ихъ земли.

Воины кидали драгоцѣнное оружіе, награбленную

добычу, статуи чужихъ боговъ, принесенныя ими изъ далекихъ покоренныхъ странъ, драгоцѣнности, похищенныя изъ разрушенныхъ храмовъ.

Купцы бросали въ огонь золото, драгоцѣнныя ткани, чудныя вещи, пріобрѣтенныя ими въ новыхъ, далекихъ земляхъ.

Пастухи рѣзали у ногъ Ваала лучшее, что было въ ихъ стадахъ.

Все выше и выше вздымались пламя и дымъ костра.

Огонь схватывалъ своими цѣпкими когтями еще живыя, трепещущія жертвы, расплавлялъ золото, въ немъ ярко блестѣла накаленная до-бѣла сталь мечей, и около лилась на землю багряная кровь.

А когда вѣтеръ относилъ въ сторону дымъ костра,—толпа видѣла статую великаго Ваала съ ея протянутыми впередъ руками.

Опьяненный торжествомъ, онъ жадно простиралъ руки, требуя новыхъ и новыхъ жертвъ благодарности.

Старому нищему нечего было бросить въ костеръ и онъ, вырвавъ жертвенный ножъ изъ рукъ сосѣда, трижды погрузилъ его въ свое тѣло.

— Кровь, кровь свою отдаю тебѣ, великій богъ, посылающій свѣтъ и тепло и мнѣ, лишенному всего, отъ котораго отвернулись всѣ. Всесильный, я знаю, ты однимъ кускомъ золота можешь свершить чудо и превратить меня, нищаго, въ могучаго владыку. Я, не имѣющій, что бросить въ твой костеръ, буду покупать человѣческія жизни и стану властителемъ надъ сотнями людей!

И, обезсилѣвъ, онъ упалъ на землю, въ экстазѣ глядя на кровь, которая струилась изъ его ранъ на землю въ честь великаго бога Ваала.

А какая-то женщина, пробившись впередъ, высоко подняла и бросила въ самую середину костра своего грудного ребенка.

Она приносила Ваалу своего первенца. Богу-ли плодородія и избытка жалѣть что-нибудь?

И верховный жрецъ простеръ надъ нею свои благословляющія руки.

Ея поступокъ вызвалъ взрывъ восторговъ среди толпы, опьянилъ ее, и безъ того пьяную отъ благодарности великому богу избытка.

И десятки женщинъ пробивались сквозь толпу, съ дикими, безумными глазами, высоко поднимая своихъ дѣтей и крича:

— Пустите, мы хотимъ принести все, что у насъ есть самаго дорогого въ жертву Ваалу!

Дѣти пищали въ огнѣ, — а матери съ восторгомъ, въ священномъ экстазѣ, глядѣли на ихъ корчи.

Воинъ, жена котораго, обезумѣвъ отъ ужаса, не хотѣла отдать въ жертву Ваалу своего первенца, принесъ въ жертву и мать и ребенка.

Счастливая тѣмъ, что она отдаетъ Ваалу самое лучшее и дорогое, что у нея есть, толпа безумѣла отъ восторга. Люди, встрѣтившіеся въ первый разъ, кидались на шею другъ къ другу и душили другъ друга въ объятьяхъ.

Они казались другъ другу братьями, — и между ними не было неравенства положеній.

Развѣ не всѣ они дѣти одного и того же великаго бога Ваала, бога плодородія и избытка?

Развѣ не всѣмъ имъ одинаково посылаетъ Ваалъ свой свѣтъ, свое тепло, не всѣ они живутъ, только благодаря лучамъ Ваала?

Поселянинъ обнимался съ воиномъ, богатый купецъ душилъ въ своихъ объятіяхъ бѣдняка, нищаго.

Безумный восторгъ, переполнявшій толпу, требовалъ отъ нея движенія, пѣнія, пляски, криковъ.

Сплетались хороводы и въ бѣшеной пляскѣ неслись, изступленно прославляя Ваала.

И всѣ эти ярые вопли, пѣсни, топотъ тысячъ ногъ, стоны, словно человѣческіе крики жертвенныхъ животныхъ, сливались въ одинъ гимнъ Ваалу,—гимнъ, который еще больше изступлялъ и безъ того изступленную толпу.

А солнце, палившее землю и все заливавшее своимъ золотымъ свѣтомъ, все сильнѣе и сильнѣе жгло толпу, распаляя ея и безъ того кипѣвшую кровь.

А Ваалъ изъ-за дыма и пламени все еще жадно протягивалъ къ безумной толпѣ свои руки, требуя новыхъ и новыхъ жертвъ.

Такъ длилось весь день...

Костеръ не угасалъ.

Казалось, что, отдавъ Ваалу все, что было при нихъ, люди сами начнутъ бросаться въ костеръ, чтобъ отдать Ваалу послѣднее, что у нихъ есть, — свою жизнь.

Безуміе достигало своего апогея.

Но тутъ солнце, усталое и красное отъ крови, которой оно напиталось, тяжело опустилось за дальнія горы.

Стало прохладно, — и ночь поспѣшила задернуть чернымъ пологомъ землю.

На черномъ пологѣ ярко заблистали украшавшія его самоцвѣтныя звѣзды.

И вѣтеръ, пробѣжавъ по землѣ, зашепталъ, что эта весенняя ночь коротка.

Звѣзды сверкали съ темнаго неба.

На мѣстѣ костра догорала и тлѣла куча углей,— краснымъ отблескомъ освѣщая Ваала, простиравшаго руки и словно благословлявшаго засыпающую долину.

Ваала, бога плодородія.

БОСФОРЪ.

Знаете ли вы легенду о происхожденіи Босфора?

Посейдонъ, грозный богъ морей, повелитель бурь и шкваловъ, отецъ сѣдыхъ волнъ, — прогнѣвался на прекрасную нимфу и заперъ ее въ Черномъ морѣ.

Узенькій перешеекъ, какъ тюремная дверь, отдѣлялъ ее отъ Мраморнаго моря. И черезъ эту запертую дверь она слышала смѣхъ и пѣсни купавшихся подругъ.

Тщетно бѣдняжка металась по своей темницѣ, напрасно кидалась то туда, то сюда.

Вездѣ она встрѣчала то цвѣтущіе, то суровые и скалистые берега, берега, берега!

Весною птицы, пролетая на сѣверъ, приносили ей привѣтъ отъ подругъ, пѣли о томъ, какъ на островахъ Архипелага расцвѣтаютъ цвѣты, шумятъ оливковыя рощи и молятся небесамъ кипарисы,—щебетали о чудныхъ тайнахъ природы.

Рыдала, слушая эти сказки, бѣдная нимфа, — и скифы, плававшіе въ своихъ ладьяхъ по Черному морю, въ ревѣ весеннихъ бурь слышали ея стоны.

Напрасно молили Посейдона и узница, и скучавшія по ней прекрасныя подруги.

Богъ гнѣвался и былъ недоступенъ мольбамъ.

Тогда нимфы призвали на помощь могущественнѣйшаго изъ боговъ—Вакха.

Прекраснаго бога, повелителя души и тѣла, открывшаго людямъ и богамъ прекраснѣйшую изъ тайнъ — превращать виноградъ въ веселье.

Улыбнулся добрый богъ на жалобы нимфъ и на днѣ янтарной чаши нашелъ средство помочь бѣдѣ.

Послалъ онъ сатировъ звать бога морей на пиръ,— отвѣдать новаго урожая.

Три дня и три ночи, подъ веселые звуки свирѣлей, окруженные пляшущими нимфами, гуляли боги по цвѣтущимъ островамъ.

И Эросъ потомъ жаловался, что въ эти дни и ночи онъ разстрѣлялъ половину своихъ стрѣлъ.

А Вакхъ срывалъ и срывалъ спѣлыя янтарныя гроздья и выжималъ ихъ въ чашу бога морей.

А нимфы пѣли и плясали, услаждая зрѣніе и слухъ веселившихся боговъ.

И пилъ Посейдонъ розовое, какъ масло изъ розъ, вино Родоса, и багровое, какъ кровь, вино Хіоса, „кровь земли", — и когда отвѣдалъ вина изъ винъ, вина отъ божественной лозы, густого, какъ растопленная смола, благоуханнаго вина Самоса,—возвеселилось сердце бога.

И сказалъ Посейдонъ:

— Чудо ты совершилъ надо мной, могущественный, величайшій и лучшій изъ боговъ. Никогда такъ не веселилось сердце мое. Будемъ же предаваться веселью. Хотите, я ударю трезубцемъ, и волны сплетутся вокругъ острова Самоса и закружатся въ бѣшеной пляскѣ и запоютъ намъ свои пѣсни? И весь міръ, всѣ моря и океаны наполнятся весельемъ, всюду въ бѣшеномъ вихрѣ закружатся волны. Хотите?

Но добрый Вакхъ хитро улыбнулся, склонившись надъ чашей, и сказалъ:

— Что пляски и пѣніе волнъ передъ тѣми плясками и пѣснями, которыя знаетъ нимфа Эвксинія,

прекраснѣйшая изъ нимфъ Архипелага! Право, когда я смотрю на ея пляски, мнѣ кажется, что она вышла изъ пѣны вина, какъ могущественнѣйшая изъ богинь, богиня любви,—изъ пѣны морской. Вотъ кто достоинъ служить украшеніемъ пира боговъ. Но,—увы,—намъ это невозможно.

Вскипѣло сердце пьянаго бога морей.

— Почему невозможно?

— Она заперта въ Черномъ морѣ. Ея тюрьма названа по ея имени понтомъ Эвксинскимъ. И кто сможетъ, кто въ силахъ разорвать землю и соединить моря? Кто?

— Богъ! — вскричалъ Посейдонъ, — ты слишкомъ много пилъ вина! Или не Посейдонъ сидитъ передъ тобой? Или нѣтъ у меня моего трезубца,—что ты спрашиваешь „кто“ и дерзаешь произносить незнакомое мнѣ слово „не можетъ“, слово смертныхъ,—не боговъ!

И приказалъ богъ морей впречь Аквилонъ въ колесницу и помчался на волнахъ, держа за станъ Вакха, который все жалъ и жалъ виноградъ въ чашу бога морей.

— Смотри!—сказалъ Посейдонъ и ударилъ трезубцемъ по полосѣ земли, отдѣлявшей Черное море отъ Мраморнаго.

Но богъ былъ пьянъ, и трезубецъ зигзагомъ прошелъ по землѣ. Вотъ почему такъ извилистъ Босфоръ. Это слѣдъ отъ трезубца опьянѣвшаго бога.

Такова легенда объ освобожденіи нимфы Эвксиніи.

А теперь, на томъ мѣстѣ, гдѣ, стоя у дверей своей темницы, рыдала и рвала на себѣ зеленые волосы прекрасная нимфа, стоялъ турокъ въ красномъ фесѣ и отчаянно моталъ головой:

— Йокъ! *)

*) Йокъ—нѣтъ.

А мы, качаясь на волнахъ Босфора въ длинномъ каикѣ, красивомъ, узенькомъ и стройномъ, какъ стрѣла, смотрѣли, какъ нашъ грекъ убѣждалъ турка выпустить русскихъ туристовъ на берегъ и разрѣшить поѣхать изъ предмѣстья, Кавака, въ Стамбулъ.

— Йокъ! качалъ головой эффенди на всѣ доводы.

— Продолжается праздникъ Байрама, и они боятся, чтобы иностранцамъ чего не сдѣлали,—объявилъ намъ вернувшійся грекъ,—мы и сами эти три дня сидимъ запершись. А посмотрѣли бы вы, что дѣлалось, когда въ срединѣ Рамазана султанъ ѣздилъ на поклоненіе. Всѣ заперлись. Что ни домъ, то крѣпость, вооруженная и даже снабженная продовольствіемъ: всѣ запасли сухарей, галетъ на случай осады. Константинополь—вулканъ. Ждемъ изверженія.

— Да скажите вы этому красноголовому, зачѣмъ ему быть больше мусульманиномъ, чѣмъ самъ Магометъ! Разъ мы не боимся, чего же ему за насъ...

— Боятся дипломатіи. Случись что, — потомъ съ ней не разберешься.

— Ну, а если пойти безъ дозволенія? Грекъ молча указалъ на батарею.

Этотъ мотавшій головой турокъ, издали похожій на колеблемую вѣтромъ вѣточку земляники, со спѣлой ягодой наверху, дѣйствовалъ, прямо, на нервы.

Въ сердцѣ родились разныя христіанскія чувства.

„Въ сущности, красный фесъ — это недурной прицѣлъ"..

Мы рѣшили прицѣлиться по красной фескѣ изъ добраго „фунтоваго" англійскаго орудія.

Азіаты—легковѣсный народъ.

Если на одну чашку вѣсовъ положить азіата, а на другую „фунтъ",—„фунтъ" всегда перетянетъ.

Но это былъ эффенди, человѣкъ „съ вѣсомъ".

Мы взвѣсили его въ два фунта.

— Пойдите и предложите „бакшишъ“. До двухъ фунтовъ. Даже больше, чортъ его побери!

Грекъ отправился „вѣшать“ турка.

Эффенди выслушалъ на этотъ разъ грека съ видимымъ сочувствіемъ и покачалъ головой съ большимъ сожалѣніемъ.

Грекъ вернулся къ намъ съ самымъ растеряннымъ видомъ.

— И бакшиша не беретъ!

Мнѣ показалось, что онъ даже блѣднѣе обыкновеннаго.

Положеніе дѣла, очевидно, очень серьезное.

И мнѣ кажется, что это лучшій политическій барометръ.

Вмѣсто того, чтобы печатать длиннѣйшія статьи о положеніи дѣлъ на востокѣ,—можно было бы просто-напросто ограничиваться краткими извѣстіями о положеніи „бакшишнаго вопроса“.

— „Бакшишь берется съ затрудненіемъ“. Значитъ — перемѣнно.

— „И бакшиша не берутъ“.

Буря. Въ воздухѣ пахнетъ порохомъ. Надо осматривать курки.

И вдругъ радостная вѣсть:

— „Эффенди такой-то взялъ бакшишь въ два піастра“.

Европа можетъ положить ранецъ подъ голову и спать спокойно.

На бирюзовыхъ волнахъ Босфора ясно, какъ на душѣ новорожденнаго младенца.

Вотъ вамъ и весь „восточный вопросъ“.

АДЕНЪ.

Природа создавала Аденъ сейчасъ же послѣ Индіи.

Когда она растратила всѣ свои краски, и на ея палитрѣ осталось только двѣ: черная и бѣлая.

Изъ этихъ двухъ цвѣтовъ и созданъ Аденъ.

Черныя горы и бѣлые, словно изъ мѣла сдѣланные дома.

Черныя лица арабовъ и самоли и бѣлыя простыни, въ которыя они драпируются.

Вотъ траурная картина этихъ зловѣщихъ, мрачныхъ, выжженныхъ солнцемъ лишенныхъ растительности, береговъ.

Мы пришли къ Адену поздно вечеромъ и остановились вблизи мачты затонувшаго парохода.

Около перекладины мачты мигалъ огонекъ,—словно лампада у могильнаго креста.

На спущенномъ трапѣ кричали, пѣли, били въ тактъ ладошами и приплясывали голые самоли съ длинными развѣвающимися рыжими волосами.

Рыжіе волосы—особый шикъ среди самолійцевъ; для этого они спеціально мажутъ голову известью.

Я спустился въ катерокъ и очутился въ обществѣ четырехъ голыхъ черномазыхъ туземцевъ.

Дулъ порывистый вѣтеръ, катерокъ кувыркался въ волнахъ, зарывался носомъ, ложился то на одинъ, то на другой бортъ, самоли что-то орали своимъ гортан-

нымъ голосомъ, и, когда открывали печь и оттуда вырывался яркій красный свѣтъ, казались похожими на настоящихъ дьяволовъ.

Словно черные дьяволы везли грѣшную душу по бурнымъ волнамъ Стикса.

— Скверное море, сэръ!—сказалъ мнѣ на отвратительномъ англійскомъ нарѣчіи черномазый дьяволъ, сидѣвшій на рулѣ,—отвратительно море здѣсь! Масса акулъ. Раньше онѣ трогали только бѣлыхъ. Но теперь пришли новыя, полосатыя, мы зовемъ ихъ „морскими тиграми",—онѣ ѣдятъ и черныхъ. На прошлой недѣлѣ съѣли одного самоли.

Отличные разговоры въ то время, когда катеръ лежитъ на боку.

* * *

Я стоялъ какъ будто на вершинѣ колоссальнаго цирка, вырубленнаго въ каменной горѣ, уступами спускавшагося къ огромной аренѣ, по бокамъ которой зіяли огромные темные коридоры,—словно для дикихъ звѣрей.

Эти знамениты аденскія цистерны могли бы служить отличными футлярами для пирамидъ, перевернутыхъ вверхъ ногами.

Такихъ цистернъ нѣсколько, онѣ соединены между собою коридорами, вырубленными въ каменныхъ горахъ. Разъ въ пять лѣтъ цистерны наполняются водою до краевъ.

Тропическіе ливни льются въ горахъ, и по вырубленнымъ русламъ, по колоссальнымъ лѣстницамъ, туннелямъ, уступамъ, вода съ шумомъ и ревомъ несется сюда,—и тогда цистерны представляютъ собою огромныя озера кристально-чистой дождевой воды.

Теперь ждутъ дождей со дня на день,—и цистерны совершенно сухія.

Если вы спросите у араба, кто создалъ это грандіознѣйшее въ мірѣ сооруженіе, онъ почтительно отвѣтитъ вамъ:

— Мегеметъ-Али.

Мегеметъ-Али создалъ все.

— Видѣли вы, сэръ, окно въ Аденскомъ мысѣ?

Рѣчь идетъ объ игрѣ природы, совершенно кругломъ отверстіи въ мысѣ.

Когда небо окрашено въ ярко красный цвѣтъ заката,—это окошечко кажется налитымъ кровью глазомъ какого-то чудовища.

— Ну?

— Это окошечко прорубилъ тоже Мегеметъ-Али, чтобъ слѣдить за врагами.

Все, что видите колоссальнаго и грандіознаго,—все создано великимъ Мегеметъ-Али.

Міръ принадлежалъ при немъ чернымъ, а когда умеръ Мегеметъ-Али, пришли англичане и взяли все въ свои руки.

Вотъ вамъ и вся исторія арабовъ.

На самомъ дѣлѣ, эти колоссальныя цистерны гораздо болѣе древнаго происхожденія.

Когда армія Александра Македонскаго раздѣлилась, часть ея, попавшая въ Аравію, умирала отъ жажды,—но, дойдя до Адена, запаслась, по словамъ историковъ, водой изъ цистерны.

Эти грандіозныя сооруженія могли быть созданы только руками арабовъ.

А, по другому мѣстному преданію, вырублены однимъ изъ фараоновъ, завоевателемъ Аравіи, руками евреевъ.

Тѣхъ же евреевъ, руками которыхъ построены и пирамиды.

И остается удивляться, какъ Аденъ не представляетъ собою цвѣтущаго оазиса.

Почва его должна быть удобрена десятками тысячъ труповъ людей, рубившихъ въ камнѣ амфитеатры, арены и туннели.

Какъ удалось создать это грандіозное сооруженіе? Какими средствами удалось вырубить, или взорвать, такую массу камня?

Какъ отводили дождевыя воды во время постройки?

Эта тайна погребена—вонъ тамъ, на аренѣ этихъ колоссальныхъ цирковъ.

Десять лѣтъ строились цистерны, и когда все было окончено, фараонъ стоялъ со своимъ войскомъ и плѣнными строителями у цистернъ до третьяго періода дождей.

Когда же тучи обложили небо,—онъ повелѣлъ всѣхъ строителей-рабовъ согнать внизъ въ цистерны.

Вокругъ стали воины, чтобъ не допустить никого выйти.

И тогда-то разыгралось грандіознѣйшее цирковое представленіе.

Представленіе, въ сравненіи съ которымъ цирковыя игры Нерона—домашній любительскій спектакль.

Заревѣли потоки дождевыхъ водъ въ горахъ. Ближе и ближе. Подземные каскады, съ пѣной и брызгами, понеслись по лѣстницамъ и уступамъ, неслись по туннелямъ и заполняли арены.

Въ ихъ шумѣ, грохотѣ и ревѣ тонули крики, стоны и вопли гибнущихъ.

Люди карабкались на уступы колоссальныхъ цирковъ, но и тамъ ихъ настигала вода.

Вода прибывала и прибывала,—и фараонъ любовался не какой-то пародіей на пожаръ жалкой Трои, какъ Неронъ,—а обрывкомъ картины всемірнаго потопа.

А когда цистерны наполнились водой, вся поверхность была покрыта плавающими трупами.

Спасшіеся отъ гибели плавали на трупахъ, добирались до края,—и здѣсь ихъ поражали египетскіе воины.

Никто изъ строителей не спасся.

Тайна постройки была погребена.

И когда гробовая тишина смѣнила яростную симфонію шума воды и воплей утопающихъ,--фараонъ приказалъ спустить цистерны въ море,—и вода унесла трупы въ морской просторъ.

Это былъ праздникъ для акулъ.

— Вотъ почему онѣ такъ и любятъ берега Адена!-объясняютъ арабы.

А когда вы поѣдите черезъ горы, вашъ путь будетъ лежать сквозь узкое ущелье прорубленное въ скалѣ.

На верху перекинутъ легенькій круглый каменный мостикъ.

Это тріумфальная арка фараона, единственное яркое пятно среди бѣлаго и чернаго цвѣтовъ Адена.

У природы осталось на палитрѣ немного ярко-красной краски, и она окрасила ею разрѣзанную скалу.

Эти стѣны ущелья кажутся облитыми кровью.

То алая, то ярко-пурпурная, она какъ будто течетъ по каменнымъ стѣнамъ; тамъ запеклась яркимъ огромнымъ пятномъ, здѣсь бѣжитъ извилистою струйкой.

— Это кровь тѣхъ рабовъ, которые отказывались строить цистерны. Ихъ сбрасывали съ этихъ скалъ—объясняютъ арабы.

СТРАШНЫЙ СУДЪ.

Великій Аллахъ, да будетъ благословенно имя его во вѣки-вѣковъ, не знаетъ покоя ни ночью, ни днемъ.

Повелѣвая солнцу подниматься изъ глубокихъ горныхъ ущелій и опускаться въ морскую глубину, лунѣ возвѣщать славу Божію и звѣздамъ указывать путь караванамъ въ пустынѣ,—онъ выслушиваетъ мольбы и жалобы правовѣрныхъ, творитъ судъ, однихъ награждаетъ женами и дѣтьми, другихъ поражаетъ болѣзнями и безплодіемъ и прогонятъ красоту съ лица женъ ихъ.

Да будетъ благословенно имя его,—утомится Аллахъ и скажетъ:

— Да будетъ этотъ день днемъ покоя.

И настанетъ день безъ конца.

Ни день, ни ночь: и солнце не погрузится въ море, и луна остановится на мѣстѣ, и звѣзды будутъ сіять.

И засіяетъ все негаснущимъ, лучезарнымъ блескомъ.

И скажетъ великій Аллахъ: —Покоя хочетъ святая душа моя.

И воины его, храбрѣйшіе изъ павшихъ въ священныя войны, принесутъ ему со всѣхъ сторонъ свѣта розовыхъ облаковъ и устроятъ ложе.

А земля, покрытая цвѣтами, будетъ какъ кадильница у ложа его. И ляжетъ Аллахъ и захочетъ наслаждаться чтеніемъ.

И начнетъ онъ читать, какъ книги,—души право-

вѣрныхъ. И не будетъ для него разницы въ чтенiи души черныхъ и бѣлыхъ людей,—какъ для мудреца нѣтъ разницы, въ черный или бѣлый цвѣтъ переплетена книга.

И возрадуется душа Аллаха при чтенiи душъ праведниковъ.

И когда прочтетъ Аллахъ душу великаго султана, султана султановъ, Мегемета—Али, да будетъ имя его славно, и послѣ того, какъ солнце и луна вмѣстѣ засiяютъ на небѣ, возрадуется духъ его,—и воскликнетъ великiй Аллахъ:

— Клянусь могуществомъ, я не читалъ книги лучше!

И скажетъ воинамъ своимъ:

— Возьмите душу султана султановъ, Мегемета—Али, да славится имя его, и храните, и давайте мнѣ читать только въ дни большого Байрама, когда веселья захочетъ душа моя.

И разведутъ воины Аллаха, храбрѣйшiе изъ храбрыхъ, огромный костеръ.

И будетъ Аллахъ читать только души правовѣрныхъ, — а души невѣрныхъ кидать, не читая, въ огонь, какъ книги, написанныя на непонятномъ ему языкѣ. А души англичанъ разорветъ пополамъ, бросая въ огонь, и скажетъ:

— Двѣ души у нихъ было, два языка для лжи, пусть будетъ и теперь раздвоена душа ихъ.

И омрачится при чтенiи нѣкоторыхъ душъ правовѣрныхъ лицо Аллаха.

И поступитъ онъ съ ними, какъ поступаютъ съ книгами, читать которыя зазорно правовѣрнымъ.

Броситъ онъ ихъ въ огонь.

И, бросивъ въ огонь всѣ нечестивыя души, онъ скажетъ своимъ воинамъ, храбрѣйшимъ изъ храбрыхъ, указывая на души, оставленныя для чтенiя:

— Возьмите ихъ и отнесите на самое верхнее нéбо. Пусть бережно онѣ хранятся тамъ. А для ухода за ними поставьте гурій. Пусть гуріи наполняютъ ихъ страницами наслажденія и пѣсенъ, чтобы онѣ веселили потомъ, во время чтенія, сердце мое. А душа султана султановъ, Мегемета-Али, да славится имя его, пусть сіяетъ между ними, какъ луна среди звѣздъ, и да служитъ украшеніемъ книгохранилища моего.

И отнесутъ воины Аллаха, храбрѣйшіе изъ храбрыхъ, праведныя души на верхнее небо, и начнутъ гуріи наполнять ихъ страницами любви и наслажденія.

Такъ что на каждую строку добрыхъ дѣлъ будетъ тысяча-тысячъ страницъ наслажденій.

И будетъ Аллахъ возлежать на облакахъ, съ удовольствіемъ вспоминая прочитанное имъ въ праведныхъ душахъ.

И каждый разъ, когда святой муэдзинъ съ высочайшей изъ звѣздъ возгласитъ, какъ съ минарета:

— Нѣтъ Аллаха, кромѣ Аллаха, и Магометъ пророкъ его.

Аллахъ будетъ прибавлять:

— И нѣтъ правовѣрнаго доблестнѣе Мегемета-Али, султана-султановъ.

И воины его, храбрѣйшіе изъ храбрыхъ, отвѣтятъ:

— Да будетъ такъ.

Молись Юзуфъ.

Молись, чтобъ хоть въ тысячу тысячъ лѣтъ одинъ разъ спросилъ Аллахъ, да будетъ благословенно имя его:

— Дайте мнѣ душу Юзуфа, чтобъ я наслаждался чтеніемъ ея.

О происхожденіи клеветниковъ.

I.

Когда всесильный Магадэва изъ ничего создалъ прекрасный міръ; онъ спустился на землю, чтобы полюбоваться дѣломъ рукъ своихъ.

Въ тѣни густыхъ ліанъ, на ложѣ изъ цвѣтовъ, онъ увидѣлъ человѣка, который ласкалъ свою прекрасную подругу,—спросилъ его:

— Доволенъ ты тѣмъ, что я создалъ для твоего счастья? Лазурью неба и блескомъ моря, блѣдными лиліями и яркими розами и тихимъ благоуханнымъ вѣтеркомъ, который вѣетъ ароматомъ цвѣтовъ и какъ опахало тихо колышетъ надъ тобою стройныя пальмы въ то время, какъ ты отдаешься восторгамъ любви съ прекрасной подругой твоей?

Но человѣкъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на него, уже не узнавая Магадэву, и дерзко отвѣтилъ.

— Кто ты? И почему ты спрашиваешь меня? Какое дѣло тебѣ до того, доволенъ или недоволенъ я тѣмъ, что существуетъ? И почему я долженъ отвѣчать тебѣ?

Сказалъ Магадэва:

— Я тотъ, которому ты обязанъ всѣмъ, что существуетъ, и даже тѣмъ, что существуешь ты самъ. Я тотъ, кто создалъ лазурное небо, блескъ моря, кто щедрой рукой разсыпалъ цвѣты по полямъ и лугамъ, кто зажегъ звѣзды въ небесахъ, кто создалъ пр-

красныя пальмы и обвилъ ихъ ліанами. Я тотъ, кто повелѣлъ быть солнцу, создалъ день и ночь, страстный зной и прохладу, твою прекрасную подругу и тебя. Мнѣ ты обязанъ благодарностью за все.

Съ изумленіемъ сказалъ человѣкъ:

— Благодарностью? За то, что ты создалъ все? Какое же мнѣ дѣло до этого? И за что я долженъ благодарить тебя? Я вижу, что все существующее прекрасно. Съ меня довольно. И какое мнѣ дѣло еще думать о томъ, кто, для чего и почему создалъ все это! Отойди съ твоими праздными разговорами и не мѣшай мнѣ наслаждаться тѣмъ, что существуетъ.

И изумленье отразилось на лицѣ Магадэвы.

— Какъ? Въ глубинѣ твоего сердца не шевелится желанья пасть ницъ передо мной, твоимъ творцомъ, молиться мнѣ и благодарить меня за все, что я далъ тебѣ?

— Молиться? — воскликнулъ человѣкъ, — тратить время на какія-то молитвы, когда жизнь такъ прекрасна? Когда такъ лазурно небо, блещетъ море и прекрасна подруга? И ты хочешь, чтобы я, видя все это, думалъ о тебѣ? Ты хочешь, чтобъ я отнималъ у нея часы восторговъ и любви и отдавалъ ихъ какимъ-то молитвамъ? Нѣтъ. Жизнь прекрасна и некогда молиться. Надо пользоваться тѣмъ, что есть, и не тратить время на благодарност

Такъ родился на свѣтъ страшнѣйшій изъ грѣховъ.

Поблекли цвѣты, пальмы съ укоромъ качали своими красивыми вершинами,—и вѣтерокъ шепталъ среди ліанъ имя рожденнаго грѣха.

И прозвучало надъ міромъ новое слово:

— Неблагодарность.

II.

Тогда великій Магадэва, въ порывѣ праведнаго гнѣва, подъялъ руку, чтобъ предать проклятію пре-

зрѣнный родъ людской, забывшій его. И отъ движенія руки его ураганъ пронесся надъ землею, поднялъ и закрутилъ въ воздухѣ знойные пески пустыни.

Тучами полетѣли миріады раскаленныхъ песчинокъ, сжигая, погребая все на пути своемъ.

Блекли цвѣты, гибли пальмы, пересыхали прозрачныя, кристальныя рѣки и раскаленныя песчинки съ жгучею болью вонзались въ тѣло людей.

Нахмурилъ чело Магадэва, — и тучи поползли по лазурному небу, заслоняя свѣтъ солнца.

Слезы ярости сверкнули на очахъ Магадэвы, — и изъ тучъ полилась холодная вода.

Подъ струями ея дрожали своими окоченѣвшими членами люди и тщетно старались они укрыться отъ ледяныхъ потоковъ подъ сѣнью пальмъ.

Стройныя пальмы не хотѣли давать пріюта неблагодарнымъ.

Отъ прикосновенія людей онѣ съ отвращеніемъ вздрагивали и обдавали прижавшихся къ ихъ стволамъ потоками холодной накопившейся влаги.

Слово сказалъ Магадэва,—и громы загремѣли въ небесахъ, и молніи посыпались, прорѣзывая тьму, отъ разъяренныхъ взоровъ его.

Въ смертельномъ ужасѣ дрожали окоченѣвшіе люди,—и имъ не было куда укрыться отъ ледяныхъ потоковъ, страшныхъ громовъ, которые трепетомъ наполняли все ихъ существо, и блещущихъ зигзаговъ молніи.

— Вспомнятъ теперь они обо мнѣ! — сказалъ Магадэва.

Но люди не вспомнили о Магадэвѣ.

Въ дѣвственныхъ лѣсахъ застучалъ топоръ, со стономъ падали стройныя пальмы, пораженныя на смерть,—и люди строили себѣ жилища.

Все, что существуетъ, своимъ существованіемъ обязано грѣху.

Чтобъ спастись отъ казни за неблагодарность, люди построили себѣ жилища.

И съ тѣхъ поръ имъ было все равно.

Неслись-ли въ воздухѣ раскаленные пески, или лились потоки холодной, ледяной влаги, — они ото всего укрывались въ своихъ жилищахъ, отдавая часы непогоды восторгамъ любви.

И страшный раскатъ грома заставлялъ лишь крѣпче прижиматься въ испугѣ прекрасную подругу.

А молніи освѣщали горѣвшіе восторгомъ и любовью смѣющіеся взоры.

III.

Тогда великій Магадэва всю свою ярость и злобу обрушилъ на міръ.

И среди травы и цвѣтовъ поползли огромныя, шипящія змѣи. Изъ лѣсовъ вышли страшные полосатые тигры, съ горящими злобой глазами.

Они подкарауливали людей въ засадѣ, однимъ прыжкомъ кидались на нихъ и острыми, огромными когтями безъ жалости разрывали на части самыя прекрасныя тѣла.

А змѣи безшумно подкрадывались къ людямъ, обвивали ихъ своими холодными кольцами и душили ихъ, не внимая ни стонамъ, ни воплямъ.

Или жалили ихъ, одной каплей яда отравляя весь организмъ и превращая прекрасное, бѣлое, трепещущее, теплое тѣло въ холодную, распухшую, почернѣвшую мертвую массу. И уползали, торжествуя, что причинили гибель и смерть.

— Теперь они вспомнятъ обо мнѣ! — сказалъ Магадэва.

Но человѣкъ тяжелымъ камнемъ убилъ ядовитую змѣю, вырвалъ ея ядовитые зубы, надѣлалъ изъ нихъ отравленныхъ стрѣлъ и, мѣткой рукою пуская ихъ, убивалъ полосатыхъ тигровъ, притаившихся въ чащѣ ліанъ.

Ему не были страшны ни змѣи, ни тигры.

Изъ наказанія, посланнаго Магадэвой, онъ сдѣлалъ забаву для себя.

Онъ не только не бѣжалъ отъ тигровъ,—онъ самъ, нарочно, ходилъ въ лѣса, отыскивалъ ихъ, убивалъ и изъ ихъ полосатыхъ шкуръ дѣлалъ ложе для своей прекрасной подруги, убирая стѣны ея жилища разноцвѣтною кожею змѣй. И жарче былъ поцѣлуй въ награду храбрецу.

IV.

— Васъ не страшатъ ни сила, ни ярость!—воскликнулъ Магадэва,—такъ я же мерзостью наполню этотъ прекрасный міръ и отравлю ваше существованіе.

И, отвернувшись, онъ создалъ мерзкихъ насѣкомыхъ.

Москита, который питался человѣческой кровью и своими укусами красными пятнами и отвратительными буграми обезображивалъ лица, руки и плечи прекрасныхъ женщинъ.

Осу, мерзкое и отвратительное насѣкомое, которое жалитъ только изъ удовольствія причинять непріятность и боль.

Муравьевъ, которые заползали даже въ ложе и не давали покоя ни днемъ, ни ночью.

Но люди прозрачными сѣтками заставили окна отъ москитовъ, нашли самое простое средство отъ укуса осы—слюну, поѣхали въ Персію, поторговались съ персіянами, купили персидской ромашки,—и спокойно

спали, а днемъ, намазанные благовонными мастями, ходили безопасные отъ укушеній москитовъ.

И только больше благоухали прекрасныя женщины.

V.

Тогда изъ глубины океана, въ мглистомъ, черномъ туманѣ, смерчемъ, какъ змѣя, извиваясь спиралью по небеснымъ кругамъ, поднялся на девятое небо къ престолу Магадэвы отецъ зла—Сатана.

И сказалъ:

— Всесильный! Я врагъ твой. Но я помню, что созданъ тобой же. Лишь люди могутъ забывать все. Но Сатана помнитъ, кому онъ обязанъ своимъ существованіемъ. Неблагодарности нѣтъ въ числѣ тѣхъ пороковъ, которыми съ ногъ до головы покрытъ Сатана. Этотъ порокъ принадлежитъ только людямъ. Онъ созданъ ими. Позволь же мнѣ отблагодарить тебя за то, что ты меня создалъ. Позволь мнѣ притти на помощь къ тебѣ въ твоей непосильной борьбѣ.

И Магадэва, съ отвращеніемъ отвернувшись, сказалъ:

— Говори.

— Ты хочешь наказать людей, но слишкомъ благъ и праведенъ, чтобы выдумать такую мерзость, какая можетъ притти въ голову только мнѣ, отцу лжи и порока. Только я могу выдумать нѣчто достойное этой породы. Позволь же мнѣ наказать людей моимъ наказаньемъ, какое мнѣ придетъ въ голову.

И Магадэва, съ отвращеніемъ отвернувшись, далъ рукой знакъ согласія.

VI.

Сатана спустился на землю среди болота и грязи.

Случилось такъ, что въ эту минуту прибѣжалъ

туда спрятаться, укрыться въ камышахъ измѣнникъ. Низкій трусъ, бѣжавшій съ поля сраженія въ самую рѣшительную минуту, предавшій отечество опасности.

Онъ былъ мерзокъ самому себѣ,—но когда Сатана предсталъ предъ нимъ въ настоящемъ видѣ,—даже онъ плюнулъ въ грязь и съ отвращеніемъ бѣжалъ прочь отъ мерзскаго зрѣлища, презирая опасность попасться въ руки враговъ.

Послѣ измѣнника туда же пришелъ парій, чтобъ умыться въ болотной водѣ.

Презрѣнный, прокаженный, отъ котораго сторонились люди, онъ не пугался своего отраженія, когда нагибался пить изъ болота грязную воду.

Но, увидавъ Сатану, и онъ плюнулъ въ грязь и бѣжалъ прочь.

Затѣмъ сюда же пришелъ рабъ.

Презрѣнный, наказанный за свои пороки рабъ,—онъ пришелъ сюда, чтобъ бросить въ болото драгоцѣнный уборъ, украденный у господина.

Эта вещь была дорога его господину, какъ память.

Въ безсильной злобѣ онъ укралъ ее, пришелъ сюда, чтобъ въ видѣ мести сдѣлать своему господину хоть какую-нибудь гадость.

Онъ былъ мерзокъ.

Но и онъ, увидавъ Сатану, отъ омерзѣнія плюнулъ въ ту же грязь, въ которую плюнули измѣнникъ и парій.

Тогда изъ грязи, смѣшанной съ тремя плевками измѣнника, парія и раба,—выросъ Клеветникъ.

Трусливый и низкій какъ измѣнникъ, презрѣнный и прокаженный какъ парій, подлый какъ рабъ, обокравшій своего господина.

Грязный—какъ сама грязь.

Случилось такъ, что въ то время, когда онъ рождался мимо пробѣжала собака.

Съ тѣхъ поръ Клеветникъ не можетъ спокойно видѣть ничего высокаго безъ того, чтобъ сейчасъ же не сдѣлать какую-нибудь мерзость.

Изъ болотныхъ камышей на его рожденіе глядѣлъ бегемотъ.

И оттого кожа Кловетника такъ толста, что ее ничѣмъ не прошибешь.

Увидѣвъ его, говорятъ, самъ Сатана, съ любовью глядѣвшій на свой мерзкій обликъ въ волнахъ океана,—и тотъ не выдержалъ и плюнулъ на него.

Послѣ плевка Сатаны Клеветнику не страшны уже стали плевки людскіе.

VII.

Самый воздухъ священной Калькутты былъ отравленъ клеветой.

Какъ тысячи гадинъ, она расползалась отъ Клеветника по всему городу, заползала во всѣ дома, всюду сѣяла злобу, ненависть, вражду, подозрѣнія.

Священные брамины, почтенные старцы подозрѣвались въ кражахъ; невинныхъ дѣвушекъ, чистыхъ, какъ лилія, подозрѣвали въ гнусныхъ грѣхахъ; мужья безъ отвращенія не могли смотрѣть на своихъ женъ, женамъ мерзко было смотрѣть на мужей, отцы враждовали съ дѣтьми.

Ничего не щадилъ Клеветникъ, и всюду заползала его клевета, отравляя жизнь людямъ.

Его били,—но, благодаря кожѣ бегемота, онъ не чувствовалъ ничего.

Ему плевали въ лицо, но онъ только говорилъ:

— Вотъ и отлично. По крайней мѣрѣ умываться не надо.

Что значили людскіе плевки ему, — на котораго плюнулъ самъ Сатана?!

Его презирали, а онъ смѣялся:

— Неужели вы думаете, что я такъ глупъ, чтобъ ждать за свои клеветы отъ васъ уваженія!!!

Его не брало ничего.

Тогда жители Калькутты выдумали для него самое позорное наказаніе.

Онъ былъ вымазанъ въ смолѣ, его обваляли въ пуху и въ такомъ видѣ, раздѣтаго, заставили ходить по улицамъ.

Но онъ сказалъ:

— Вотъ и отлично: послѣ такого срама мнѣ не страшенъ ужъ больше никакой позоръ.

Такъ всеобщимъ презрѣніемъ въ немъ убили окончательно человѣка.

И онъ клеветалъ ужъ тогда, не боясь ничего.

Но это было только началомъ наказанія Калькутты.

Самое бѣдствіе пришло только тогда, когда въ Калькуттѣ было изобрѣтено книгопечатаніе.

VIII.

Этимъ прекраснымъ даромъ неба мы обязаны любви.

Все, что существуетъ, своимъ происхожденіемъ обязано любви.

И если бы на свѣтѣ не было любви,—не было бъ и насъ самихъ.

Она была жемчужиной Индіи,—и онъ любилъ ее, какъ небо, какъ воздухъ, какъ солнце, какъ жизнь.

При тихомъ мерцаніи звѣздъ, въ благовонную, теплую ночь, онъ говорилъ ей подъ легкій плескъ священныхъ волнъ Ганга:

— Пусть звѣзды, что съ завистью смотрятъ на твою красоту съ далекаго, темнаго неба; пусть ночь, что ревниво покрыла тебя темнымъ пологомъ отъ взоровъ людей; пусть вѣтеръ, что лобзаетъ тебя,

пусть волны священной рѣки, что съ тихимъ, восторженнымъ шепотомъ несутъ морю разсказъ о твоей красотѣ, о, богиня, царица моя! пусть все, пусть весь міръ свидѣтелемъ будетъ моей любви, моихъ клятвъ, дорогая! Дай мнѣ обнять твой станъ, гибкій, какъ сталь, и стройный, какъ пальма. Отдай мнѣ твою красоту неземную! Сдѣлай меня и счастливымъ, и гордымъ. Пусть зависть засвѣтится въ глазахъ всего міра, и лишь въ твоихъ глазахъ, дорогая, пусть тихо мнѣ свѣтитъ любовь. Весь міръ пусть будетъ знать, что моя—прекрасная Жемчужина Индіи.—Слава твоей красоты переживетъ вѣка,—и дѣды внукамъ будутъ, какъ волшебную сказку, разсказывать о красотѣ Жемчужины Индіи. И сердце каждаго юноши сожмется завистью ко мнѣ, къ твоему владыкѣ, къ твоему рабу...

Тихо плескалась рѣка,—и блѣдная, при блѣдномъ свѣтѣ луны, словно ужаленная, быстро поднялась съ мѣста Жемчужина Индіи, уже замиравшая въ объятьяхъ прекраснаго юноши.

— Не знаю кто,—сказала она,—но намъ запретилъ лгать. Ты сказалъ неправду. Какъ всѣ, кто даже меня не видѣлъ, будутъ знать о моей красотѣ? Какъ всѣ, когда меня ужъ не будетъ на свѣтѣ, будутъ завидовать тебѣ? Ты солгалъ,—и я никогда не буду принадлежать человѣку, который лжетъ въ минуты восторговъ любви.

И ея бѣлое покрывало исчезло среди сумрака ночи, еле освѣщеннаго трепетнымъ свѣтомъ луны.

Въ отчаяніи бросился къ волнамъ священнаго Ганга прекрасный юноша.

Но геній слетѣлъ и осѣнилъ его мыслью о тисненіи книгъ.

Въ чудныхъ строкахъ онъ воспѣлъ красоту Жемчужины Индіи,—и въ тысячахъ оттисковъ эта пѣснь красотѣ разнеслась, какъ вѣтеръ, по свѣту.

И всѣ, кто никогда не видалъ ея, знали о красотѣ Жемчужины Индіи.

Отъ дѣдовъ къ внукамъ, какъ волшебная сказка, передавалась эта книга и, читая ее, у людей сжималось сердце завистью къ тому, кого любила, чьей была Жемчужина Индіи.

А за свое чудное открытіе прекрасный юноша былъ награжденъ высшимъ счастьемъ на свѣтѣ—объятіями любимой женщины.

Такъ было въ Индіи въ давно минувшія времена изобрѣтено книгопечатаніе.

IX.

Но и на это орудіе, созданное для того, чтобы воспѣвать всему міру красоту и любовь, устремилъ свое нечистое вниманіе Клеветникъ.

Орудіе любви онъ сдѣлалъ своимъ орудіемъ клеветы.

И съ этихъ поръ сталъ силенъ, какъ никогда.

Ему не нужно было ужъ бѣгать по дворамъ, чтобы разносить клевету.

Въ тысячахъ оттисковъ, она сама разносилась кругомъ, какъ дыханіе чумы.

Это не были слова, которыя прозвучатъ и замолкнутъ, это было нѣчто, что оставалось, чего нельзя было уничтожить.

Онъ не рисковалъ собою, потому что могъ клеветать издалека.

Какъ змѣи ползли его клеветы.

Онъ не щадилъ ничего, не останавливался ни передъ чѣмъ!

Скромныхъ и честныхъ тружениковъ онъ называлъ ворами, грязью забрасывалъ лавры, которыми вѣнчали геніевъ, разсказывалъ небылицы про людей,

которыхъ онъ никогда не видалъ, клеветалъ на женщинъ, на сыновей, говоря, что они обкрадываютъ своихъ родителей,—и когда ему доказывали, что онъ лжетъ, онъ нагло смѣялся и говорилъ:

— Такъ что же? Лгу—такъ лгу. Доказано—такъ доказано. А клевета все таки пущена. Я свое дѣло сдѣлалъ я—сила.

И только тогда, когда клеветникъ началъ плодиться и множиться,—люди вспомнили о Магадэвѣ.

Они пали ницъ и воскликнули:

— Великій Магадэва! Зачѣмъ ты создалъ такую мерзость?!

СОНЪ ИНДУСА.

Инду, тому самому, на которомъ англійскія лэди катаются въ дженерикахъ, какъ на вьючномъ животномъ, — бѣдному Инду, дровосѣку, прачкѣ, проводнику слоновъ или каменотесу,—глядя по обстоятельстомъ,—снился волшебный сонъ.

Ему снился огромный лугъ, поросшій никогда не виданными имъ цвѣтами, издававшими необыкновенное благоуханіе.

И по этому ковру изъ цвѣтовъ, навстрѣчу Инду, шла легкой походкой, еле касаясь ногой цвѣточныхъ вѣнчиковъ, чудная женщина, глаза которой сіяли, какъ два солнца.

Отъ взгляда ея разцвѣтали все новые и новые, дивные, не виданные цвѣты необыкновенной красоты.

Дыханіе ея превращалось въ жасминъ, и дождь лепестковъ сыпался на землю.

По цвѣтамъ лотоса, что цвѣли у нея въ волосахъ,—бѣдный Инду сразу узналъ добрую богиню Сріаканте, супругу божественнаго Сиве и палъ ницъ передъ нею, пораженный нестерпимымъ блескомъ ея глазъ!

— Встань Инду!—сказала богиня, и при звукахъ ея голоса еще больше запахло въ воздухѣ цвѣтами, а во рту Инду стало такъ сладко, какъ-будто онъ только-что наѣлся варенья изъ имбиря.

— Встань Инду!—повторила богиня,—развѣ ты не съ чистымъ сердцемъ возлагалъ цвѣты на алтари боговъ? Развѣ не жертвовалъ тяжелымъ трудомъ заработанной рупіи на бѣдныхъ, живущихъ при храмѣ? Развѣ не любилъ въ часъ досуга посидѣть подъ священнымъ деревомъ Ботри, деревомъ, подъ которымъ снизошло вдохновеніе на Будду, и развѣ ты не отдавался подъ этимъ деревомъ мыслямъ о божествѣ? Развѣ ты убилъ въ своей жизни хоть муху, хоть москита, хоть комара? Развѣ ты билъ тѣхъ слоновъ, при которыхъ служилъ проводникомъ? Развѣ ты сопротивлялся, когда тебя били? Развѣ ты, когда умиралъ съ голода, убилъ хоть одно изъ твореній божіихъ, чтобъ напитаться его мясомъ? Развѣ ты сказалъ хоть слово тому сэру, который избилъ тебя до крови палкой только за то, что ты нечаянно толкнулъ его, неся тюкъ, своей тяжестью превозмогавшій твою силу? Отчего-же ты не дерзаешь взглянуть прямо въ очи твоей богинѣ?

— Нѣтъ!—отвѣчалъ Инду, — я ничего не дѣлалъ, что запрещено. Но меня слѣпитъ, богиня, солнечный свѣтъ отъ глазъ твоихъ.

— Встань, Инду! — сказала богиня, — мой взглядъ огнемъ слѣпитъ только злыхъ, и тихимъ свѣтомъ сіяетъ для добрыхъ.

Поднялся Инду, — и былъ взглядъ богини, какъ тихое мерцаніе звѣздъ.

— Ты ничего не дѣлалъ, что запрещено!—сказала богиня съ кроткой улыбкой, и отъ улыбки ея расцвѣли розовые лотосы, — и Тримурти хочетъ, чтобъ ты предсталъ предъ лицомъ его и видѣлъ вѣчную жизнь предъ тѣмъ, какъ увидѣть вѣчный покой.

И предсталъ бѣдный Инду предъ престолами Тримурти.

Предъ тремя престолами, на которыхъ, окруженные

волнами благоуханнаго дыма, сидѣли Брахма, Вишну, Сиве.

— Я далъ ему жизнь, — сказалъ Брахма, — и онъ не употребилъ ея, чтобы отнять жизнь у другаго!

— Я далъ ему разумъ,—сказалъ Сиве, повелитель огня, я вложилъ огненный уголь въ его голову, — уголь, который огнемъ воспламенялъ его, — я далъ ему мысль. И онъ не воспользовался ею, чтобъ измыслить зло своимъ врагамъ.

— Онъ мой!—сказалъ черный Вишну, увидавъ полосы бѣлой золы на лбу бѣднаго Инду,—онъ поклонялся мнѣ.

И погладилъ бѣднаго Инду по головѣ, такъ ласково,—ну, право, словно любимаго сына.

И позвалъ Вишну громкимъ голосомъ Серасвоти, всевѣдующую богиню, свою божественную супругу, и сказалъ ей:

— Возьми Инду, поведи его и покажи ему вѣчную жизнь, какъ наши жрецы показываютъ храмы чужеземцамъ.

И богиня Серасвоти, прекрасная богиня, со строгимъ, суровымъ лицомъ, слегка коснулась своимъ острымъ, какъ осколокъ стекла, мечемъ чела Инду,— и увидѣлъ онъ себя летящимъ въ безконечномъ пространствѣ. И услышалъ онъ божественную музыку, какъ-бы тихое пѣніе и нѣжный звонъ и мелодію безчисленныхъ скрипокъ.

Мелодію, которую можно слушать весь вѣкъ.

Гармонію вселенной.

Это пѣли, звеня въ эфиры, прекрасные міры.

И четыре звѣзды неподвижно сіяли съ четырехъ сторонъ свѣта.

Яркая, бѣлымъ свѣтомъ озаренная, какъ алмазъ горѣвшая звѣзда, — Дретореастре, — звѣзда лучезарнаго юга.

Чернымъ блескомъ горѣвшая, какъ черный жемчугъ,—жемчужина короны Тримурти,—Вируба, звѣзда запада.

Розовая, какъ самый свѣтлый рубинъ звѣзда Пакши—звѣзда востока.

И желтая, какъ рѣдкій золотистый брилліантъ,—Уайсревона, звѣзда сѣвера.

И на каждой изъ звѣздъ словно дѣти рѣзвились, въ дѣтскія игры играли, взрослые люди, съ глазами, сіявшими чистотой и радостью, какъ глаза ребенка.

— Это праведники сѣвера, востока, юга и запада!—сказала суровая, вѣщая богиня Серасвоти, — всѣ тѣ, кто соблюдалъ заповѣди Тримурти и не дѣлалъ никому зла.

— А гдѣ-же тѣ... другіе? — осмѣлился спросить Инду

Богиня разсѣкла своимъ мечемъ пространство.

И бѣдный Инду вскрикнулъ и отшатнулся.

— Не бойся, ты со мной!—сказала ему Серасвоти.

Изъ огненной бездны, наполненной гадами, къ нимъ шипя и облизываясь жаломъ, съ глазами, горѣвшими жадностью, поднималась, вставши на хвостъ, огромная очковая змѣя.

Поднималась, словно готовясь сдѣлать скачокъ.

Ея горло раздувалось какъ кузнечныя мѣхи и сверкало всѣми переливами радуги.

Изо рта ея вылѣтало дыханіе, знойное, какъ полудневные лучи солнца, — и бѣдному Инду казалось, что ея вьющееся и свѣркающее какъ молнія жало вотъ-вотъ лизнетъ его по ногамъ.

По глазамъ, вселяющимъ ужасъ, по взгляду, отъ котораго костенѣютъ и лишаются движенія руки и ноги человѣка,—Инду узналъ въ очковой змѣѣ Ирайдети, страшную супругу повелителя ада.

А ея мужъ, грозный Пурнакъ, сидѣлъ на кострѣ

и въ три глаза смотрѣлъ какъ сынъ его Афритъ, отвратительное чудовище съ козлиной бородкой, превращалъ грѣшниковъ въ скорпіоновъ, жабъ, змѣй, прочихъ нечистыхъ животныхъ.

Какихъ, какихъ гадовъ не выходило изъ рукъ Африта, и при каждомъ новомъ превращеніи Пурнакъ съ удовольствіемъ восклицалъ:

— Jes!

— И долго будутъ мучиться такъ эти несчастные?— спросилъ Инду, указывая на гадовъ.

— До тѣхъ поръ, пока страданіями не искупятъ своихъ преступленій и смертью не купятъ покоя небытія!—отвѣчала вѣщая Серасвоти и снова взмахнула мечемъ.

Инду лежалъ въ густомъ лѣсу, у самаго края маленькаго болотца, съ водой чистой и прозрачной, какъ кристалъ, подъ тѣнью огромнаго узорнаго папоротника, а надъ его головой склонялся росшій въ болотѣ лотосъ, лилъ ему въ лицо благоуханіе изъ своей чаши и шепталъ:

— Я была вѣрной и любящей женой своего мужа. Я заботливо няньчила только его дѣтей. Мои глаза смущали многихъ,—это правда; — но никогда ни золотыя монеты, ни самоцвѣтныя камни, которые мнѣ, предлагали иностранцы, ни цвѣты, которые мнѣ, какъ богинѣ, приносили индусы,—ничто не заставило меня ласкать другого. Мнѣ тоже хотѣлось сверкающими кольцами украсить пальцы своихъ ногъ и продѣть блестящія серьги въ ноздри и уши, и шелковой тканью крѣпко обвить станъ,—но я довольствовалась кускомъ бѣлой грубой ткани, чтобы прикрыть себя отъ жадныхъ, грѣшныхъ взглядовъ. Никогда мужъ мой не слышалъ отъ меня грубаго слова, и всегда ласка ждала его на порогѣ его дома. Я была женой бѣднаго дровосѣка и превращена въ лучшій изъ цвѣтовъ.

Сорви меня и возложи на алтарь Будды. Мой ароматъ, какъ благоуханная молитва понесется къ нему, а моя душа улетитъ въ Нирванну насладиться покоемъ.

— Мы были молодыми дѣвушками, скромными и не знавшими грѣшныхъ ласкъ!—говорили жасмины на кустахъ,—сорви насъ, чтобы мы тоже могли унестись въ Нирванну, гдѣ въ божественномъ покоѣ дремлетъ Будда. Ничего не видитъ и не слышитъ Будда, только молитвенное благоуханіе цвѣтовъ, возложенныхъ на алтарь, доносится до него.

И вскочилъ отъ изумленія Инду.

Въ чистомъ, прозрачномъ, какъ кристаллъ, болотцѣ разцвѣталъ огромный, невиданной красоты, цвѣтокъ.

„Victoria Regia,“—какъ зовутъ его чужеземцы.

— Я душа могущественной повелительницы, чьи подданные всегда вкушали миръ и покой. Слово „война“ никогда не произносилось въ предѣлахъ владѣній моихъ, и слово „смерть“ никогда не слетало съ моихъ устъ.

Весь лѣсъ былъ полонъ шопота.

Среди высокихъ, стройныхъ кокосовыхъ пальмъ и могучихъ хлѣбныхъ деревьевъ, пышно разрослись банановыя деревья. Молодые побѣги бамбука шелестѣли и разсказывали волшебныя сказки. Огромный бамбукъ посылалъ съ узловатыхъ вѣтвей побѣги, которые касались земли и жадно пили ея влагу.

Вѣерныя пальмы, словно распущенные хвосты гигантскихъ павлиновъ, тихо качались какъ опахала.

А въ чащѣ рѣзвились, бѣгали насѣкомыя, горя, словно самоцвѣтные камни. Огромнныя бабочки порхали съ вѣтки на вѣтку и, когда раскрывали свои крылья, сверкали всѣми цвѣтами радуги.

Обезьяны съ криками цѣплялись за ліаны, которыя, словно толстые канаты, перекидывались съ пальмы на пальму.

Бѣгали проворныя ящерицы, мелькнулъ, мѣняясь изъ синяго въ ярко—красный цвѣтъ, хамелеонъ. Огромный мохнатый,—словно поросшій черными волосами, паукъ раскинулъ между деревьями свои сѣти, крѣпкія какъ проволоки, и, притаившись, поджидалъ крошечныхъ птичекъ, съ золотистыми хохолками и хвостиками,—птичекъ, которыя беззаботно чиликали, перескакивая съ одного куста на другой. Скорпіонъ, извиваясь, промелькнулъ около ногъ Инду и не сдѣлалъ ему никакого вреда.

И все это шептало, все говорило на человѣческомъ языкѣ.

— Будь проклята, моя прошлая жизнь!—ворчалъ мохнатый паукъ,—много мнѣ принесли мои сокровища, я былъ владѣльцемъ большой фабрики и пріѣхалъ сюда изъ далекой стороны, съ острова, гдѣ вѣчный холодъ и туманъ! Сколько индусовъ начало кашлять кровью отъ моихъ побоевъ, сколько ихъ женъ, дочерей и сестеръ я купилъ! И вотъ теперь принужденъ сосать кровь изъ маленькихъ птичекъ, какъ пилъ ее когда-то изъ индусовъ! Лучше—бы меня убилъ кто!

— А мы были бѣдными индусами! — говорили пальмы и бананы,—но у насъ не осталось дѣтей,— и вотъ почему мы выросли въ дремучемъ лѣсу. А если-бы у насъ были потомки, мы выросли-бы у ихъ хижинъ, заботились бы о нихъ, давали бы имъ плоды, лакомства и пищу.

— Я всегда стремился къ небу!—говорилъ индусъ, превращенный въ кокосовую пальму.

— А я хоть и думалъ больше о земномъ, но никому не сдѣлалъ зла!—весело говорилъ обремененный плодами бананъ.

А вѣерная пальма покачивалась, какъ огромное опахало,—и шелестѣла своими листами:

— Взгляни на меня, путникъ, какъ я красива. Всю жизнь я помогала нуждающимся. И меня не даромъ зовутъ индусы „пальмой путешественниковъ". Ты умираешь отъ жажды и зноя, сломай одинъ изъ моихъ листьевъ,—внутри таится чистая, прозрачная, какъ кристаллъ, какъ ледъ, холодная вода.

— Взгляни въ мои глаза!—шептала очковая змѣя, выползая изъ-подъ папоротниковъ,—взгляни! Тебѣ я не сдѣлаю зла. Взгляни въ мои глаза: сколько чаръ въ нихъ, — отъ нихъ нельзя оторваться. Таковы же они были и тогда, когда я была женщиной. Женой такого же индуса, какъ и ты. Я любила пѣсни и пляски, наряды, золото и самоцвѣтные камни. И я имѣла ихъ. И вотъ теперь меня всѣ бѣгутъ, я страшнѣйшая изъ гадинъ, и должна искать человѣческой крови для Айхивори, моей страшной повелительницы. Нѣтъ крови въ сердцѣ Айхивори: блѣдная, какъ покойница, посинѣвшая, лежитъ она. И я отыщу спящаго и ужалю его, и подползу къ Айхивори и жаломъ лизну ее по губамъ. Тогда подымется Айхивори, страшный, блѣдный, синій вампиръ,—и на крыльяхъ летучей мыши полетитъ къ трупу,—и вопьется въ тѣ ранки, что я сдѣлаю зубами, и капля по каплѣ станетъ пить кровь. И нальется кровью сердце Айхивори, и грѣшный румянецъ, какъ зарево пожара, который загорится въ крови, вспыхнетъ на блѣдныхъ щекахъ. И страсть омрачитъ ей разсудокъ и помчится она къ своему повелителю, Пурнаку, и осыпетъ его отвратительнѣйшими изъ ласкъ. Ласки, отъ которыхъ родятся скорпіоны и женщины—вампиры.

Словно два желтыхъ огня сверкнули въ темнотѣ чащи, черная пантера щелкнула зубами, завыла и кинулась искать человѣческаго мяса. Въ ней жила душа убійцы.

— О, Боги! Къ чему я питался мясомъ животныхъ

и убивалъ, чтобъ жить!—вздыхалъ кабанъ, съ трескомъ раздвигая кусты,—вотъ за что я превращенъ въ гнуснѣйшее изъ четвероногихъ.

— А я была невѣстой, но умерла до брака!—прошептала мимоза и стыдливо закрыла свои листики.

Илангъ—илангъ душистымъ вѣнкомъ обвилъ голову Инду...

И бѣдный Инду вскочилъ, получивъ здоровенный ударъ сапогомъ въ бокъ.

— Дрыхнешь, лѣнивая каналья? Тебѣ даромъ платятъ десять центовъ въ день?—кричалъ мистеръ Джонъ, повторяя удары.

Инду вскочилъ, провелъ рукой по глазамъ, чтобы прояснить мысли и улыбнулся, несмотря на здоровую боль въ боку.

Улыбнулся предкамъ, которые стройно тянулись къ небу, улыбнулся душамъ молодыхъ дѣвушекъ, душамъ, которыя цвѣли и благоухали на кустахъ жасмина.

— Еще смѣяться, черномазая каналья?

А онъ улыбался, принимаясь за работу, улыбался, какъ человѣкъ, который знаетъ кое-что, о чемъ и не подозрѣваютъ другіе.

Онъ зналъ кое-что, о чемъ и не догадывался мистеръ Джонъ.

ЛЕГЕНДА ОБЪ ИЗОБРѢТЕНІИ ПОРОХА.

Обитель спитъ.

Свѣтъ брезжится только въ кельѣ отца Бертольда. Отецъ Бертольдъ всегда работаетъ по ночамъ. Часто утренній свѣтъ застаетъ его за колбами и ретортами, погруженнымъ въ его обычныя, странныя, таинственныя занятія.

Тогда отецъ Бертольдъ осѣняетъ себя знаменіемъ и идетъ весь день молиться, чтобы съ вечера снова приняться за свои диковинные инструменты, довольствуясь всего двумя-трема часами отдыха для грѣшной плоти.

День—молитвѣ, ночь—труду.

Отецъ Бертольдъ убилъ стою плоть.

Съ виду—это изсохшій аскетъ, обтянутый хухой кожей. Мертвецъ, которому чуждо все житейское. Только глаза живутъ, горятъ, свѣтятся какимъ-то фанатическимъ огнемъ, который сжигаетъ мозгъ отца Бертольда.

— Онъ—или великій грѣшникъ, или великій праведникъ!—рѣшили въ монастырѣ, и даже отецъ настоятель не допытывается, какими таинственными работами занятъ по ночамъ монахъ Бертолъдъ.

Онъ только спросилъ:

— Клонятся-ли твои труды, сынъ мой, къ прославленію нашей великой церкви?

— О, да!—отвѣчалъ монахъ, и въ глазахъ его еще ярче вспыхнулъ фанатическій огонь,—если Богъ поможетъ мнѣ окончить мои труды,—счатье и миръ воцарятся среди людей, они предадутся Единому Богу и врагъ святой церкви будетъ сокрушенъ на вѣки!

— Да благословитъ Господь труды твои и да укрѣпитъ тебя въ вѣрѣ твоей!—сказалъ ему отецъ настоятель.

— Аминь!—отвѣтилъ монахъ и голосъ его прозвучалъ такой искренней, горячей, твердой вѣрой, что для настоятеля не осталось никакого сомнѣнія: отецъ Бертольдъ, дѣйствительно, занятъ дѣломъ, угоднымъ Богу и полезнымъ святой церкви.

Съ тѣхъ поръ отецъ Бертольдъ безпрепятственно работаетъ по ночамъ.

Но сегодня онъ не занятъ своими колбами и ретортами.

Съ горящими глазами онъ стоитъ около высокаго, стрѣльчатаго окна, приложивъ свой пылающій лобъ къ желѣзной рѣшеткѣ,—одной изъ рѣшетокъ, которыми обитель ограждается отъ грѣшнаго міра.

Отецъ Бертольдъ смотритъ на темное небо, усѣянное звѣздами, на долину, потонувшую во мракѣ, на заснувшій городъ, который видѣнъ съ монастырской горы.

И въ душѣ отца Бертольда живетъ та-же смутная тревога, которая вотъ уже нѣсколько дней не даетъ ему ни молиться, ни работать.

Это дьяволъ искушаетъ его и вселяетъ въ сердце смутную тревогу, сѣетъ сомнѣнье, чтобы помѣшать отцу Бертольду въ его великомъ и святомъ дѣлѣ.

Съ этой смутной тревогой въ душѣ отецъ Бертольдъ не можетъ приняться за свое великое дѣло,—изобрѣтеніе искусственнаго золота.

Да, это „сотретъ голову змія“, лишитъ дьявола

его оружія, которымъ онъ завоевываетъ міръ и борется со святой церковью.

Эти крупинки, блескомъ которыхъ дьяволъ ослѣпляетъ разумъ людей, будутъ тогда дѣлаться въ мастерскихъ простыми мастерами.

И золото будетъ цѣниться не выше, чѣмъ глина. Оно перестанетъ быть рѣдкостью. Человѣчество будетъ имѣть его когда угодно и сколько угодно, въ изобиліи, въ избыткѣ. Оно перестанетъ владѣть міромъ.

Богачи сразу перестанутъ быть богатыми, равенство воцарится между людьми. Не для чего будетъ изнурять себя тяжкой работой, нечего будетъ добиваться, не изъ-за чего бороться, ненавидѣть, нечему завидовать,—всѣ люди превратятся въ братьевъ и будутъ служить Единому Богу, и больше никому.

Потому что люди существуютъ для добра, и только дьяволъ опуталъ ихъ своими золотыми сѣтями.

Но почему-же сомнѣнье въ этомъ вкрадывается въ душу отца Бертольда?

Сомнѣнье, которое мѣшаетъ отцу Бертольду продолжать его великое дѣло избавленія міра отъ власти дьявола?

Его великое дѣло подвигается впередъ.

Въ горнилѣ блестятъ уже маленькія золотыя пылинки. Это еще не золото. Но это первообразъ, зародышъ золота. У нихъ уже много общаго съ проклятымъ металломъ. Еще усиліе,—и пылинки превратятся въ настоящее золото.

Золото, которое каждый можетъ приготовить для себя въ томъ количествѣ, въ какомъ пожелаетъ!

Власти дьявола наступитъ конецъ.

И въ эти-то минуты, когда отцу Бертольду особенно нужна вся его вѣра,—сомнѣнье закрадывается въ душу... Волкъ пожираетъ ягненка, паукъ пожираетъ муху,—человѣкъ пожираетъ человѣка.

И старая формула „homo homini lupus“,—какъ свинцомъ давитъ мозгъ.

— „Человѣкъ человѣку волкъ“.

На лицахъ богомольцевъ, приходящихъ въ обитель, лицахъ, изборожденныхъ морщинами, свидѣтелями борьбы,—онъ читаетъ эту злобу и ненависть, и взаимное ожесточеніе, которыя царятъ тамъ, въ мірѣ.

Развѣ Каинъ убилъ Авеля не тогда, когда люди еще не знали проклятаго и презрѣннаго металла?

И даже въ книганъ Священнаго писанія отецъ Бертольдъ читаетъ о людской злобѣ, ненависти, ожесточеніи.

— Міромъ правятъ злоба и ненависть, и наша святая церковь лишь старается привить людямъ добро и любовь,—пріучить коршуна питаться зернами пшеницы и волка—травой.

И даже, — страшно подумать,—отъ костровъ святѣйшей инквизиціи на Бертольда дышетъ тѣмъ-же огнемъ злобы и ненависти,—и дымъ костровъ кажется ему дымомъ ненависти, которая разстилается по землѣ.

Какія мысли! О, Боже!

Но напрасно отецъ Бертольдъ падаетъ на колѣни передъ святымъ Распятіемъ и цѣлыми часами глядитъ на ликъ Распятаго, ища утѣшенія, поддержки въ горѣ.

Тамъ, внизу, у подножія креста, ему чудятся лица, въ глазахъ которыхъ свѣтятся злоба, ненависть, ожесточеніе.

Непримиримыя, вѣковыя, несокрушимыя, владѣющія сердцами людей съ самаго сотворенія міра.

Теплая, тихая ночь спустилась на землю, неся съ собою миръ, покой, благодатный сонъ.

И отцу Бертольду кажется, что то не благодатная ночь, посланница небесъ, спустилась на землю,—а

чудовище какое-то ползетъ по ней, прикрывая своимъ темнымъ, богато золотомъ расшитымъ плащемъ все, что боится яркаго дневного свѣта.

Сколько преступленій творится подъ покровомъ ночи!

Все засыпаетъ, кромѣ человѣческой злобы, которая не знаетъ ни дня, ни ночи, ни сна, ни отдыха, ни покоя.

Въ этомъ городѣ теперь сговариваются на преступленія, подстерегаютъ изъ-за угла, убиваютъ.

И отцу Бертольду кажется, что онъ слышитъ на своемъ лицѣ дыханіе этой вѣковой злобы, наполняющей воздухъ всего міра.

И въ сердцѣ рождается сомнѣнье:

— Точно ли люди созданы для добра и любви?

О, онъ знаетъ, что это значитъ!

Это дьяволъ искушаетъ его, какъ искушалъ нѣкогда св. Діонисія.

Объ этомъ онъ читалъ въ анналахъ

Св. Діонисій былъ великій подвижникъ, и дьяволу очень хотѣлось столкнуть его со стези добродѣтели, смиренія и подвижничества.

Взоръ св. Діонисія всегда былъ устремленъ въ землю,—начало и конецъ человѣчества.

Даже идя въ церковь, онъ смотрѣлъ, не задавитъ ли хотя и нечаянно, или не причинитъ ли вреда какой-нибудь маленькой твари.

А если замѣчалъ ползущую букашку, то осторожно бралъ ее и клалъ на траву въ безопасное отъ прохожихъ мѣсто, чтобы и другой кто нечаянно не сдѣлалъ зла маленькому созданію Божьему.

И было каждое его доброе дѣло — великимъ посрамленіемъ дьяволу, потому что нѣтъ дьяволу худшаго посрамленія, чѣмъ доброе дѣло, сдѣланное человѣкомъ.

И терпѣлъ дьяволъ изъ-за св. Діонисія великій срамъ и стыдъ.

И сталъ онъ искушать святого.

Дьяволъ являлся къ св. Діонисію въ видѣ восточныхъ пословъ, которые приносили ему лучшія сокровища міра и звали его яко бы на царство, гдѣ онъ могъ бы доставить счастье тысячамъ людей и всесвѣтную славу себѣ.

Но св. Діонисій не прельстился ни богатствомъ, ни славой, ни властью,—и не отступилъ отъ служенія Единому Господу.

Когда св. Діонисій постился, не вкушая ничего, и изнемогалъ уже отъ поста, дьяволъ разставлялъ передъ нимъ богато убранные столы, которые ломились подъ тяжестью явствъ и благоухающихъ напитковъ; среди цвѣтовъ были разложены рѣдкіе, спѣлые сочные плоды.

Но св. Діонисій, взирая на все это, только еще усерднѣе продолжалъ свой постъ, посрамляя дьвола.

Когда св. Діонисій въ полѣ изнемогалъ на работѣ отъ зноя, передъ нимъ выростали тѣнистые лѣса, въ которыхъ журчали кристальные ручьи и пѣли дивныя птицы.

Деревья тихо качали вѣтвями и манили въ прохладу на отдыхъ въ часъ, предназначенный для молитвы. Но св. Діонисій опускался на колѣни и, палимый знойными лучами солнца, молился еще больше обыкновеннаго.

Тогда, много разъ посрамленный, дьяволъ рѣшилъ искусить святого страхомъ и явился ему во всемъ мерзкомъ величіи своемъ.

Но св. Діонисій, правый предъ Господомъ, не ощутилъ страха въ чистомъ сердцѣ своемъ: онъ безтрепетно взиралъ на дьявола и оставилъ въ анналахъ даже описаніе мерзкаго его облика.

„И были глаза его какъ уголь,—писалъ св. Діонисій,—дыханье его какъ сѣра, и жегъ взглядъ его какъ селитра".

— Сѣра, селитра и уголь... сѣра, селитра и уголь...

Вотъ формула искусителя.

Отецъ Бертольдъ безтрепетной стопою направился къ горнилу.

Онъ вызоветъ дьявола и смѣло взглянетъ ему въ лицо, посрамивъ, какъ св. Діонисій.

Онъ погасилъ лампаду, теплившуюся передъ Распятіемъ, смѣшалъ въ ступѣ сѣру, селитру и уголь, высоко поднялъ и опустилъ пестикъ.

— Incubus! Incubus! Incubus!

Страшный грохотъ потрясъ обитель до основанія. Изъ ступы взвился столбъ пламени, и среди огня появился нѣкто, съ сатанинской улыбкой, съ золотымъ мечемъ въ рукахъ.

— Спасибо тебѣ, пріятель, за услугу!—сказалъ онъ голосомъ, отъ котораго у отца Бертольда заледенѣло и остановилось сердце.

— Ты славно помогъ мнѣ выбраться изъ этой смѣси. Ты славную оказалъ мнѣ услугу. Отнынѣ людямъ не нужно ужъ будетъ убивать другъ друга по одиночкѣ и лицомъ къ лицу. Они получили возможность убивать издалека и разрушать цѣлые города. Ты сдѣлалъ угодное мнѣ: ты далъ мечъ въ руки безумному, далъ отличное орудіе человѣческой ненависти.

Сказалъ и исчезъ, наполнивъ воздухъ дымомъ и смрадомъ.

Когда перепуганные монахи, съ отцомъ настоятелемъ во главѣ, вбѣжали въ келью,—отецъ Бертольдъ лежалъ какъ мертвый.

— Онъ видѣлъ дьявола!—сразу сказалъ опытный въ такихъ дѣлахъ настоятель,—и дьяволъ на вѣкъ

опалилъ его лицо своимъ адскимъ огнемъ. Смотрите на эти черныя точки, которыя въѣлись навсегда въ лицо и руки. Такъ часто стремленье къ познанію влечетъ насъ къ грѣху. И изъ добрыхъ стремленій родится худой конецъ. Познанье рождаетъ сомнѣнье, сомнѣнье—грѣхъ. Бойтесь познанья, дѣти мои.

Монахи слушали его, испуганные, смятенные сердцемъ.

Отца Бертольда окропили святой водой.

Мало-по-малу онъ открылъ глаза, въ которыхъ отразился ужасъ:

— Что ты шепчешь устами, сынъ мой? – спросилъ настоятель,—какую молитву?

— Сѣра, селитра и уголь!—какъ безумный повторялъ отецъ Бертольдъ,—его формула: сѣра, селитра и уголь...

— Сѣра, селитра и уголь!—съ испугомъ шептали вслѣдъ за нимъ отцы монахи.

— Запрещаю вамъ, именемъ церкви, повторять когда-нибудь кому-нибудь эту формулу искусителя, дабы не ввести въ соблазнъ міръ!—торжественно сказалъ настоятель, и монахи подтвердили:

— Аминь!

Но формула была уже сказана. Ее пугливо повторяли между собой монахи, разсказывая о диковинномъ приключеніи съ отцомъ Бертольдомъ, отъ нихъ подслушали горожане,—и страшная формула искусителя облетѣла весь міръ:

— Сѣра, селитра и уголь!

Никто изъ мірянъ не видѣлъ въ монастырѣ чернаго лица отца Бертольда.

Онъ заживо похоронилъ себя въ подземельи и даже попросилъ спѣть надъ нимъ заупокойную мессу.

Дни и ночи замаливалъ онъ предъ Господомъ свой тяжкій, свой незамолимый грѣхъ.

Міръ былъ ему чуждъ, какъ и онъ міру.

И лишь изрѣдка монахъ, приносившій отцу Бертольду немного хлѣба и кружку воды на недѣлю для поддержанія грѣшной плоти,—говорилъ ему о страшныхъ бѣдствіяхъ, о поляхъ, залитыхъ кровью, о цѣлыхъ разрушенныхъ городахъ,—о тѣхъ злодѣйствахъ, которыя люди дѣлаютъ при помощи сѣры, селитры и угля.

И отецъ Бертольдъ въ смертельномъ ужасѣ падалъ тогда ницъ на полъ:

— Замолить ли мнѣ мой страшный, мой незамолимый грѣхъ?

А передъ его очами среди могильной тьмы возставалъ нѣкто, съ сатанинской улыбкой и съ золотымъ мечемъ,—и говорилъ:

— Ты славную услугу оказалъ мнѣ, пріятель!

И сердце Бертольда леденѣло и остановливалось.

Желѣзное Сердце.

(Легенда).

Много вѣковъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ его опустили въ могилу.

Въ дубовомъ гробу, въ латахъ и шлемѣ, съ открытымъ забраломъ, щитомъ въ рукѣ и мечемъ у бедра.

А на гробъ положили боевое копье.

Много времени прошло съ тѣхъ поръ, какъ похоронили его.

Его—Рихарда Желѣзное Сердце, крестоносца.

Много разъ сверкающій день смѣнялся темною, безпроевѣтною ночью, много бурь и грозъ пронеслось надъ землею съ тѣхъ поръ, какъ заснулъ Рихардъ Желѣзное Сердце.

Но вотъ боевой кликъ раздался надъ великой Германіей. Зашумѣли дубровы, долины, поля, словно волны прибоя.

Словно растопленныя свинцовыя волны ударялись о мѣдныя скалы.

— Впередъ! За отчизну!

Этотъ кликъ облетѣлъ дремучіе лѣса и веселые берега Рейна, пронесся по долинамъ, откликнулся эхомъ въ городѣ,—вздрогнула отъ этого клика земля, и вздрогнуло въ землѣ желѣзное сердце Рихарда.

Услышалъ богатырь въ землѣ этотъ призывной кликъ,—и снова заструилась въ жилахъ богатырская кровь.

Щитомъ приподнялъ онъ крышку гроба, и земля со стономъ разверзлась подъ легкимъ натискомъ богатырской руки.

И вышелъ онъ изъ могилы на призывной кликъ.

Въ латахъ и шлемѣ, со щитомъ въ рукѣ, мечемъ у бедра и поднятымъ забраломъ.

— Кто врагъ?

Не все ли равно?

Грозятъ его отчизнѣ, великой Германіи.

Онъ вынулъ изъ ноженъ сверкающій мечъ и на немъ далъ клятву хранить обѣтъ молчанія до тѣхъ поръ, пока хоть одинъ врагъ останется въ предѣлахъ отчизны.

Величайшая изъ клятвъ.

Такъ клялись паладины, скрестивши мечи, не открывать устъ даже для стона, даже для молитвы, пока хоть одна вражья нога попираетъ родимую землю.

На его окрикъ съ лужайки, съ ближайшей лужайки, съ веселымъ ржаніемъ, прибѣжалъ „Доннеръ".

Боевого коня и друга тоже разбудилъ привычный кликъ.

Ласково потрепавъ засѣдланнаго въ желѣзный панцырь стараго друга, Рихардъ поднялъ копье, опустилъ забрало и вскочилъ на коня.

— За родину! крикнулъ бы онъ, какъ встарь, если бы не далъ великаго обѣта молчанія.

Но съ кѣмъ же сражаться?

А! Вотъ не съ этимъ ли желѣзнымъ чудовищемъ, которое, извиваясь, какъ змѣя, испуская побѣдный свистъ, шипѣнье и огненное, раскаленное дыханье, мчится по полямъ, оставляя за собой слѣдъ,—въ видѣ стальной полосы.

Рихардъ пришпорилъ коня, наклонилъ копье и помчался на перерѣзъ.

— За отчизну!

Но нѣтъ! Внутри чудовища сидятъ сотни людей.

Они говорятъ по-нѣмецки и кричатъ летящему вровень съ чудовищемъ рыцарю то-же, что кричитъ его собственное сердце:

— За отчизну!

Быть можетъ, они попали въ лапы чудовища, и чудище несетъ ихъ въ глухія, невѣдомыя дебри, чтобы накормить ими своихъ дѣтенышей?

Нѣтъ.

Для плѣнниковъ, обреченныхъ на ужасную смерть, они имѣютъ слишкомъ веселый видъ.

Они поютъ пѣсни, отъ которыхъ вздрогнетъ мужествомъ сердце каждаго германца.

Отличную пѣсню про стражу на Рейнѣ и гибель враговъ.

Вотъ въ чемъ дѣло! Рихардъ сдержалъ коня и подумалъ, весело улыбаясь:

— Свѣтъ додумался до многаго, пока я спалъ тамъ, прикурнувъ подъ холмикомъ, какъ лѣнтяй! Теперь уже запрягли чудовищъ, чтобъ возить паладиновъ!

И если бы онъ не далъ обѣта молчанія,—онъ съ восторгомъ крикнулъ бы:

— Да здравствуетъ Германія, осѣдлавшая даже чудовищъ!

Драться бокъ-о-бокъ съ такими паладинами—честь даже для рыцаря, шедшаго въ свое время по колѣно въ сарацинской крови, чтобъ поклониться Святому Гробу.

И Рихардъ поправилъ только шарфъ съ бѣлымъ крестомъ, повязанный на лѣвой рукѣ.

А вотъ и ихъ войска.

Какими стройными колоннами двигаются эти отряды,—оставляя за собою истоптанныя поля.

Трава долго не будетъ расти на томъ мѣстѣ, котораго коснулась ихъ нога!

Но что это?

Они идутъ сражаться даже безъ латъ?

Имъ не нужны даже и щиты? Они сверкаютъ на солнцѣ только одними короткими копьями?

Ихъ мужество не знаетъ предѣловъ, граничитъ съ безуміемъ.

Да, да! Такъ легче, такъ больше гибкости въ членахъ, такъ удобнѣе сражаться.

Но онъ, Рихардъ, все же пойдетъ сражаться такъ, какъ сражались его отцы.

За отчизну, вѣдь, бьется всякій такъ, какъ умѣетъ.

Когда на своемъ вѣку повидаешь и Рейнъ и голубой Іорданъ, — тогда поздно итти учиться, какъ мальчики учатся у оруженосцевъ.

Рихардъ отсалютовалъ паладинамъ копьемъ и съ интересомъ подъѣхалъ поближе посмотрѣть на огромныя мѣдныя трубы, которыя съ страшнымъ грохотомъ катились на колесахъ вслѣдъ за колоннами.

— Чтобъ устрашать своимъ звукомъ враговъ — по моему,—онѣ даже слишкомъ велики, онѣ могли бы устрашить и самый адъ.

Хорошо бы было спросить—но обѣтъ!

И Рихардъ молча примкнулъ къ отряду паладиновъ, побѣду которыхъ должны были возвѣщать такія огромныя трубы.

Его съ любопытствомъ разсматривали, къ нему обращались съ вопросами,—но онъ молчалъ, храня обѣтъ. И вѣсть о появившемся паладинѣ, съ опущеннымъ забраломъ и хранящимъ молчаніе,—разнеслась среди всѣхъ германскихъ войскъ.

На него пріѣзжали смотрѣть.

Ему удивлялись и воздавали воинскія почести, — видя въ его появленіи благословеніе свыше.

— Ага, слава Рихарда, по прозванію Желѣзное Сердце достигла и до нихъ! И ее поютъ имъ мейнензингеры,—какъ жаль, что они не слѣдуютъ за отрядами.

Чтобъ потомъ воспѣть подвиги, свидѣтелями которыхъ они были сами.

Но нѣтъ, должно быть, есть и мейнензингеры, поющіе военную славу.

Вотъ одинъ, съ рыжей бородой съ англо-саксонскимъ складомъ лица, вѣроятно, сибирается воспѣть битвы и сраженія.

Онъ бѣгаетъ, обо всѣхъ разспрашиваетъ и заноситъ въ какую-то книжку.

Странно только, отчего же онъ по вечерамъ не поетъ?

Быть можетъ, они дали обѣтъ не услаждать себя пѣснями мейнензингеровъ, пока миръ не воцарится снова въ долинахъ Германіи?

Онъ запоетъ послѣ.

Но гдѣ же, однако, врагъ?

Рихардъ съ отрядомъ двигается то прямо, то назадъ, то вправо, то влѣво.

Они то наступаютъ, то словно отступаютъ передъ невидимымъ врагомъ, то словно хотятъ его обойти, то уклоняются въ сторону, то безъ всякой причины возвращаются на старое мѣсто.

Но вотъ забили тревогу.

— Сейчасъ, значитъ, покажутся враги.

Рихардъ, наконецъ-таки, вынулъ изъ ноженъ сверкающій мечъ,—а то онъ, право, могъ-бы заржавѣть!

Огромныя трубы вывезли впередъ.

Рыцари разсыпались пока по кустамъ, по пригоркамъ.

Рихардъ счелъ долгомъ остаться на виду: онъ, вѣдь, въ латахъ, съ мечемъ.

Но гдѣ-же враги?

Отчего они не показываются изъ лѣса?

Что это засвистѣло въ воздухѣ?

Еще... еще... Сердце Рихарда радостно забилось.

— А, стрѣлы!

Но откуда онѣ летятъ?

Какъ онѣ странно поютъ!

Крики. Что это? Падаетъ не только тотъ, въ котораго попала стрѣла, но и другой, стоящій за нимъ, и третій... Она пронизываетъ нѣсколько человѣкъ.

И Рихардъ съ удивленіемъ оглядывается кругомъ.

Да гдѣ-же эти стрѣлы?

А вотъ! Онъ съ изумленіемъ поднимаетъ съ земли маленькій металлическій шарикъ, отлетѣвшій отъ панцыря его коня.

Люди падаютъ одинъ за другимъ, стоны, вопли, проклятья. А враговъ все-таки не видно.

Металлическія, невидимыя стрѣлы свистятъ и поютъ въ воздухѣ,—и это пѣнье стрѣлъ невидимаго врага заставляетъ сердце какъ-то тоскливо сжиматься.

Что это? Стрѣла пробиваетъ даже щитъ, который держитъ Рихардъ?

Вдругъ „Доннеръ“ взвивается на дыбы.

Откуда-то упавшій большой шаръ разрывается у самыхъ ногъ коня, съ страшнымъ трескомъ выбрасывая цѣлый столбъ огня, обдавая Рихарда съ ногъ до головы землею.

Осколки шара летятъ во всѣ стороны. Крики, стоны, трупы, изувѣченные.

Да что-же это?

Гдѣ-же врагъ, чтобъ можно было кинуться на него и отомстить за смерть товарищей и братьевъ?

Трусы! Они не смѣютъ показаться, бросая издали огромные шары, наполненные огнемъ, и пуская металлическія стрѣлы.

Но, впередъ-же, впередъ!

Надо наступать! Сражаться!

А они подняли вверхъ свои копья, щелкаютъ курками, - и только.

Огромныя трубы оказались не трубами, около нихъ вьется дымокъ, слышенъ только сухой трескъ.

— Что это? Почему мы стоимъ на мѣстѣ?

Они тоже пускаютъ металлическія стрѣлы,—но куда? На воздухъ?

Да гдѣ-же, наконецъ, враги?

Рихардъ Желѣзное Сердце, пораженный, ошеломленный всѣмъ происходящимъ, забылъ даже объ обѣтѣ и громко воскликнулъ:

— Да гдѣ-же, наконецъ, враги?

— Тамъ!

Рыцарь, отвѣчавшій на вопросъ, махнулъ рукой въ сторону лѣса.

— Тамъ!

Онъ махнулъ на долину налѣво.

— Тамъ!

Онъ указалъ на пригорокъ направо.

— Когда стрѣляли съ дымомъ и шумомъ, еще можно было опредѣлить, гдѣ враги. А теперь мы сражаемся словно въ дѣтской, боясь разбудить дѣтей.

Тамъ, тамъ, тамъ! Но надо летѣть туда, туда, туда! Долго-ли стоять и глядѣть спокойно, какъ падаютъ и умираютъ друзья?

Долго-ли только сжимать рукоятку меча?

Что онъ будетъ здѣсь дѣлать, со своимъ мечомъ,— здѣсь, гдѣ только стоятъ и умираютъ?

Рихардъ Желѣзное Сердце былъ совершенно спокоенъ, когда стрѣлы сарацинъ затмили даже свѣтъ солнца.

А когда его, съ нѣсколькими друзьями, окружилъ цѣлый отрядъ враговъ, онъ только далъ шпоры коню

и помчался впередъ,—сокрушая все на пути. Но теперь даже его желѣзное сердце смутилось.

Видѣть, какъ падаютъ и умираютъ свои и бездѣйствовать!

Рихарду казалось, что онъ спитъ еще тамъ, подъ землей, и видитъ страшный, тяжелый, безсмысленный сонъ.

Что его давитъ кошмаръ.

Нѣтъ. Кругомъ льется настоящая кровь, онъ слышитъ настоящіе стоны!

— Стоять и спокойно ждать смерти! Это мужество барановъ, а не рыцарей. Они странно воюютъ!

И это тягостное, тоскливое недоумѣніе продолжалось до тѣхъ поръ, пока грянула музыка,—и раздались крики:

— Побѣда! Побѣда!

Побѣда, когда не видѣли даже врага!

Врагъ не выдержалъ и бѣжалъ.

— Но онъ не сдѣлалъ даже чести намъ показаться.

Рихардъ улыбнулся горькой улыбкой подъ своимъ забраломъ и вложилъ въ ножны свой старый мечъ.

— Тебѣ немного пришлось поработать, товарищъ. Иди, отдыхай,—ты усталъ отъ бездѣйствія.

Вечеромъ онъ насчиталъ шесть отверстій въ щитѣ и верхушкѣ шлема, сдѣланныхъ маленькими металлическими стрѣлами.

— Когда меня спросятъ, кто это такъ мѣтко пускаетъ стрѣлы,—я долженъ сказать: „не видѣлъ". Словно ржавчина проѣла старое желѣзо! Надо сказать, престранно воюютъ теперь: побѣждаетъ тотъ, кто лучше спрятался.

И старый Рихардъ всю ночь не спалъ, ворочаясь съ боку на бокъ, прислушиваясь къ стонамъ, которые доносились изъ палатокъ раненыхъ, къ ржанью лошадей, къ тишинѣ лагеря.

На утро выступили дальше.

Они шли, не останавливаясь, цѣлый день,—и Ричардъ только слышалъ кругомъ:

— Враги отступаютъ! Бѣгутъ!

Отчего же не трубятъ погони?

Отчего не мчатся впередъ за убѣгающимъ врагомъ, чтобъ усѣять его трупами дорогу?

— Враги бѣгутъ!

Рихардъ съ негодованіемъ сжималъ рукоятку меча:

— А мы плетемся какъ усталыя клячи!

Будь, что будетъ!

Пусть они идутъ тихой, лѣнивой походкой.

Онъ долженъ-же видѣть хоть спины враговъ!

Рихардъ далъ „Доннеру" шпоры и помчался, обгоняя колонну.

Но что это?

Крики отчаянія, ужаса?

Что случилось?

— Западня! Насъ завлекли!

Кругомъ все минировано.

Впереди изъ земли поднимаются столбы дыма.

Рихардъ оглядывается назадъ.

Столбы дыма назади.

Земля начинаетъ дымиться подъ ногами.

Трава желтѣетъ и сохнетъ,—словно что-то горитъ подъ землею.

— Загорѣлась земля!

Люди бросаютъ оружіе, мечутся, бѣгутъ, обезумѣвъ отъ страха.

Подъ землею что-то грохочетъ,—словно тамъ разыгрывается буря.

„Доннеръ" забылъ, кто сидитъ на немъ. Онъ поднимается на дыбы, пугливо косится, бросается въ сторону.

Онъ не слышитъ шпоръ, не повинуется уздѣ.

И вдругъ адскій грохотъ потрясаетъ все кругомъ.

Изъ-подъ земли вырывается столбъ пламени.

Стоны, вопли, трупы, люди корчатся, истекая кровью.

Снова грохотъ, опять столбъ пламени.

Еще, еще. Какіе-то осколки свистятъ въ воздухѣ, неся смерть и разрушеніе.

— И это война, гдѣ люди состязаются въ мужествѣ!

„Доннеръ" взвивается на дыбы и падаетъ, пораженный осколкомъ.

Земля разверзлась у самыхъ его ногъ.

Рядомъ съ нимъ лежитъ Рихардъ Желѣзное Сердце.

Его шлемъ отброшенъ далеко, щитъ разбитъ, мечъ сломанъ.

Онъ лежитъ съ оторванными ногами, съ разбитой головой, съ осколкомъ, впившимся въ грудь.

Лежитъ рядомъ со своей лошадью, у которой вывалились внутренности.

А кругомъ—словно только что вспаханное поле,—оно дымится, люди мечутся, обезумѣвъ отъ ужаса.

Онъ умираетъ, не увидѣвъ даже враговъ.

— И это война!

Онъ истекаетъ кровью, но не стонетъ: Рихардъ Желѣзное Сердце далъ обѣтъ молчанья...

ПОРТРЕТЪ МОИСЕЯ.

(Легенда изъ Талмуда).

Когда Моисей вывелъ евреевъ изъ Египта, слава о немъ распространилась по всей землѣ, какъ масло растекается по водѣ.

Всѣ дивились его подвигу и говорили:

— Должно-быть, это святой человѣкъ и угоденъ Богу, если можетъ творить такія чудеса!

Дошла вѣсть о Моисеѣ и до одного аравійскаго царя.

Царь съ изумлѣніемъ слушалъ обо всемъ, что совершилъ Моисей, и напослѣдокъ тайно призвалъ къ себѣ своего лучшаго живописца и сказалъ:

— Я хотѣлъ бы видѣть лицо Божьяго человѣка. Возьми доску, сдѣланную изъ слоновой кости, лучшія изъ твоихъ красокъ, пойди въ пустыню, гдѣ теперь находится Моисей, и, при помощи твоего искусства, со всею тщательностью, сдѣлай его изображеніе и принеси мнѣ. Но только пусть все это останется тайной между мною и тобою. Ступай.

Художникъ царскій взялъ доску изъ слоновой кости, отобралъ лучшія изъ красокъ и тайно покинулъ дворецъ.

Онъ пошелъ въ пустыню, отыскалъ тамъ Моисея, со всею тщательностью наиисалъ его изображеніе и принесъ своему царю.

Царь долго въ задумчивости смотрѣлъ на черты Божьяго человѣка.

Затѣмъ приказалъ поставить изображеніе въ своемъ дворцѣ и созвалъ своихъ мудрецовъ.

Мудрецы были опытны во многихъ тайныхъ наукахъ,— и царь часто совѣщался съ ними о дѣлахъ своего народа.

Царь показалъ мудрецамъ сдѣланное художникомъ изображеніе и сказалъ:

— Вы читаете сокровенное, какъ развернутый свитокъ. Скажите же мнѣ по чертамъ этого лица,— что это за человѣкъ, и въ чемъ его сила?

Мудрецы стояли передъ изображеніемъ, переминались съ ноги на ногу и посматривали на старшаго изъ мудрецовъ.

Никто не хотѣлъ первымъ высказать свое мнѣніе,— мудро боясь ошибиться и чрезъ то подвергнуться сраму.

Старшій изъ мудрецовъ дергалъ себя за бороду, стоялъ, смотрѣлъ и, наконецъ, сказалъ:

— Это человѣкъ злой.

Тогда и остальные мудрецы развязали свои языки и начали въ запуски бранить человѣка, изображеннаго художникомъ.

— Онъ человѣкъ гордый!—сказалъ одинъ.

— Онъ золъ и вспыльчивъ,—добавилъ другой.

— Онъ честолюбивъ.

— Корыстолюбивъ.

— Сладострастенъ!

И они находили въ немъ всѣ дурныя качества, которыя унижаютъ человѣка.

И всѣ хоромъ подтвердили:

— Этотъ человѣкъ — злодѣй. Такой человѣкъ не можетъ быть угоденъ Богу!

— Остановитесь!—воскликнулъ царь внѣ себя отъ

гнѣва,—что вы? Смѣетесь надо мною? Знаете ли вы, чье это изображеніе? Моисея, которому удивляются всѣ люди. А вы говорите, что онъ не можетъ быть угоденъ Богу! Всѣ люди дивятся его доблестямъ, а вы находите въ немъ всѣ недостатки! Вижу я теперь вашу мудрость!

И царь разодралъ на себѣ одежды въ знакъ печали.

— Горе мнѣ! Горе, что я слушался васъ въ дѣлахъ моего народа!

Мудрецы со страха попадали на колѣни,—и старшій изъ нихъ сказалъ:

— Наука наша вѣрна. И то, что мы говоримъ, — истина. Виноватъ художникъ! Значитъ онъ неправильно нарисовалъ черты великаго человѣка и тѣмъ ввелъ насъ въ заблужденіе. Вели его казнить!

И поднялся тутъ споръ. Художникъ говорилъ:

— Я нарисовалъ вѣрно, это мудрецы ошибаются.

Мудрецы увѣряли:

— Художникъ плохо исполнилъ свою работу!

Царь захотѣлъ напремѣнно узнать, на чьей сторонѣ правда, приказалъ приготовить колесницу, взялъ съ собою изображеніе и самъ поѣхалъ въ пустыню.

Проводники указали ему лагерь израильтянъ, и онъ прибылъ туда въ своей колесницѣ.

Тамъ, поднявъ глаза, онъ издали еще увидалъ человѣка, какъ двѣ капли воды похожаго на изображеніе, сдѣланное художникомъ.

— Кто это?—спросилъ царь.

— Божій человѣкъ—Моисей!—отвѣтили ему.

Царь досталъ изображеніе и принялся еще разъ сравнивать его съ лицомъ Моисея.

Изображеніе было чудомъ искусства, и Моисей на немъ былъ, какъ живой.

Тогда изумленный и пораженный царь сказалъ, что

онъ желаетъ бесѣдовать съ Моисеемъ, зашелъ въ шатеръ къ Божьему человѣку, поклонился ему въ поясъ, разсказалъ про споръ между мудрецами и художникомъ и сказалъ:

— Прости меня, Божій человѣкъ! Пока я не видѣлъ твоего лица, я думалъ, что виновенъ художникъ, что онъ сдѣлалъ изображеніе невѣрно,—потому что мудрецы мои мудрѣйшіе изъ мудрецовъ міра и знаютъ свои науки отлично. Но теперь, когда я вижу, что изображеніе вѣрно, какъ двѣ капли воды, я знаю цѣну ихъ мудрости. Я вижу, что они обманули меня, и вообще ничего не понимаютъ въ наукахъ. А они вѣдь ѣли мой хлѣбъ и постоянно дурачили меня своими глупостями.

Моисей въ отвѣтъ улыбнулся и сказалъ:

— Нѣтъ! И художникъ, и мудрецы твои удивительнѣйшіе знатоки своего дѣла. А только знай: если бы я по самой природѣ своей былъ такимъ, какимъ меня люди знаютъ по моимъ поступкамъ,—я не былъ бы лучше сухого бревна, у котораго тоже, вѣдь, нѣтъ никакихъ человѣческихъ недостатковъ. И у меня не было бы тогда никакихъ заслугъ ни передъ Богомъ, ни предъ людьми. Да, мой другъ, не стѣсняюсь сказать тебѣ,—что всѣ недостатки, которые нашли во мнѣ твои мудрецы, дѣйствительно, врожденны мнѣ, свойственны моей природѣ. Можетъ быть, ихъ еще больше даже, чѣмъ угадали твои мудрецы. Но я самъ побѣдилъ въ себѣ дурныя страсти. Какъ выращиваютъ изъ зерна большое дерево,—я выростилъ въ себѣ добро. Я пріучилъ себя къ добру, пока привычка эта не сдѣлалась моей второй природой. Вотъ, за что я любимъ какъ на небѣ, такъ и на землѣ.

И съ доброй улыбкой Моисей отпустилъ аравійскаго царя съ миромъ.

ВИДѢНІЕ МОИСЕЯ.

(Сирійская легенда).

Синай дымился.

Молніи зигзагами прорѣзывали тучи, окутывавшія священную гору.

Гремѣлъ громъ. Дрожала земля.

И голосъ, похожій на звуки безчисленныхъ трубъ, раздавался съ горы.

И содрогалась природа отъ звуковъ этого голоса.

Ницъ лежалъ, въ смятеньи и страхѣ, избранный народъ.

Вьючный скотъ, какъ во время самума, стоялъ, сбившись кучами, дрожа всѣмъ тѣломъ.

Птицы испуганно забились въ жесткіе, колючіе кусты, тамъ и сямъ раскиданные по степи, — и молчали.

Смерчъ, этотъ одинокій, вѣчный странникъ пустыни, день и ночь носящійся съ мѣста на мѣсто, принесшійся откуда-то издалека, при звукахъ страшнаго голоса, вздрогнулъ до основанія и разсыпался мелкою пылью, испуганно улетѣвшей обратно въ пустыню.

Волны въ ужасѣ бѣжали отъ страшнаго голоса, обнажая камни, водоросли, таинственныя существа, ютящіяся на днѣ моря.

Въ ужасѣ неслись волны въ просторъ моря, дальше

отъ береговъ, гдѣ звучалъ страшный голосъ, и, казалось, кричали встрѣчнымъ волнамъ:

— Назадъ!

Махая имъ своими бѣлыми гребнями.

И ревъ ихъ былъ похожъ на крики ужаса врасплохъ застигнутаго, въ страхѣ бѣгущаго ночью войска.

Все содрогалось,—что живетъ на землѣ, подъ землей, въ воздухѣ и въ глубинѣ воды.

Пророкъ стоялъ на вершинѣ горы.

Подъ нимъ клубились тучи, гремѣлъ громъ и огненными змѣями извивались молніи.

Надъ нимъ сіяло голубое, бездонное небо и сверкалъ раскаленный дискъ солнца.

Подъ нимъ, казалось, вопіяли камни — и голосъ, наводившій трепетъ на все живущее, казалось, исходилъ изъ камней, изъ почвы горы, изъ ущелій, прорѣзывавшихъ гору, изъ трещинъ скалъ, изъ воздуха, изъ тучъ, ползавшихъ по склонамъ и изъ бездонной глубины голубого неба.

Въ послѣдній разъ прозвучалъ страшный голосъ.

И когда воцарилось молчаніе, сказалъ пророкъ, устремивъ взглядъ свой на небо:

— Великій! Непознаваемый! Грозный! Ты, избравшій народъ Свой среди народовъ земли! Ты, непрестанными казнями казнившій угнетателей народа Твоего! Вставшій за слабыхъ и поглотившій пучиной морской полчища сильныхъ! Ты, избравшій меня, песчинку среди пустыни, каплю среди водъ морей, пылинку въ воздухѣ, — для возвѣщенія святой воли Твоей, непреложныхъ завѣтовъ Твоихъ! Ты, говорившій со мной изъ огненнаго куста, Ты, призвавшій меня сюда, на эту гору, которой я съ трепетомъ касаюсь обнаженными ногами! Чьимъ Именемъ я заповѣдаю соблюдать законы, начертанные невѣдомой Рукой на этихъ скрижаляхъ? Кого я имъ заповѣдаю

чтить? Кому Одному прикажу служить? И изъ семи дней одинъ отдавать прикажу Кому? Чье Имя запрещу я произносить дерзновеннѣйшему изъ людей? Чьимъ Именемъ обѣщаю благо и долголѣтіе тѣмъ, кто будетъ чтить давшихъ ему жизнь? Чьимъ Именемъ я скажу имъ: смирите плоть, убейте духъ, подавите ненависть, злобу, страхъ и страсть? Лучше умрите, но не убивайте. Лучше погибнуть отъ недостатка, чѣмъ взять у другого изъ его излишка. Если кровь твоя туманитъ разсудокъ,—бѣги отъ того, что тебѣ кажется счастьемъ. И когда они, слабые, маловѣрные, рабы своей плоти, спросятъ меня: „Во Имя Кого же мы должны бѣжать отъ счастья и отъ мести, подавлять желанія и страсти, терпѣть лишенія и нужды?"—Что отвѣчу я имъ? Чье Имя назову? Чье Имя произнесетъ языкъ мой, когда маловѣрные и обуреваемые сомнѣніями спросятъ меня: „Съ Кѣмъ говорилъ ты тамъ на Синаѣ, когда тучи скрыли тебя отъ глазъ нашихъ? Кто далъ тебѣ право повелѣвать, кто поставилъ тебя надъ нами? Чьимъ Именемъ ты говоришь мнѣ: „дѣлай то и не дѣлай того", вступая въ святыя святыхъ моей жизни: въ любовь къ женщинѣ, къ отцу, въ ненависть къ врагу? Кто далъ тебѣ власть надъ тѣлами и душами нашими?" Чье Имя призову во свидѣтели? Чьимъ Именемъ укрѣплю сомнѣвающагося, утѣшу страждущаго, обнадежу отчаявшагося, устрашу дерзкаго, непослушнаго воли Твоей? Я знаю завѣты и волю Твою, но Имя, Имя Твое невѣдомо мнѣ. Кто Ты, повелѣвающій? Ты, казни ниспосылающій на нечестивцевъ, Ты, морской бездной поглощающій полчища, Повелитель жизни и смерти,—открой мнѣ страшное и грозное Имя Твое! Рабъ Твой со страхомъ внимаетъ Тебѣ.

И пророкъ поникъ головой, со страхомъ приготовляясь внимать страшному Имени.

И разсѣлись тучи передъ глазами его.

Освѣщенныя солнцемъ, обласканныя теплымъ вѣтеркомъ, изумрудной свѣжей зеленью травы и деревьевъ сверкнули долины.

Стройныя пальмы раскинули широкіе листья, подъ тѣнью которыхъ отдыхали караваны. У колодцевъ съ прозрачной ключевой водой разгруженные верблюды пили воду, весело позванивая металлическими украшеніями.

По склонамъ горъ паслись обильныя стада. Рѣзвились ягнята и козлята, толпами бѣгая взапуски по утесамъ и крутизнамъ.

Желтѣли поля, и пригибались стебли подъ тяжестью полныхъ зернами колосьевъ. Словно море, волновались пышныя нивы, и золотыя волны пробѣгали по нимъ отъ дуновенья теплаго вѣтра, доносившагося издали, изъ раскаленной пустыни.

Словно пловцы, мелькали въ золотыхъ волнахъ жнецы и перекликались веселыми пѣснями.

А женщины, закутанныя въ черныя ткани, несли кувшины, наполненные водой, и весело сверкали изъ подъ покрывала красивые глаза, въ которыхъ отражалось небо и цвѣты.

Селенья были полны дѣтскими криками и лепетомъ, а луга, цвѣтами. И благоуханіе этихъ цвѣтовъ донеслось до Моисея, съ восторгомъ глядѣвшаго на чудную землю.

Но вотъ раскаленный дискъ солнца словно приблизился къ землѣ. Его золотые лучи словно превратились въ острыя, рѣжущія стрѣлы.

Задрожалъ и заструился раскаленный воздухъ.

Все горѣло.

Луга, нивы чернѣли, и трескалась земля.

Листья пальмъ желтѣли, свертывались, падали, и ихъ уносилъ раскаленный вѣтеръ.

Какъ обугливавшіеся столбы, стояли обгорѣлые стволы деревьевъ.

Люди, животныя, метались, ища и не находя тѣни.

Верблюды кричали и стонали, коровы и ослы издавали душу раздирающіе вопли, овцы падали сотнями.

Ключи, родники пересохли. Желтыя полосы раскаленнаго песку указывали русла, по которымъ еще недавно струились полныя воды.

Селенія были наполнены стонами и воплями.

Люди убивали животныхъ, чтобы хоть теплой кровью утолить палящую жажду.

Всѣ припадали къ еще содрагающимся въ предсмертныхъ судорогахъ тѣламъ и, какъ вампиры, жадно высасывали кровь изъ нихъ.

Затѣмъ поднимались, шатаясь, словно пьяные, дѣлали нѣсколько шаговъ и въ корчахъ падали на землю. Изсохшіе, исхудалые отъ жажды, люди не обращали вниманія на павшихъ.

Съ растрескавшимися губами, изъ которыхъ сочилась кровь, съ пузырями, вздувшимися на обожженныхъ щекахъ, съ обезумѣвшими отъ жажды глазами, живые бродили, какъ тѣни, среди мертвецовъ.

И пророкъ въ ужасѣ отвратилъ лицо свое отъ страшной картины.

Люди, высохшіе какъ скелеты, бросались другъ на друга, прокусывая горло, чтобы напитаться крови.

Стоновъ, воплей, криковъ не было слышно — слышалось только хрипѣніе и предсмертное, тяжелое, прерывистое дыханіе.

Трупы валялись повсюду, разлагались, гнили и зловоніемъ наполняли раскаленный воздухъ.

Этимъ знойнымъ зловоніемъ была наполнена долина. Оно поднималось до вершины горы. Пророкъ задыхался, въ ужасѣ глядя на вымершую гніющую долину.

Тогда вдали показалась словно бѣлая стѣна. Изъ пустыни несся песокъ.

Словно полчище дикихъ, кружась въ неистовой военной пляскѣ, со всѣхъ сторонъ неслись къ вымершей долинѣ крутящіеся столбы песчаныхъ смерчей.

Налетѣли, закружились въ бѣшеной пляскѣ, переплетаясь, сталкиваясь, разбивая другъ друга или соединяясь вмѣстѣ.

И когда, выдвинувшись и высоко поднявшись къ небу, они разсѣялись и упали на землю раскаленнымъ песчанымъ дождемъ,—передъ пророкомъ была голая, мертвая пустыня, съ медленно передвигавшимися отъ вѣтра песчаными холмами.

Все было стерто. И только запахъ тлѣнія, выходившій изъ-подъ песку, говорилъ о томъ, что здѣсь—могила.

Солнце какъ будто немного отдѣлилось отъ земли.

Изъ пустыни снова потянулъ теплый вѣтеръ и началъ шевелить песокъ, раздвигая песчаные бугры.

Вотъ обнажился одинъ кусокъ почвы, за нимъ другой. Сверкнулъ ключъ.

Откуда-то занесенное сѣмя дало ростокъ, а изъ земли потянулся свернутый въ трубочку листъ пальмы.

На очищенныхъ отъ песку пространствахъ зазеленѣла трава. Куда ни обращалъ взоры пророкъ,—вездѣ просыпалась жизнь.

И еще ярче, еще зеленѣе, еще гуще разросталась зелень на землѣ, удобренной тлѣньемъ.

Тамъ, здѣсь—засвѣтились голубыя, красныя, желтыя точки,—и земля улыбнулась небу цвѣтами.

Выискивая себѣ русло, извиваясь, словно змѣя, сверкая на солнцѣ, побѣжала подъ тѣнь пальмы рѣчка.

Изъ-за песчаныхъ холмовъ показались вереницы нагруженныхъ верблюдовъ.

По склонамъ весело расползлись стада.

Съ веселымъ шумомъ и пѣснями вновь пришедшіе издалека люди принялись за постройку селеній въ прекрасной цвѣтущей долинѣ.

Въ воздухѣ зазвенѣли бубенчики верблюдовъ, крики ребятишекъ, пѣсни женщинъ, шелестъ полей...

И услыхалъ Пророхъ Голосъ, Который говорилъ:

— „Нѣтъ смерти на землѣ, Я—Вѣчная жизнь".

И, былъ этотъ голосъ, какъ звукъ струнъ, сорванный вѣтромъ съ безчисленнаго множества арфъ.

И казалось, что голосъ этотъ исходилъ изъ ущелій и разсѣлинъ горы, изъ золотыхъ лучей солнца, изъ шелеста травы и цвѣтовъ, лился изъ голубого бездоннаго неба.

— Я Вѣчная жизнь.

И разсѣялись тучи, скрывавшія священную гору, и Моисей сошелъ съ Синая.

И увидѣвъ его, ницъ упали люди,—отъ головы его исходилъ свѣтъ яркій, какъ солнечные лучи,—отблескъ Божества.

И, осѣнивъ народъ скрижалями Святаго Завѣта, сказалъ великій пророкъ:

– Именемъ Бога Живаго, заклинаю васъ, братья, стремиться къ вѣчной жизни, о вѣчной жизни помышляйте и, помня о ней, исполняйте завѣты Его.

Имя же Бога—Вѣчная Жизнь!

АГАСѲЕРЪ.

Всѣ эти дни ему чувствовалось какъ-то не по себѣ.

Что-то давило его, гнело, камнемъ лежало на душѣ.

Даже въ святой вечеръ Пасхи онъ не почувствовалъ той радости, какую чувствовалъ всегда.

Онъ, Агасѳеръ, истинный еврей, вѣрный служитель Господа, чью набожность, благочестіе ставили въ примѣръ!

Даже въ этотъ вечеръ онъ не почувствовалъ тихаго восторга, который всегда наполнялъ его душу.

Его окружали дѣти, ихъ жены, милые внуки, вся его семья, которую онъ такъ любилъ и которой благословилъ его Господь.

А мысли его были далеко, и взоръ не радовала картина счастья, довольства избытка.

Даже тогда, когда онъ, старшій въ родѣ, благословляя опрѣсноки, обратился съ молитвой къ Іеговѣ, Господу силъ, выведшему свой излюбленный народъ изъ Египта,—даже тогда ему чудилось, что изъ дальняго, темнаго угла горницы на него смотрятъ эти глаза.

Смотрятъ съ кротостью, страданьемъ.

Онъ чувствовалъ на себѣ этотъ взглядъ.

Такъ смотритъ агнецъ въ ту минуту, когда дюжій рѣзникъ, крѣпко держа его одной рукой, другой вонзаетъ ножъ въ его горло.

Кротко и съ недоумѣніемъ.

Словно хочетъ сказать:

— За что?

Словно онъ, Агесѳеръ, совершилъ убійство!

Что-же онъ сдѣлалъ такое, въ самомъ-то дѣлѣ?

Мимо его дома гнали на казнь преступника, дерзкаго самозванца, осмѣлившагося выдавать себя,— страшно подумать,—за Сына Божія.

Проклятаго и осужденнаго первосвященниками, синедріономъ, всѣмъ народомъ.

Онъ шелъ, поруганный, истерзанный, Самъ неся орудіе презрѣнной, позорной казни, отвратительной, выдуманной и занесенной въ Іудею римлянами.

И около дома Агасѳера изнемогъ подъ тяжестью и склонился на порогъ дома, чтобы воспользоваться хоть минутой роздыха.

И Агасѳеръ толкнулъ его ногою.

Онъ оттолкнулъ Того, Кого оттолкнули уже всѣ: церковь, весь народъ.

И только.

Онъ толкнулъ.

А когда-то и онъ, старый Агасѳеръ, великій патріотъ, мечтающій о возстановленіи Іудейскаго царства во всемъ его блескѣ, величіи и славѣ,—когда-то и онъ былъ горячимъ сторонникомъ этого Загадочнаго Человѣка.

Собравшись со старѣйшими и почтеннѣйшими людьми въ мѣстѣ, гдѣ ихъ не могли подслушать римскіе шпіоны, онъ спрашивалъ съ замираніемъ сердца у людей, пришедшихъ изъ дальнихъ городовъ Палестины:

— Что Тотъ?

И они разсказывали ему про новыя знаменія и чудеса, явленныя Пророкомъ, про толпы народа, которыя неотступно ходятъ за Нимъ, послушныя каждому Его слову, про то, что повсюду среди народа шепотомъ уже произносится слово „Царь“. Одно, что его удивляло сначала,—это неразборчивость Царя.

Какъ можетъ возлежать Онъ совершенно одинаково за столомъ и съ почтеннѣйшими старѣйшими, людьми извѣстнаго благочестія и добродѣтельной жизни, и съ презрѣннѣйшими грѣшниками,—людьми низкихъ побужденій, откупщиками римскихъ податей, сдиравшими послѣднюю кожу съ родного народа ради враговъ?

Но развѣ ужъ одна принадлежность къ излюбленному Богомъ народу не составляетъ такого достоинства, которое превышаетъ всѣ остальные недостатки?

Развѣ не всѣ потомки Іакова? Не всѣ дѣти Господа, дѣти народа? Развѣ не всему народу, излюбленному Богомъ, дано будетъ владычество надъ міромъ?

Время-ли теперь дѣлить народъ на добрыхъ и злыхъ, хорошихъ и дурныхъ?

Всѣ должны сплотиться между собою, весь народъ, чтобъ свергнуть съ родной страны иго римлянъ.

Это прежде всего, главнѣе всего, важнѣе всего.

А счеты и дѣленія будутъ потомъ!

Важно, чтобъ всѣ примкнули къ великому движенію, чтобы не было у римлянъ друзей среди народа.

И старый Агасѳеръ преклонялся предъ мудростью Пророка, который объединяетъ народъ, одинаково привлекая къ себѣ сердца и добрыхъ, и злыхъ.

— Такая мудрость бываетъ только отъ Бога!

Но непонятно только одно.

Зачѣмъ же Пророкъ изливаетъ свои милости еще и на язычниковъ?

Развѣ не одному излюбленному народу обѣтована земля?

Развѣ язычники найдутъ себѣ мѣсто въ этомъ царствѣ, всемірномъ, гдѣ будутъ править, царить и властвовать только потомки Іакова?

Но и это сомнѣніе не долго мучило великаго патріота.

О, старый Агасѳеръ не даромъ принадлежалъ къ народу, которому приходилось ладить и съ Тиромъ, и съ Сидономъ, и съ Римомъ, и съ Карфагеномъ, и съ Греціей, и съ Финикіей.

Въ его жилахъ не даромъ текла кровь его предковъ, предпріимчивыхъ и мудрыхъ, купцовъ и политиковъ, умѣвшихъ входить въ соглашеніе и съ чужестранцами, и съ иновѣрцами, умѣвшихъ усыплять ихъ бдительность и снискивать ихъ дружбу.

О, какъ понималъ онъ своего Пророка!

Римляне,—вотъ кого надо побѣдить, сокрушить, изгнать.

Римляне,—вотъ главный врагъ; и ихъ нужно лишить союзниковъ, привлекши другихъ язычниковъ на свою сторону добромъ и милосердіемъ.

А остальные сами падутъ ницъ предъ мощью и величіемъ великаго народа, сокрушившаго даже непобѣдимыхъ римлянъ.

Развѣ судьи дѣйствовали только силой, и никогда не прибѣгали къ хитрости?

Развѣ для того, чтобъ подготовить торжество родного народа, они пользовались только силой мышцъ и не прибѣгали къ величайшему достоянію человѣка—уму?

И Агасѳеръ хотѣлъ видѣть своего Пророка могучимъ какъ Сампсонъ, мудрымъ какъ Іеффай.

Слухъ о томъ, что Онъ идетъ на праздникъ Пасхи въ Іерусалимъ, всколыхнулъ весь народъ.

Да, такъ это и должно случиться.

Господь явитъ излюбленному народу Свою милость въ тотъ-же день, когда онъ явилъ ее чрезъ Моисея.

И день великой Пасхи будетъ вдвойнѣ великимъ днемъ освобожденія отъ ига египтянъ и римлянъ.

И Его встрѣтили, какъ грядущаго Царя.

Въ домахъ было припрятано оружіе,—а на улицахъ Его ждали несмѣтныя толпы народа. Его путь устилали лучшими одеждами, Ему махали зелеными, только что распустившимися, вѣтвями, какъ символомъ возрожденія.

Всѣ, даже дѣти, громко, во всеуслышаніе, въ глаза называли Его Царемъ.

И ждали только одного Его слова, чтобъ броситься на римлянъ и поднять знамя освобожденія.

И что-же?

При этихъ кликахъ, при видѣ этой толпы, готовой на все по Его велѣнію, — загорѣлся-ли въ Его глазахъ священный огонь вдохновенія?

Сорвалось-ли съ Его устъ то слово, котораго ждалъ отъ Него истомившійся подъ игомъ римлянъ, но снова воспрянувшій какъ левъ,—этотъ бѣдный народъ?

Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!

Отчаянье стало закрадываться въ душу Агасѳера.

Но только еще закрадываться,—онъ даже и тогда все еще продолжалъ надѣяться.

Онъ жадно слѣдилъ за каждымъ шагомъ Пророка.

И когда узналъ, что Его послѣ тайнаго совѣщанія съ ближайшими ученинами, взяли въ Масличномъ саду и отвели подъ стражу къ первосвященнику,—Агасѳеръ всю ночь проходилъ за Нимъ, ждалъ, не замѣчая ночного холода.

Онъ ожидалъ, что тамъ среди первосвященниковъ

и старѣйшинъ Пророкъ явитъ знаменіе, котораго ждали отъ Него, — и вотъ-вотъ отворятся двери, и Онъ явится среди старѣйшинъ и членовъ синедріона, окруженный священниками, во всемъ блескѣ славы и величія своего и объявитъ возстанье.

А Онъ терпѣливо сносилъ ругательства и даже насмѣшки.

Надъ Пророкомъ смѣялись!

И лишь подъ утро ушелъ Агасѳеръ, съ разбитой душой, съ разбитыми надеждами, съ разбитой вѣрой въ Пророка.

Обманъ былъ очевиденъ. Старый Агасѳеръ ошибся. Это не былъ Пророкъ.

И тогда, когда Онъ, измученный, обезславленный, изнемогая подъ тяжестью позорнаго орудія казни, упалъ у порога его дома, — ненависть, презрѣнье, злоба за обманутый народъ, стыдъ за свою сѣдую, обманутую голову охватилъ Агасѳера.

Всѣ видѣли его постыдную, смѣшную ошибку.

Вѣдь говорили-же другіе, что Тотъ обманщикъ,—а онъ, старый Агасѳеръ, онъ вѣрилъ въ Него!

Онъ всей душой своей жаждалъ увидѣть Пророка,— а увидѣлъ раба, котораго ведутъ на позорную казнь.

За тридцать серебренниковъ купили Его, Пророка, и, какъ съ рабомъ, дѣлаютъ все, что хотятъ!

Слезы обиды, стыдъ, сдавили горло стараго Агасѳера, и онъ поднялъ ногу, чтобъ оттолкнуть жалкаго, безсильнаго раба.

Тотъ взглянулъ...

Такъ отчего-же этотъ взглядъ и теперь смотритъ на него изъ темнаго угла комнаты.

Теперь въ этотъ часъ, когда онъ хотѣлъ-бы всей душой, всѣми помыслами своими, отдаться молитвѣ Іеговѣ, Господу силъ, которому служилъ всю жизнь свою?

Отчего ни при свѣтѣ дня, ни въ сумракѣ ночи, нѣтъ минуты, когда-бы откуда-то не смотрѣлъ на него этотъ взглядъ запечатлѣвшійся, словно выжженный въ его душѣ.

Отчего онъ чувствуетъ себя убійцей,—больше...

Да вѣдь не Богъ-же, а рабъ позорно распятъ тамъ, на Голгоѳѣ!

Развѣ Богъ умретъ?

А Онъ умеръ,—и какъ умеръ!

Развѣ Онъ могъ быть Вождемъ, призваннымъ для того, чтобы итти во главѣ разъяренныхъ львовъ?

И Агасѳеръ напрасно призывалъ всѣ силы своего мышленія, приводилъ всѣ доказательства разума.

Агасѳеръ, потомокъ народа, который всю свою жизнь, какъ левъ, бился за свою независимость, потомокъ героевъ, сражавшихся за независимость со всѣми окружавшими его со всѣхъ сторонъ врагами.

Потомокъ народа, оружіемъ, силой завоевавшаго обѣтованную ему землю,—и кровью своей и враговъ полившаго каждый ея уголокъ.

Потомокъ народа, у котораго враги стирали до основанія его города, и который снова на развалинахъ воздвигалъ крѣпости и храмы.

Его, потомка этого воинственнаго народа, оскорбляла эта смерть, тихая, кроткая, быстрая, эта слабость.

Не могъ быть Онъ вождемъ.

Онъ въ заблужденье ввелъ и безъ того изстрадавшійся, бѣдный народъ.

Онъ заслужилъ то, что получилъ.

Такъ почему-же тяжело такъ старому Агасѳеру?

Почему словно убійство совершилъ онъ?

Почему?

Что сдѣлалъ онъ?

Тщетно Агасѳеръ обращался за наставленіемъ, помощью, совѣтомъ, поученьемъ къ старому равви,

ученому, почтенному члену синедріона, великому учителю народа.

— Успокойся, это простая жалость. Чувство, которое заставляетъ насъ относиться съ состраданіемъ даже къ преступникамъ. Прекрасная слабость души,— такъ говорилъ старый равви,—но не поддавайся этой слабости. Развѣ не по образу и подобію Божію созданъ человѣкъ? Развѣ не стремиться уподобиться божеству—великое назначеніе человѣка? Не такъ-ли? Іегова, Богъ гнѣва, Господь мести, — знаетъ-ли Онъ жалость къ преступному? Не мститъ-ли Онъ до третьяго колѣна? Развѣ не до конца Онъ доводитъ казнь преступника? Развѣ Онъ не разверзалъ земли подъ мятежниками, преступившими Его волю? Развѣ не поразилъ Онъ моровой язвой въ минуту гнѣва даже излюбленный свой народъ? Развѣ остановилъ Онъ свою карающую десницу прежде, чѣмъ ангелъ истребитель не умертвилъ всѣхъ первенцевъ нечестивыхъ египтянъ? Не ты, мой сынъ, мой старый другъ, виновенъ въ томъ, что оттолкнулъ изнемогавшаго отъ своего порога. Онъ прогнѣвилъ Іегову, и Богъ силъ избралъ тебя, чтобъ усугубить мѣру страданій. Онъ, имя Котораго мы боимся произнесть, руководилъ твоимъ поступкомъ, дополняя мѣру заслуженной казни.

Такъ говорилъ старый равви, ясными глазами смотря на Агасѳера, — а Агасѳеръ чувствовалъ, что откуда-то глядятъ на него другіе глаза.

Смотрятъ съ тоскою, со скорбью, страданьемъ.

И что этотъ взглядъ жжетъ и гнететъ его душу.

Онъ бродилъ какъ во снѣ, подавленный, уничтоженный, чувствуя на себѣ этотъ взглядъ, не бодрствуя днемъ, не смыкая глазъ ночью.

И вдругъ эта вѣсть...

Она съ быстротою молніи разнеслась по городу.

Ее передавали потихоньку, шепотомъ.

Выслушивали съ недовѣріемъ, смѣшаннымъ, однако, со страхомъ.

— Его тѣло исчезло.

— Говорятъ, что Онъ воскресъ.

И народъ, потерявшій вѣру въ Пророка, говорилъ:

— Ученики выкупили Его тѣло у стражи за деньги. Чего нельзя купить за деньги у презрѣнныхъ римлянъ? И теперь говорятъ, будто Онъ воскресъ! Развѣ мертвые воскресаютъ?

И когда Агасѳеръ услышалъ эту вѣсть, словно что оборвалось въ его душѣ: онъ задрожалъ отъ ужаса и прошепталъ:

— Онъ... Онъ могъ это сдѣлать!..

И въ страхѣ поспѣшилъ укрыться подъ кровлю своего дома.

Теперь онъ понялъ все.

Такъ вотъ почему Тотъ съ кротостью позволилъ Себя распять! Вотъ почему Онъ молча страдалъ! И взоромъ, полнымъ тихой и ясной любви, смотрѣлъ на тѣхъ, кто Его убивалъ!

Онъ не боялся смерти, потому что Онъ сильнѣе ея.

Кто же Онъ, Невѣдомый, Таинственный, молча страдающій, распятый и воскресшій? Богъ?

Агасѳеръ съ ужасомъ отступилъ отъ своей семьи, отъ дѣтей, ихъ женъ и внуковъ.

Дѣти! Внуки! Онъ преступникъ, сѣдой, старый преступникъ. Преступникъ предъ ними.

Богъ, Богъ былъ у порога его дома, и онъ оттолкнулъ Его!

Онъ, такъ ждавшій Мессію, онъ оттолкнулъ Его, когда Мессія пришелъ,—и куда же? Къ его дому!

Небо коснулось дома дѣтей его, дома внуковъ его,— а онъ, обезумѣвшій отъ ярости и злобы, — онъ поднялъ на Бога...

Агасѳеръ бѣжалъ изъ своего дома, какъ бѣгутъ воры: ночью, тайкомъ, никѣмъ незамѣченный.

Онъ не могъ больше видѣть дѣтей своихъ, отъ дома которыхъ онъ въ безуміи отогналъ Бога.

Упрекъ слышался ему въ лепетѣ внуковъ, которыхъ онъ лишилъ благословенія, посланнаго имъ небомъ.

Онъ бѣжалъ изъ этого города, гдѣ совершилось величайшее, неслыханнѣйшее изъ преступленій.

Гдѣ терзали, мучили, убивали Самого Бога!

Онъ бѣжалъ и никуда не могъ убѣжать отъ этого взгляда, который запечатлѣлся у него въ душѣ.

Среди мрака ночи на него глядѣли все тѣ же глаза, полные скорби и страданья.

Ужъ городъ остался далеко позади, и кругомъ тянулась безконечная каменистая пустыня,—когда Агасѳеръ, измученный, упалъ на землю.

И это былъ не сонъ, не бодрствованіе, не призракъ, не дѣйствительность.

Онъ стоялъ у подошвы Синая.

Вершина священной горы дымилась.

Оттуда гремѣли громы и сверкали молніи.

Земля колебалась подъ ногами павшей въ ужасѣ на колѣни толпы, среди которой стоялъ Агасѳеръ.

И вотъ раздался голосъ изъ темныхъ облаковъ, закрывавшихъ вершину священной горы.

И былъ этотъ голосъ таковъ, что сердца вздрогнули отъ звуковъ его, и люди попадали ницъ на землю.

— Я Богъ твой,—и пусть не будетъ тебѣ другихъ боговъ, кромѣ Меня!—такъ раздалось на горѣ.

„Это Богъ“!—шептали въ смертельномъ ужасѣ люди.

И увидалъ Агасѳеръ себя у подножія другой горы.

Весь залитый солнцемъ, подъ безоблачнымъ голубымъ небомъ, покрытый изумрудною зеленью, возвышался Ѳаворъ.

Повѣяло теплымъ вѣтеркомъ, и полевые цвѣты закачались на своихъ стебелькахъ, словно привѣтствуя кого-то. Тепломъ и блескомъ, и радостью было полно все кругомъ.

И съ горы, въ бѣлыхъ, блиставшихъ какъ снѣгъ одеждахъ, съ лицомъ, сіявшимъ какъ солнце, сходилъ Нѣкто.

И сказалъ Онъ:

— Я Богъ вашъ, Богъ кротости, любви и прощенья. Довольно вамъ страдать. Я Самъ пришелъ страдать за васъ, чтобы дать вамъ вѣчное блаженство.

И были эти слова какъ звонъ лютней, какъ тихій шепотъ вѣтерка, и радостью великой, неизреченной, наполнили они измученное сердце.

И Агасѳеръ рѣшился поднять глаза на кроткаго Бога всепрощенья.

Рѣшился, вскрикнулъ и очнулся.

Онъ узналъ Его, узналъ этотъ взглядъ...

Это былъ Онъ.

Въ ужасѣ, въ смятеніи духа, кинулся на землю Агасѳеръ, боясь даже помыслить о томъ, что онъ совершилъ,—и сталъ просить смерти.

Онъ рыдалъ, валяясь на землѣ и молилъ смерти,— смерти, какъ единственнаго блага для себя.

И только тутъ, вымаливая смерти, этотъ бѣдный, духомъ прикова[illegible]й къ землѣ человѣкъ, даже Мессію ждавшій не [illegible]че, какъ царемъ и земнымъ владыкой, только [illegible] онъ понялъ истинное царство, царство вѣчной радости, вѣчнаго, немеркнущаго свѣта, царство славы, блаженства, любви и всепрощенія

И это-то царство онъ самъ покинулъ.

Въ ужасѣ, въ отчаяньи, Агасѳеръ бросился бѣжать, стараясь уйти отъ себя, отъ своей скорби, отъ этого взгляда, что отпечатлѣлся въ его душѣ.

— Иди!—приказывалъ ему голосъ его души.

— Иди!—шептало все: небо, земля, звѣзды.

— Иди!—кричалъ вѣтеръ, врывавшійся въ уши.

И онъ шелъ, какъ бичомъ подгоняемый этимъ крикомъ:

— Иди!

Вѣка мчались за вѣками, а онъ шелъ, шелъ.

О, Агасѳеръ!

Зачѣмъ ты не узналъ Бога въ страданьи!..

Этой легендѣ много вѣковъ.

Ее много разъ разсказывали людямъ.

Ее можно разсказать дурно и хорошо, но пусть одна мысль западетъ въ вашу душу.

Никогда не отталкивайте того, кто изнемогшій, упадетъ у вашего порога.

АГАСѲЕРЪ.

— Иди!

И онъ шелъ.

— Иди!—свисталъ вѣтеръ, врывавшійся въ уши.

— Иди!—слышалось въ пѣніи птицъ.

— Иди!—звучало въ ропотѣ волнъ.

Небо, земля, звѣзды, горѣвшія въ бездонной вышинѣ,—все въ природѣ слилось для него въ одинъ ужасный, несмолкающій вопль.

— Иди!

Для него, бѣднаго Агасѳера, который такъ ждалъ Мессію,—и когда тотъ пришелъ, не узналъ Его въ Страдальцѣ, изнемогшемъ подъ тяжестью креста у ступеней его дома.

Онъ толкнулъ тогда Страдальца ногою прочь отъ своего крыльца и крикнулъ:

— Иди!

И вотъ теперь это страшное слово безъ умолка звучитъ, какъ проклятье въ ушахъ, звучитъ въ сердцѣ.

И онъ шелъ.

Истомленный, изнемогшій, онъ шелъ года, вѣка.

Сонъ не смыкалъ его очей.

Когда онъ, измученный, обезсилѣвшій, падалъ на землю и закрывалъ глаза,—передъ нимъ выростала Голгоѳа.

Крестъ и лицо Распятаго.

И съ вышины этого креста тихое, какъ дуновенье вѣтерка, но потрясающее какъ громъ, слышалось слово:

— Иди!

Въ ужасѣ вскакивалъ съ земли Агасѳеръ и бѣжалъ прочь отъ страшнаго видѣнія.

А оно слѣдовало по пятамъ за нимъ, при свѣтѣ дня, во мракѣ ночи, мерещилось ему, какъ марево въ пустынѣ.

Напрасно онъ искалъ смерти.

Смерть бѣжала отъ него, какъ земля убѣгала изъ подъ его ногъ при быстромъ бѣгѣ.

Напрасно онъ бросался въ ревущія морскія волны.

Онѣ съ ужасомъ разступались предъ обреченнымъ на вѣчную жизнь, а прибой спѣшилъ возвратить его землѣ.

Напрасно бросался онъ съ крутизны въ пропасти, грудью на острыя, торчавшія внизу, скалы.

Гранитъ разлетался отъ прикосновенія тѣла, — и Агасѳеръ вставалъ невредимымъ, и въ шумѣ мелкихъ камешковъ, катившихся подъ ногами, — ему слышался шепотъ:

— Иди... Иди...

О, зачѣмъ онъ тогда не узналъ Того, Кого ждалъ всѣмъ сердцемъ своимъ!

Зачѣмъ не понялъ Страдальца...

Десятилѣтія мелькали, какъ мгновенія.

А Агасѳеръ шелъ.

Одинокій.

Люди въ ужасѣ отступали отъ страшнаго старика, съ печатью ужаса и отчаянья на лицѣ.

Бѣжали какъ отъ призрака.

И Агасѳеръ былъ изумленъ, когда вертѣвшаяся толпа не разсѣялась въ страхѣ передъ нимъ.

Его не замѣчали.

Толпа подхватила его въ своемъ движеніи и унесла съ собой.

Женщины, дѣти, воины, старики, рабы, вольно-

отпущенники, бѣдняки и богачи, куртизанки и матроны,—все это мчалось къ огромному зданію, надъ которымъ развѣвался колеблемый вѣтромъ пурпурный пологъ.

И Агасѳеръ, увлекаемый толпой, остановился только на ступеняхъ цирка.

— Тише! Тише! Они поютъ!

На арену, освѣщенную, словно заревомъ, краснымъ отблескомъ пурпурнаго полога, входила толпа мужей, стариковъ, женщинъ, дѣвушекъ, дѣтей.

— Они поютъ!

Толпа, наполнявшая циркъ, смолкла, — и въ этой тишинѣ, словно гимнъ, торжественно понеслась пѣснь осужденныхъ.

И вздрогнулъ Агасѳеръ, и ужасомъ исказились черты его лица.

Онъ услышалъ имя Того...

А циркъ ужъ снова ревѣлъ.

— Побѣжденные, они торжествуютъ побѣду!

Это вызвало хохотъ, насмѣшки.

Толпа хохотала надъ безумцами, пѣвшими побѣду въ минуту пораженія и славившими безсильнаго Бога.

— Пусть явится Тотъ, Кого они славятъ и спасетъ ихъ. Отворите двери, впустите звѣрей, — мы хотимъ видѣть чудо.

Загремѣли желѣзныя двери, и огромный левъ, разъяренный, ударяя себя хвостомъ по бедрамъ, выпрыгнулъ на арену.

Дико оглянулся кругомъ и, увидѣвъ людей посрединѣ арены, пригнулся къ землѣ и поползъ, выбирая жертву.

— Остановитесь!—крикнулъ Агасѳеръ, но его вопль потонулъ въ насмѣшливыхъ крикахъ толпы:

— Гдѣ-же, гдѣ вашъ Истинный Богъ?!

— Остановитесь, выслушайте меня,—я знаю истину!

И Агасѳеръ схватился руками за пылавшую словно въ огнѣ голову.

— О, Боже! Зачѣмъ такъ трудно люди постигаютъ истину. За что Ты обрекъ меня на тягчайшую изъ мукъ: жить среди людей, зная истину?!

Левъ приближался.

А они пѣли, устремивъ глаза на кусочекъ яснаго голубого неба, которое виднѣлось между полотнищами пурпурнаго полога.

И все свѣтлѣе и свѣтлѣе становились лица.

Словно видѣли они тамъ что-то...

Взглянулъ туда-же Агасѳеръ, и задрожалъ, и упалъ на ступени цирка...

Ему показалось, что тамъ... въ голубомъ небѣ...

Когда Агасѳеръ очнулся и поднялся со ступеней, циркъ былъ уже пустъ...

Вечерѣло... Сумракъ наполнялъ циркъ и сгущался. Вѣтеръ шелестѣлъ пологомъ.

И въ этомъ шелестѣ прозвучало:

— Иди!

Онъ съ ужасомъ бѣжалъ отъ страшнаго мѣста.

Онъ шелъ годы, десятилѣтія, вѣка,—какъ, вдругъ, его путь снова преградила толпа.

Передъ нимъ разступались волны, и не разступалась эта толпа.

Такъ она была увлечена готовившимся зрѣлищемъ.

Агасѳеръ съ удивленіемъ оглядѣлся вокругъ.

Гдѣ онъ?

Обширная площадь, запруженная толпою, пестро, ярко, по праздничному разодѣтаго, люда.

Народъ занималъ всѣ балконы.

Народомъ покрыты были всѣ крыши.

Посреди площади дымились костры,—и люди, одѣтые въ красное, ждали, когда на площадь вступитъ процессія.

Люди въ какихъ-то странныхъ одѣяніяхъ, съ нарисованными, черными отвратительными фигурами, въ высокихъ колпакахъ, со стонами, съ плачемъ, съ воплями, связанные, шли, окруженные войскомъ, прямо къ кострамъ.

— Что хотятъ здѣсь дѣлать?—спросилъ Агасѳеръ.

— Здѣсь будутъ жечь невѣрныхъ іудеевъ во славу Истиннаго Бога!

Онъ хотѣлъ броситься впередъ, крикнуть этимъ людямъ:

— Остановитесь! Что вы хотите дѣлать?

Сказать имъ, что Истинный Богъ—Богъ кротости, любви и милосердія.

И не требуетъ кровавыхъ жертвъ и мести.

Что онъ самъ видѣлъ Этого Бога, распятаго на крестѣ.

Что Истинный Богъ страдалъ, а не требуетъ чужихъ страданій.

Но хлынувшая толпа оттѣснила Агасѳера,—и онъ очутился въ маленькомъ, узенькомъ переулкѣ.

Еще ярче вспыхнуло пламя костровъ, и пѣніе псалмовъ слилось со стонами заживо сжигаемыхъ людей.

— Что они дѣлаютъ тамъ на площади? Что творятъ?—въ ужасѣ шепталъ Агасѳеръ.

Ему на встрѣчу попался блѣдный, растерянный человѣкъ, съ отпечаткомъ ужаса на измученномъ лицѣ.

По той скорби и страданію, которыя свѣтились въ его взглядѣ,—Агасѳеръ узналъ своего бѣднаго соотечественника.

— Куда ты стремишься, несчастный?

— Я бѣгу изъ рукъ святѣйшей инквизиціи, которая тысячами сжигаетъ насъ, сыновъ Израиля.

— Во имя Какого-же Бога приносятся эти человѣческія жертвы? Какому Богу молятся эти люди ненависти, сжигающіе себѣ подобныхъ?

— Во имя Христа.

Если-бы громъ небесный грянулъ среди безоблачнаго неба, молнія разбила-бы землю, и она разверзлась-бы подъ ногами Агасѳера, и сводъ небесный обрушился-бы на его плечи,—онъ былъ-бы менѣе потрясенъ, чѣмъ теперь.

— Во имя Распятаго Христа?

— Во имя Его. Они сжигаютъ насъ за то, что мы не хотимъ признать Его Богомъ, Мессіей!

— Онъ былъ Богомъ, Миссіей!—съ ужасомъ прошепталъ Агасѳеръ,—это правда. Онъ былъ Богомъ, былъ Мессіей.

— Старикъ!—воскликнулъ его соотечественникъ,—по языку моихъ предковъ, которымъ говоришь и ты, я узнаю, что ты, какъ и я, сынъ Израиля. По словамъ твоимъ я вижу, что ты измѣнникъ вѣрѣ отцовъ. Ты пожалѣлъ нѣсколькихъ лѣтъ, полныхъ дряхлости, безсильнаго страданья, ты захотѣлъ ихъ купить цѣною отреченія отъ вѣры отцовъ. Тебя устрашилъ огонь костровъ, и дымъ отъ нихъ заслонилъ отъ твоихъ старческихъ глазъ небо. Иди своимъ путемъ, старикъ. Одумайся, если можешь. А я пойду той дорогой, которой идутъ мои братья. Черезъ костры она ведетъ насъ къ Тому, Чье Имя не дерзаетъ произнести языкъ человѣка. Я останусь вѣренъ вѣрѣ предковъ, хотя-бы эту вѣру мнѣ пришлось исповѣдать среди пламени костра. Иди, старикъ, своимъ путемъ... иди... Намъ не по дорогѣ: я иду на костеръ.

И онъ быстро удалился

Печально поникнувъ головой, долго стоялъ Агасѳеръ, не трогаясь съ мѣста.

И вдругъ лицо его,—въ первый разъ спустя вѣка,—освѣтилось радостной улыбкой.

Не онъ одинъ.

Эти люди, сжигающіе на кострахъ живыхъ людей въ

честь Бога кротости, Бога любви,—также не поняли Страдальца.

Въ честь Него, Который молился за враговъ,—возжигаютъ эти костры?

О, да что оскорбленіе Агасѳера предъ этимъ оскорбленіемъ, которое наносится Имени Распятаго Господа,—и кѣмъ-же, его слугами!

Муки и казни во Имя Бога любви.

О, Агасѳеръ, и ты не такъ тяжко оскорбилъ Распятаго Господа. Не ты одинъ не понялъ Его.

И Агасѳеръ повернулъ обратно на площадь.

Теперь онъ зналъ, что нужно дѣлать.

Онъ зналъ...

— Разступитесь! Разступитесь! Еврей идетъ къ кардиналамъ!

И предъ сонмомъ кардиналовъ, епископовъ, прелатовъ, появился старый, измученный, изможденный еврей.

Въ безпорядкѣ сѣдые волосы, въ лохмотьяхъ одежда, какъ послѣ долгаго пути среди лѣсной чащи и кустарниковъ.

Глубокія морщины избороздили суровое лицо.

Огонь горитъ въ глазахъ.

— Здѣсь сжигаютъ сыновъ Израиля?

— Здѣсь ихъ обращаютъ въ истинную вѣру!—отвѣтилъ прелатъ, указывая на купель.

— Я сынъ Израиля. Сынъ избраннаго Богомъ народа. Я вѣрую въ Того, чье Имя не дерзаетъ произнести языкъ, да будетъ Имя это благословенно во вѣки вѣковъ. Я вѣрую въ Адоная, Бога Авраама, Исаака и Іакова, вѣрую и нынѣ здѣсь предъ всѣми вами исповѣдую вѣру моихъ предковъ и мою. Я вѣрую въ Него и презираю вашу ненависть, вашу злобу. Я—еврей.

И онъ стоялъ гордо и прямо, предъ сонмомъ кардиналовъ.

— Онъ кощунствуетъ! Онъ оскорбляетъ святѣйшую инквизицію, на костеръ его! На костеръ!

— Заблудшій сынъ Господа!—сказалъ кардиналъ, и священники дали знакъ толпѣ замолчать,—заблудшій сынъ Истиннаго Бога! Святая инквизиція снисходитъ къ безумію и гордынѣ, обуявшимъ твою душу. Чрезъ горнило огня пусть пройдетъ она въ ближайшее отъ насъ воскресенье и вознесется, очищенная огнемъ, ко Престолу Всевышняго. Тамъ, среди пламени, умерщвляющаго плоть и очищающаго духъ, ты познаешь истину, заблудшій братъ. Иди съ миромъ,—возьмите еврея, заключите въ тюрьму, гдѣ ждутъ отмщенія и избавленія другіе невѣрные. Заключите его отдѣльно отъ другихъ, духъ гордости обуялъ его, пусть онъ тлѣньемъ не коснется душъ тѣхъ, кто близокъ къ познанію Истиннаго Бога. Огнемъ да будетъ сломленъ и уничтоженъ этотъ духъ.

И прелаты, епископы, весь народъ, наклонивъ головы, отвѣтили:

— Аминь!

Снова задымились костры на площади собора.

Еще большія, несмѣтныя толпы собрались смотрѣть, какъ будутъ сжигать дерзкаго еврея.

Упорнѣйшаго изъ людей его вѣры, надменнаго, дерзнувшаго оскорбить самихъ слугъ святѣйшей инквизиціи.

Сердце забилось у Агасеера, когда его вывели изъ тюрьмы, при видѣ этой несмѣтной толпы.

Ему вспомнился Іерусалимъ.

Въ тѣ страшные дни.

Такъ же было и тогда, когда Тотъ шелъ на добровольную смерть.

Улыбка радости играла на лицѣ Агасѳера и онъ съ восторгомъ слушалъ ревъ проклятій, несшійся изъ толпы.

Такъ! Такъ!

Такъ было и тогда.

Среди войска, среди монаховъ, несшихъ зажженные факелы, со стонами, съ воплями, шла толпа стариковъ, юношей, женщинъ, дѣтей.

И среди этой стонущей, измученной толпы, съ высоко поднятымъ челомъ, съ радостнымъ лицомъ, съ восторгомъ горящими глазами,—шелъ Агасѳеръ, какъ побѣдитель.

На него были устремлены всѣ взгляды.

— Вотъ онъ! Вотъ тотъ еврей, что дерзнулъ оскорбить святѣйшую инквизицію!

Процессія вступила на площадь, обошла вокругъ костровъ и остановилась предъ сонмомъ кардиналовъ, епископовъ, прелатовъ,—возсѣдавшихъ на высокой паперти и ступеняхъ собора.

Вопли, стоны еще больше усилились въ толпѣ приговоренныхъ.

— Мы хотимъ только молиться Богу предковъ нашихъ!

— Тѣла ихъ да уничтожитъ огонь, — а души да вознесутся къ престолу Всевышняго! — раздалось съ соборной паперти.

— Аминь!—повторилъ весь народъ.

Стоны, слезы, вопли вдругъ стихли среди осужденныхъ.

— Ты, Имени Котораго не дерзаетъ произнести языкъ!—раздался изъ толпы голосъ дряхлаго старца, и при первыхъ же словахъ его старческаго голоса толпа осужденныхъ словно преобразилась: твердость, мужество засіяли въ глазахъ.

— Ты, Имени Котораго не дерзаетъ произнести

языкъ. Ты, даровавшій намъ заповѣди на горѣ Синаѣ. Ты, клятвой связавшій отцовъ нашихъ хранить Святые заповѣди Твои. Ты, что избралъ народъ Израиля излюбленнымъ народомъ своимъ. Ты, который вывелъ народъ Свой изъ Египта. Ты, повелѣвшій разступиться волнамъ морскимъ. Ты, сохранившій трехъ отроковъ въ печи огненной. Ты, Великій, Всемогущій Богъ Адонай, Богъ отцовъ нашихъ,—Ты нынѣ изведи сыновъ Своихъ чрезъ огонь къ Святому Престолу Твоему.

И вся толпа осужденныхъ, какъ одинъ человѣкъ, отвѣтила:

— Да будетъ такъ, и да славится во вѣки Имя, Котораго не дерзаетъ произнести языкъ.

Одинъ Агасѳеръ стоялъ прямо и спокойно, глядя въ глаза верховному кардиналу.

— Отведите къ кострамъ всѣхъ,—оставьте передъ святымъ соборомъ лишь этого старика.

Осужденные тихо направились къ кострамъ. Агасѳеръ одинъ остался передъ синклитомъ.

— Смирился ли духъ гордыни твоей? Вѣришь ли ты теперь въ то, что Распятый на Голгоѳѣ Искупитель былъ Истинный Сынъ Божій, Мессія, пришествіе Котораго возвѣщали пророки? Отвѣчай: водой крещенія или огнемъ хочешь ты очистить и спасти душу свою?

Вѣритъ ли онъ,—онъ, который самъ видѣлъ Распятаго?

Какъ Тотъ, однимъ словомъ, онъ могъ бы избѣгнуть казни.

Но онъ знаетъ, что дѣлать.

Какъ Тотъ, онъ умретъ невиннымъ, искупая свой грѣхъ, какъ Распятый искупалъ грѣхи всего міра.

Агасѳеръ молчалъ.

— Я вторично спрашиваю тебя. Въ третій разъ

обращаюсь къ тебѣ. Водой или огнемъ хочешь ты очистить душу свою. Ты безмолвствуешь? Да будетъ же по желанію твоему, ты будешь очищенъ огнемъ. Отведите его на костеръ.

Высоко взвились языки пламени, повалилъ густой дымъ.

Вопли, стоны, крики, пѣніе псалмовъ, трескъ сухого дерева,—все слилось въ одинъ страшный аккордъ.

Цѣлый день горѣлъ костеръ, на которомъ сжигались невѣрные...

Агасѳеръ очнулся.

Онъ стоялъ одинъ, прислонившись къ каменному позорному столбу.

Былъ вечеръ.

Площадь была пуста.

Все сгорѣло.

У ногъ Агасѳера тлѣлись красные уголья.

А онъ стоялъ невредимый, не опаленный, обреченный на жизнь.

И, въ тишинѣ ночи, ему показалось, прозвучалъ все тотъ же голосъ:

— Иди...

ПОКОЙНИКИ МОРЯ.

Это было давно. Но отцы теперешнихъ стариковъ еще помнили старичка-священника, поселившагося въ Крыму, близь Гурзуфа, въ одной изъ пещеръ Аю-Дага.

Никто не зналъ, когда онъ поселился тамъ, кто онъ и откуда. Разсказывали разное. Одни говорили, что его выбросило на берегъ послѣ кораблекрушенія, въ которомъ онъ потерялъ всѣхъ близкихъ и милыхъ сердцу, сдѣлавшихся жертвами разъяреннаго моря. Другіе говорили, что бури моря житейскаго отняли у него все, что привязывало его къ міру, и онъ удалился сюда, чтобъ предаться молитвенному общенію съ Богомъ, созерцать красоты его творенія, содрагаться праведному гнѣву Его и умилостивлять Его своими молитвами.

Что привело его къ морю—неизвѣстно, но море было единственнымъ міромъ, съ которымъ имѣлъ онъ общеніе.

Никто не нарушалъ его уединенія. Никто не мѣшалъ его занятіямъ. Никто не пробирался къ нему черезъ утесы и скалы.

Любопытствовали издали.

Онъ питался кореньями и дико-растущими ягодами, пилъ воду изъ ключа, журчащаго около, и спалъ въ своей пещеркѣ.

Цѣлыми днями бродилъ онъ по склону горъ, всматриваясь въ морскую даль, и если замѣчалъ какое-нибудь судно, начиналъ молиться и посылалъ ему свое благословеніе.

Рыбаки, отправляясь осенью на свой опасный промыселъ къ Θеодосійскимъ берегамъ, заѣзжали къ нему за благословеніемъ. Они какъ можно ближе подъѣзжали къ берегу и, покачиваясь въ своихъ челнокахъ, на волнахъ вѣчно бушующаго здѣсь моря, ждали, пока батюшка покончитъ свою колѣнопреклонную молитву о нихъ и издали, съ горы ихъ перекреститъ.

Весной, возвращаясь съ промысла, они опять заѣзжали къ нему, онъ благословлялъ ихъ и, казалось, пересчитывалъ число возвращающихся лодокъ.

Рыбаки вѣрили, что онъ помнитъ, сколько лодокъ отправилось въ какой стаѣ, и если онъ замѣчалъ убыль, тогда онъ плакалъ и молился еще горячѣе.

Молитва за „плавающихъ и путешествующихъ" составляла его непрестанное занятіе.

По утрамъ онъ спускался внизъ, на каменистый берегъ. Море говорило съ нимъ, и онъ понималъ море.

Съ тоской вслушивался онъ въ плескъ мертвой зыби и съ замираніемъ сердца молился за тѣхъ, кто гдѣ-то тамъ далеко, въ открытомъ морѣ, борется съ бушующею бурей.

Среди выкинутыхъ за ночь на берегъ мертвыхъ дельфиновъ, водорослей и разноцвѣтныхъ ракушекъ онъ находилъ подчасъ обломки корабельныхъ досокъ, осколки мачтъ, обрывки просмоленныхъ веревокъ.

Эти страшныя находки говорили о страшной драмѣ, разыгравшейся гдѣ-то тамъ, въ дали морского простора.

Какъ хищники, волны подхватили судно и унесли его въ открытое море. Какъ разбойники, онѣ кину-

лись на него, обрушились тысячами ударовъ и раздѣлили свою добычу между собою на тысячи кусковъ. Онѣ играли доставшимися кусками добычи, дарили ихъ другъ другу. Старый сѣдой валъ, вдоволь наигравшись, принесъ свой кусокъ къ Аю-Дагу, выкинувъ его на берегъ и, разсмѣявшись милліардами бриллiантовыхъ брызгъ, ушелъ въ море за другою добычей.

За этотъ обломокъ, быть-можетъ, судорожно хватались посинѣвшія, холодѣющія руки,—и батюшка молился за погибшихъ, „имена же ихъ, Господи, Ты вѣси".

Цѣлые дни онъ наблюдалъ съ вышки, не забѣлѣетъ ли гдѣ парусъ, чтобъ благословить пловцовъ.

А вечеромъ, если море было спокойно, уходилъ на покой въ свою пещерку.

Если же море металось и ревѣло, онъ, вѣроятно, всю ночь стоялъ на колѣняхъ, служилъ панихиды и молебны.

По крайней мѣрѣ, тѣ, кого бушующія волны, застигнувъ врасплохъ, подносили къ утесамъ Аю-Дага, среди секунднаго затишья, которымъ смѣняется шумъ и ревъ бушующихъ волнъ, слышали доносившійся съ вѣтромъ съ берега одинокій старческій голосъ, пѣвшій святыя молитвы.

Такъ жилъ добрый старецъ вблизи вѣчно бушующаго моря.

Всегда бурливое, оно особенно реветъ и бушуетъ теперь въ святую пасхальную ночь.

Старецъ, котораго всѣ называли святымъ, восходилъ въ эту ночь на берегъ моря и служилъ пасхальную заутреню для покойниковъ моря.

Изъ безднъ морскихъ выплывали они и на хребтахъ поглотившихъ ихъ волнъ мчались къ утесамъ Аю-Дага.

Много ихъ было, внезапно погибшихъ, теперь приплывавшихъ услышать радостную вѣсть Воскресенія.

Смѣльчаки, рѣшавшіеся пробираться поближе къ скаламъ, среди которыхъ старый священникъ пѣлъ заутреню, дорого платились за свое любопытство.

Они возвращались домой блѣдные, дрожащіе отъ страха, едва попадая зубъ на зубъ.

Много „покойниковъ моря“ видѣли они.

Покойники бѣлѣли на хребтахъ волнъ, безъ шума колыхавшихся у берега.

Смѣльчаки видѣли, какъ молились покойники, какъ кланялись они „земными поклонами“.

Когда же старичокъ-батюшка подходилъ къ самому берегу, такъ что маленькія прибрежныяя волны, вабѣгавшія на камни, цѣловали его ноги, и громко, торжественнымъ голосомъ возглашалъ „Христосъ воскресе“, тогда поднимался внезапный шумъ среди стихнувшаго моря.

— Воистину воскресе!—отвѣчали „покойники моря“.

— Воинстину воскресе!—отвѣчали волны.

— Воистину воскресе!—отвѣчалъ весь безконечный водный просторъ, и далекія звѣзды, что ярко горятъ надъ моремъ, загорались еще ярче и отвѣчали своимъ свѣтомъ:

— Воистину воскресъ Христосъ!

Ихъ блескъ отражался въ волнахъ и море сверкало отъ этихъ поцѣлуевъ звѣздъ съ волнами.

Затѣмъ все утихало.

„Покойники моря“ уплывали обратно въ свои глубокія бездны, чтобъ снова собраться сюда черезъ годъ, въ ночь Святаго Воскресенія.

Такъ было изъ года въ годъ, насколько помнили отцы теперешнихъ стариковъ.

Но въ одну Святую ночь на морѣ разразилась страшная буря.

Смѣльчаки, съ вечера забравшіеся на утесы Аю-Дага, видѣли, какъ метались „покойники моря“, словно снова переживая свою гибель, въ смертной тоскѣ, тщетно подплывая къ берегу и простирая свои блѣдныя руки.

Вопли и стоны слышались въ ураганѣ. Криками и тоскливымъ призывомъ разражались вопли, требуя пасхальной заутрени.

Заутрени не было.

Не прозвучалъ съ берега торжественный и громкій возгласъ:

— Христосъ воскресе!

И съ тоскою попрятались за тучи звѣзды, не сказавши своимъ блескомъ:

— Воистину воскресе!

До утра пробушевало море, и лишь подъ утро со скорбными воплями уплыли въ свои бездны „покойники моря“, не услышавъ радостной вѣсти.

Эти стоны слышали и этихъ покойниковъ видѣли рыбаки, запоздавши въ морѣ, и пустившіеся въ путь въ Святую ночь, потому что въ эту ночь море бывало всегда безопасно.

На этотъ разъ буря разбила въ стаѣ двѣ лодки и, когда утромъ рыбаки подплыли по обычаю къ утесамъ Аю-Дага, никто не показался на горѣ, никто не сосчиталъ возвращающихся лодокъ, никто не помолился за погибшихъ рыбаковъ и не благословилъ оставшихся въ живыхъ.

Три дня тщетно всѣ смотрѣли на то мѣсто, куда обыкновенно выходилъ праведный старецъ, а на четвертый нѣсколько наиболѣе смѣлыхъ и отважныхъ перелѣзли черезъ утесы и впервые вошли въ пещеру старца.

Они вернулись грустно и торжественно-молчаливые.

Праведнаго старца не стало.

Они набрали камней и ими заложили входъ пещеры, гдѣ, съ сложенными въ крестное знаменіе перстами, лежало его бездыханное тѣло.

Такъ похоронили праведнаго старца въ той же пещерѣ, гдѣ онъ жилъ и молился.

Съ тѣхъ поръ каждую Святую ночь страшная буря разражается на Черномъ морѣ.

Плачетъ и стонетъ море у утесовъ Аю-Дага, тщетно дожидаясь пасхальной заутрени.

И не дай Богъ никому очутиться въ эту ночь въ открытомъ морѣ.

Волосы у него побѣлѣютъ отъ ужаса, когда онъ услышитъ въ ураганѣ стоны и рыданья и увидитъ мечущихся по волнамъ „покойниковъ моря"...

— Теперь, однако, стали они поспокойнѣе. Убиваются по своемъ батюшкѣ, но все-таки имъ хоть то въ утѣшеніе, что настроили по берегу церквей. Когда начинается на берегу на Пасху благовѣстъ, море стихаетъ и слушаетъ.

Такъ закончилъ свой разсказъ ямщикъ, съ которымъ я поспѣшалъ къ Пасхѣ изъ Севастополя въ Гурзуфъ.

СОВѢСТЬ.

(Изъ ста китайскихъ сказокъ).

Случилось это въ давнишнія, давнишнія,—незапамятныя времена, когда и лѣтописей-то еще не писалось!

Случалось и тогда людямъ дѣлать глупости, — но никто ихъ глупостей не записывалъ. Оттого, можетъ-быть, мы и считаемъ нашихъ предковъ мудрыми.

Въ тѣ незапамятныя времена и родилась на свѣтъ Совѣсть.

Родилась она тихою ночью, когда все думаетъ.

Думаетъ рѣчка, блестя на лунномъ свѣтѣ, думаетъ тростникъ, замерши, думаетъ трава, думаетъ небо.

Оттого такъ и тихо.

Днемъ-то все шумитъ и живетъ, а ночью все молчитъ и думаетъ.

Каждая куколка думаетъ, съ какими бы пестрыми разводами ей выпустить бабочку.

Растенія ночью выдумываютъ цвѣты, соловей—пѣсни, а звѣзды—будущее.

Въ такую ночь, когда все думало,—и родилась Совѣсть.

Съ глазами большими, какъ у ночныхъ птицъ. Лунный свѣтъ окрасилъ ея лицо блѣднымъ цвѣтомъ. А звѣзды зажгли огонь въ глубинѣ ея очей.

И пошла Совѣсть по землѣ.

Жилось ей на половину хорошо, на половину плохо.

Жила, какъ сова.

Днемъ никто съ ней не хотѣлъ разговаривать.

Днемъ не до того.

Тамъ стройка, тамъ канаву роютъ.

Подойдетъ къ кому, — тотъ отъ нея и руками, и ногами:

— Не видишь, что кругомъ дѣлается? Тутъ камни тащатъ, тутъ бревна волокутъ, тутъ лошади ѣздятъ. Тутъ надо смотрѣть, какъ бы самого не раздавили. Время ли съ тобой разговаривать!

Зато ночью она шла спокойно.

Она заходила и въ богатые фарфоровые дома, и въ шалаши изъ тростника.

Тихонько дотрогивалась до спящаго. Тотъ просыпался, видѣлъ ея въ темнотѣ горящіе глаза и спрашивалъ:

— Что тебѣ?

— А ты что сегодня дѣлалъ? — тихонько спрашивала Совѣсть.

— Что я дѣлалъ! Ничего, кажется, я такого не дѣлалъ!

— А ты подумай.

— Развѣ вотъ что...

Совѣсть уходила къ другому, а проснувшійся человѣкъ такъ ужъ и не могъ заснуть до утра и все думалъ о томъ, что онъ дѣлалъ днемъ.

И многое, чего ему не слышалось въ шумѣ дня, слышалось въ тишинѣ задумавшейся ночи.

И мало кто спалъ.

Напала на всѣхъ безсонница.

Даже богатымъ ни доктора, ни опіумъ помочь не могли.

Самъ мудрый Ли-Ханъ-Дзу не зналъ средства отъ безсонницы.

У Ли-Ханъ-Дзу было больше всѣхъ денегъ, больше всѣхъ земли, больше всѣхъ домовъ.

Потому люди и думали:

— Разъ у него всего больше всѣхъ, — значитъ, у него больше всѣхъ и ума!

И звали Ли-Ханнъ-Дзу премудрымъ.

Но и самъ премудрый Ли-Ханъ-Дзу еще больше другихъ страдалъ отъ той же болѣзни и не зналъ, что подѣлать.

Кругомъ всѣ были ему должны, и всѣ всю жизнь только и дѣлали, что ему долгъ отрабатывали. Такъ мудро Ли-Ханъ-Дзу устроилъ.

Какъ мудрый человѣкъ, онъ всегда зналъ, что надо дѣлать.

Когда кто-нибудь изъ должниковъ кралъ у него что и попадался, Ли-Ханъ-Дзу колотилъ его, — и колотилъ, по своей мудрости, такъ примѣрно, чтобъ и другимъ не повадно было.

И днемъ это выходило очень мудро: потому что другіе дѣйствительно боялись.

А по ночамъ Ли-Ханъ-Дзу приходили въ голову иныя мысли:

— А почему онъ воруетъ? Потому что ѣсть нечего. А почему ѣсть нечего? Потому что заработать некогда: онъ весь день только и дѣлаетъ, что м[illegible]лгъ отрабатываетъ.

Такъ что мудрый Ли-Ханъ-Дзу даже смѣялся.

— Вотъ хорошо! Выходитъ, меня же обворовали, я же и не правъ!

Смѣялся, — а заснуть все-таки не могъ.

И до того его безсонныя ночи довели, что Ли-Ханъ-Дзу, — несмотря на всю свою мудрость, — однажды взялъ, да и объявилъ:

— Верну я имъ всѣ ихъ деньги, всѣ ихъ земли, всѣ ихъ дома!

Тутъ ужъ родные мудраго Ли-Ханъ-Дзу вой подняли:

— Это съ нимъ отъ безсонницы. Отъ безсонныхъ ночей на мудраго человѣка безумье напало!

И доктора сказали то же.

Пошелъ шумъ:

— Все „она" виновата! Если ужъ на мудрѣйшаго изъ людей безумье напало,—что же съ нами будетъ?

И испугались всѣ: и богатые, и бѣдные.

Всѣ жалуются:

— И меня „она" безсонницами мучаетъ!

— И меня!

— И меня!

Бѣдные испугались еще больше, чѣмъ богатые:

— У насъ всего меньше всѣхъ, значитъ, и ума меньше. Что же съ нашими умишками будетъ?

А богатые сказали:

— Видите, какъ „она" бѣдныхъ людей пугаетъ, надо намъ хоть за бѣдныхъ вступиться!

И всѣ стали думать, какъ бы отъ Совѣсти отдѣлаться. Но съ кѣмъ ни совѣтовались, ничего выдумать не могли.

Жилъ тогда въ Нанкинѣ А-Пу-О, такой мудрый и такой ученый, что равнаго ему по мудрости и учености не было во всемъ Китаѣ.

Рѣшили люди:

— Надо у него совѣта спросить. Кромѣ него, никто помочь не можетъ!

Снарядили посольство, принесли дары и до земли много разъ поклонились.

— Помоги отъ безсонницы!

Выслушалъ А-Пу-О про народное горе, подумалъ, улыбнулся и сказалъ:

— Можно помочь! Можно и такъ сдѣлать, что „она" даже и приходить не будетъ имѣть права!

Всѣ такъ и насторожились.

А-Пу-О опять улыбнулся и сказалъ:

— Давайте сочинять законы. Гдѣ жъ темному человѣку знать, что онъ долженъ дѣлать, чего не долженъ? Вотъ и давайте—напишемъ на свиткахъ, что человѣкъ долженъ дѣлать и чего нѣтъ. Мандарины будутъ учить законы наизусть, а прочіе пусть къ нимъ приходятъ спрашивать: можно или нельзя. Пусть тогда „она" придетъ: „Что ты сегодня дѣлалъ?" — „А то дѣлалъ, что полагается, что въ свиткахъ написано". И будутъ всѣ спать спокойно. Конечно, прочіе будутъ мандаринамъ платить: не даромъ же мандарины будутъ себѣ мозги законами набивать!

Обрадовались тутъ всѣ.

Мандарины,—потому что все-таки легче въ книжныхъ значкахъ ковыряться, чѣмъ, напримѣръ, въ землѣ.

А прочіе — что лучше ужъ мандарину заплатить, да днемъ съ нимъ минутку поговорить, чѣмъ по ночамъ съ „ней" разговаривать.

И принялись писать все, что человѣкъ долженъ дѣлать, и чего онъ не долженъ. И написали.

А мудраго А-Пу-О сдѣлали верховнѣйшимъ изъ мандариновъ.

И зажили люди отлично.

Даже съ лица поправляться стали.

Нужно человѣку что сдѣлать, онъ сейчасъ къ мандарину, выкладываетъ передъ нимъ приношеніе:

— Здравствуй, премудрый! Разворачивай-ка свитки,—что въ такомъ случаѣ дѣлать надлежитъ?

Зайдетъ споръ, оба къ мандарину идутъ, оба приношенія выкладываютъ:

— Разворачивай свитки. Кто по нимъ выходитъ правъ.

Только ужъ самые послѣдніе бѣдняки, у которыхъ

даже мандарину за совѣтъ заплатить было нечѣмъ, безсонницей страдали.

А прочіе, какъ только къ нимъ приходила ночью Совѣсть, говорили:

— Что ты къ намъ лѣзешь! Я по законамъ поступалъ! Какъ въ свиткахъ написано! Я не самъ!

Переворачивались на другой бокъ и засыпали.

Даже мудрецъ Ли-Ханъ-Дзу, который больше всѣхъ отъ безсонницы страдалъ, теперь только посмѣивался, если къ нему ночью Совѣсть приходила:

— Здравствуй, красавица! Что скажешь?

— Что жъ ты имущество возвращать хотѣлъ?— спрашивала Совѣсть, глядя на него глазами, въ которыхъ мерцали звѣзды.

— А имѣю я право?—похохатывалъ Ли-Ханъ-Дзу,— а что въ свиткахъ сказано? „Имущество каждаго принадлежитъ ему и его потомству". Какъ же я буду чужое имущество расточать, если мое потомство на раздачу не согласно? Выходитъ,—или я воръ, у нихъ краду. Или сумасшедшій, потому что у себя ворую. А въ законѣ сказано: „вора и сумасшедшаго сажать на цѣпь". А потому и меня оставь спать спокойно, да и тебѣ совѣтую лучше спать, а не шататься!

Поворачивался къ ней спокойно и сладко засыпалъ.

И всюду, куда ни приходила Совѣсть, она слышала одно и то же:

— Почемъ мы знаемъ! Какъ мандарины говорятъ,— такъ мы и дѣлаемъ. У нихъ поди и спрашивай! Мы—по закону.

Пошла Совѣсть по мандаринамъ:

— Почему меня никто слушать не хочетъ?

Мандарины смѣются:

— А законы на что? Развѣ можно, чтобы люди тебя слушались и такъ поступали! А не пойметъ кто тебя, а перепутаетъ, а переврётъ? А тутъ для всѣхъ

тушью на желтой бумагѣ написано! Великая штука! Не даромъ А-Пу-О за то, что это выдумалъ, верховнѣйшимъ мандариномъ числится.

Пошла тогда Совѣсть къ самому премудрому А-Пу-О. Дотронулась до него слегка и стала.

Проснулся А-Пу-О, вскочилъ:

— Какъ ты смѣешь ночью безъ спроса въ чужой домъ являться? Что въ законѣ написано? „Кто явится ночью тайкомъ въ чужой домъ, того считать за вора и сажать его въ тюрьму".

— Да я не воровать у тебя пришла!—отвѣчала Совѣсть,—я Совѣсть!

— А по закону ты развратная женщина. Ясно сказано: „Если женщина ночью является къ постороннему мужчинѣ,—считать ее развратной женщиной и сажать ее въ тюрьму!" Ты развратница, значитъ, если не воровка?

— Какая я развратница!—воскликнула Совѣсть,—что ты?!

— Ахъ, ты, значитъ, не развратница и не воровка, а просто не хочешь исполнять законовъ? Въ такомъ случаѣ, и на это законъ есть: „Кто не хочетъ исполнять законовъ,—считать того беззаконникомъ и сажать въ тюрьму". Гей, люди! Заколотить-ка эту женщину въ колодки, да посадить за рѣшотку на вѣки вѣчные, какъ развратницу, подозрѣваемую въ воровствѣ и уличенную въ явномъ неповиновенiи законамъ.

Наколотили Совѣсти на руки колодки и заперли.

Съ тѣхъ поръ она ужъ, конечно, ни къ кому больше не является и никого не безпокоитъ.

Такъ что даже совсѣмъ про нее забыли.

Развѣ иногда какой грубiянъ, недовольный мандаринами, крикнетъ:

— Совѣсти у васъ нѣту.

Такъ ему сейчасъ бумагу покажутъ, что Совѣсть подъ замкомъ сидитъ.

— Значитъ, есть, если мы ее подъ замкомъ держимъ!

И грубіянъ смолкнетъ: видитъ, что, дѣйствительно правы!

И живутъ люди съ тѣхъ поръ спокойно, спокойно.

Добрый богдыханъ.

(Изъ „ста золотыхъ китайскихъ сказокъ").

Богдыханъ Фанъ-Джинъ-Дсянъ, прозванный историками Мунъ-Су, — что значитъ „отецъ народа", — былъ добрымъ богдыханомъ и заботливымъ о народѣ.

Когда до него доходили слухи, что гдѣ-нибудь вице-король обижаетъ подданныхъ,—онъ сейчасъ же призывалъ вице-короля и приказывалъ палачамъ:

— А ну-ка, снимите съ этого молодца голову. Надѣюсь, что его узнаютъ на томъ свѣтѣ и безъ головы, по однѣмъ его пакостямъ.

И сейчасъ же назначалъ, вмѣсто казненнаго, другого вице-короля, самаго лучшаго,—какого ему совѣтовали совѣтники и министры.

Онъ самъ всегда читалъ всѣ донесенія вице-королей.

Въ донесеніяхъ писалось, что Китай благоденствуетъ, какъ еще не запомнитъ исторія, — солнце свѣтитъ удивительно исправно, дожди идутъ въ свое время, и жители не знаютъ, что имъ дѣлать съ рисомъ.

Богдыханъ читалъ все это и думалъ:

— А не врутъ ли?

И вотъ пришла ему въ голову мысль.

Въ назначенный день приказалъ онъ собраться во

дворецъ всѣмъ своимъ министрамъ, совѣтникамъ и царедворцамъ, сѣлъ на тронъ и объявилъ:

— Вице-короли пишутъ, что Китай нашъ благоденствуетъ, и что китайцы даже не знаютъ, что имъ дѣлать съ рисомъ. Заботясь о нашемъ народѣ, рѣшили мы объ этомъ подумать, помолиться богамъ и допросить предковъ: что дѣлать съ несъѣденнымъ рисомъ, — такъ, чтобъ это пошло на пользу народу. Посему мы отнынѣ удаляемся во внутренніе покои нашего дворца и займемся молитвами, размышленіями и духовными бесѣдами съ предками. А такъ какъ предковъ нашихъ, благодареніе богамъ, было не мало,—то и полагаемъ мы, что пройдетъ не менѣе трехъ лунъ, пока мы съ ними со всѣми перебесѣдуемъ, не обижая никого. И вотъ,—въ теченіе трехъ лунъ воспрещаемъ мы насъ безпокоить и являться во дворецъ кому-бы то ни было. Три луны мы останемся невидимы ни для кого, кромѣ небесъ!

Министры, совѣтники и придворные возславили мудрость богдыхана и разошлись изъ дворца, радуясь.

А богдыханъ, межъ тѣмъ, позвалъ преданныхъ своихъ слугъ, переодѣлся нищимъ и ихъ переодѣлъ, незамѣтно вышелъ изъ дворца и отправился странствовать по Китаю, чтобъ узнать, правду ли пишутъ вице-короли въ своихъ донесеніяхъ, и дѣйствительно ли народъ такъ благоденствуетъ, и такъ ли народъ китайскій въ восторгѣ отъ правителей.

Первою провинціей на пути богдыхана лежала провинція Пе-Чи-Ли.

Придя туда, богдыханъ со своими спутниками подошелъ къ одному дому и попросилъ:

— Во имя памяти вашихъ предковъ, добродѣтелями своими украшавшихъ землю, а нынѣ укрошающихъ небо, дайте горсть риса несчастнымъ, умира ющимъ съ голода!

Ему отвѣтили:

— Судя по тому, что ты нищій, ты изъ нашей провинціи и подданный нашего вице-короля. Но судя по тому, что ты просишь, чтобъ мы тебѣ подали,— ты должно быть, откуда-нибудь издалека. А потому уходи отъ насъ, неизвѣстный человѣкъ.

Богдыханъ со спутниками подошелъ къ другому дому.

Тамъ ему отвѣтили на просьбу о горсточкѣ риса:

— Нехорошо смѣяться надъ чужимъ несчастіемъ!

И прогнали прочь.

Въ третьемъ домѣ, на просьбу о рисѣ хозяева только заплакали.

А въ четвертомъ при словѣ „рисъ" хозяинъ поднялъ голову и спросилъ:

— А кто онъ? Мандаринъ или звѣрь?

Улыбнулся богдыханъ и сказалъ:

— Вице-король Пе-Чи-Ли писалъ правду. Дѣйствительно, если-бъ здѣшнимъ жителямъ дать рису,—они не знали бы, что съ нимъ дѣлать: они, кажется, никогда риса и не видѣли!

И сталъ онъ ходить по утрамъ по храмамъ, подслушивать, что говоритъ и о чемъ молится народъ.

Желудки у китайцевъ были пусты, но храмы полны.

Во всѣхъ храмахъ были толпы молящихся. И всѣ повторяли только одну молитву:

— Святые наши предки, умолите небо, чтобъ оно внушило нашему мудрому, нашему доброму, нашему заботливому богдыхану Фанъ-Джинъ-Дзяну превосходную мысль: отрубить голову нашему вице-королю Тунъ-Фа-О. Такого мошенника, такого грабителя еще никогда и на свѣтѣ не было.

Такъ молились всѣ люди во всѣхъ храмахъ,—какъ вдругъ однажды, придя рано утромъ въ храмъ, богдыханъ увидѣлъ особенно горячо молившагося старика.

Всѣ горячо молились, но старикъ горячѣе всѣхъ

Богдыханъ приблизился, чтобъ подслушать молитву старика, и услышалъ:

— Святые наши предки,—молился старикъ,—внушите нашему доброму, но безпокойному богдыхану Фанъ-Джинъ-Дзяну, чтобъ онъ оставилъ Тунъ-Фа-О нашимъ вице-королемъ на долгіе и долгіе годы. И да пошлетъ небо Тунъ-Фа-О жить до глубокой старости, а тамъ начать жить сызнова.

Диву дался богдыханъ, и когда старикъ кончилъ молиться, спросилъ:

— Скажи, почтенный старецъ, вѣроятно, вице-король Тунъ-Фа-О сдѣлалъ тебѣ что-нибудь особенно доброе, что ты за него молишься?

Старикъ только усмѣхнулся:

— Не родилась еще мать матери того человѣка, которому Тунъ-Фа-О сдѣлаетъ что-нибудь доброе. Сразу видно, что ты не здѣшній,—иначе бы ты не задавалъ такихъ глупыхъ вопросовъ,

— Ну, можетъ-быть, Тунъ-Фа-О тебѣ такъ нравится,—спросилъ богдыханъ,—осанкой, наружностью? Ты его видалъ?

Старикъ сотворилъ молитву предкамъ.

— Благодареніе богамъ: ни я ему, ни онъ мнѣ никогда не попадались на глаза!

Богдыханъ совсѣмъ сталъ втупикъ.

— Почему же въ такомъ случаѣ ты молишься за него,—когда всѣ въ этой провинціи только и молятся, чтобъ богдыханъ поскорѣй отрубилъ Тунъ-Фа-О голову?

— А это потому,—отвѣчалъ старикъ,—что они еще молоды и глупы, свѣта не знаютъ. А я при третьемъ вицѣ-королѣ живу. Былъ у насъ вице-король Цу-Ли-Ку, жадный былъ человѣкъ, жестокій былъ человѣкъ, стономъ стонала вся наша провинція. Мы и молились

8*

небу съ утра—до ночи: „Пусть богдыханъ отрубитъ Цу-Ли-Ку голову!“ Вняло небо нашимъ молитвамъ, шепнуло богдыхану эту мысль. Богдыханъ позвалъ Цу-Ли-Ку въ Пекинъ и приказалъ отрубить ему голову, а намъ прислалъ вице-королемъ мандарина Ксангъ-Хи-Ту. Еще жаднѣе оказался Ксангъ-Хи-Ту, еще жесточе. Еще сильнѣе завопила провинція Пе-Чи-Ли, и принялись мы молить боговъ, чтобъ нашептали они богдыхану мысль отрубить Ксангъ-Хи-Ту голову. Опять услышало небо наши молитвы,—позвалъ богдыханъ къ себѣ и Ксангъ-Хи-Ту и ему отрубилъ голову, а намъ прислалъ теперешняго Тунъ-Фа-О, да продлитъ небо его жизнь на долгіе и долгіе годы. Пройди всю провинцію вдоль и поперекъ, ни одного довольнаго лица ни увидишь, ни одного сытаго человѣка не встрѣтишь. Мы сѣемъ слезы, вмѣсто риса, и выростаетъ горе. Вотъ народъ по глупости своей и молитъ небеса, чтобъ они внушили богдыхану мысль отрубить Тунъ-Фа-О голову. А я человѣкъ старый, я боюсь чтобъ небо и впрямь не послушало ихъ совѣтовъ. Отрубитъ богдыханъ Тунъ-Фа-О голову и пришлетъ къ намъ другого. А какъ другой-то еще хуже окажется? Хотя я думаю, что хуже Тунъ-Фа-О и ничего нѣтъ,—ну, да вѣдь поручиться нельзя. Почемъ знать? Нѣтъ, ужъ пусть этотъ остается, да продлитъ небо его жизнь на долгіе и долгіе годы.

Огорчился богдыханъ, выслушавъ эту повѣсть, не пошелъ даже странствовать по другимъ провинціямъ и прямо вернулся въ Пекинъ и прошелъ во дворецъ.

Созвалъ онъ своихъ министровъ, совѣтниковъ и царедворцевъ и сказалъ:

— Совѣщаніе наше съ предками продлилось менѣе, чѣмъ мы полагали,—потому-что предки наши оказались въ совѣтахъ кратки, и подали намъ всѣ въ одинъ голосъ одинъ благоразумный совѣтъ: впредь,

чтобы ни говорили намъ про нашихъ вице-королей, какіе бы слухи о нихъ до насъ не доходили, — никогда ихъ не мѣнять. Пусть такъ и будетъ!

И всѣ возславили мудрость богдыхана.

А вице-короли въ особенности.

А мудрый старикъ изъ провинціи Пе-Чи-Ли больше всѣхъ.

ВОЛШЕБНОЕ ЗЕРКАЛО.

— Такъ смотри же, принеси мнѣ хорошій подарокъ!—кричала О-Мати-Санъ своему мужу Ки-Ку, который въ первый разъ отправлялся въ городъ.

— Принесъ мнѣ подарокъ?—встрѣтила она его вопросомъ, когда Ки-Ку вернулся.

Въ городѣ удалось отлично заработать, и Ки-Ку принесъ съ собою много хорошихъ вещей для хозяйства.

— А это тебѣ! — сказалъ онъ, передавая Мати сверкавшій металлическій кружокъ, — посмотри-ка сюда.

О-Мати-Санъ даже вскрикнула отъ испуга, когда изъ хорошенькой рамочки, въ которую былъ отдѣланъ металлическій кружокъ, на нее взглянуло смѣющееся женское лицо.

— Кто это?—съ испугомъ спросила она.

— Ха, ха, ха!—залился хохотомъ Ки-Ку,—кто это? Да это ты сама!

Вслѣдъ за нимъ залилась, словно маленькій серебряный колокольчикъ, звонкимъ смѣхомъ О-Мати-Санъ.

— Какъ велика премудрость человѣческая! — восклицала она, глядя въ зеркало,—они умѣютъ тамъ, въ городѣ, рисовать портреты людей, которыхъ никогда не видали!

И находя женщину, которая глядѣла изъ рамки, очерь хорошенькой, говорила, что портретъ чрезвычайно похожъ.

Съ этихъ поръ домъ Ки-Ку сталъ похожъ на клѣтку, въ которой живетъ очень веселая птичка.

Цѣлые дни О-Мати-Санъ прыгала, пѣла, глядя на этотъ чудесный портретъ, который улыбался и радовался, какъ она.

Но всему свое время. Среди забавъ и утѣхъ, О-Мати-Санъ родила дочку О-И-Санъ. Въ семьѣ стало трое,—настало время труда и заботъ. Великолѣпная игрушка, какъ драгоцѣнное сокровище, была спрятана въ самый низъ сундука, и О-Мати-Санъ отдалась труду и заботамъ.

Дочка росла.

Казалось, жизнь О-Мати-Санъ переливалась въ О-И. Чѣмъ больше вваливались и блѣднѣли щеки Мати, тѣмъ больше румянецъ разливался по щекамъ О-И-Санъ.

И когда ей минуло 14 лѣтъ, Ки-Ку смѣло могъ сказать, обнимая обѣихъ:

— Теперь у меня двѣ маленькихъ Мати—старая и молодая.

О-И-Санъ была вылитая Мати.

Теперь она щебетала въ маленькомъ бумажномъ домикѣ, дѣлая его похожимъ на клѣтку съ веселой птичкой.

Но очередь приходитъ всему. Приходили и уходили радости, приходилъ трудъ, пришла и смерть, какъ она приходитъ ко всѣмъ.

О-Мати-Санъ умирала.

— Неужели я тебя никогда не увижу?—рыдала у ея изголовья бѣдная О-И.

— Дитя мое!—отвѣчала ей О-Мати-Санъ,—ты будешь меня видѣть всегда, когда захочешь. Я всегда

буду съ тобой. И ты меня будешь видѣть не такой, какъ я теперь, старой, больной, а такою, какою ты, помнишь, видала меня, когда была маленькой: веселой, смѣющейся, молодой, красивой, какъ ты теперь. Когда я умру, открой сундукъ, и на днѣ ты найдешь мой чудесный портретъ. Онъ былъ сдѣланъ, когда я была молода...

Сказала и умерла.

Поплакавъ по матери, О-И-Санъ вспомнила о портретѣ, открыла сундукъ, достала со дна хранившійся тамъ, какъ драгоцѣнность, блестящій кружокъ, оправленный въ красивую рамку,—взглянула и вскрикнула отъ радости, счастья, восторга.

На нее, улыбаясь счастливыми, глазами, смотрѣла ея мать, не старая, не больная, а молодая, веселая, какою О-И видала ее только давно-давно, въ дѣтствѣ.

О-И запрыгала отъ радости.

Теперь она цѣлые дни проводила съ волшебной игрушкой, любуясь на дорогое лицо матери. Она разговаривала съ нею,—и хотя мать ничего не отвѣчала ей, но по движеніямъ губъ, по улыбкѣ, по блеску глазъ О-И-Санъ видѣла, что та ее понимаетъ.

Когда О-И-Санъ была радостна, улыбалась и мать. Когда О-И-Санъ была грустна, — грусть ложилась и на дорогое лицо, и О-И-Санъ спѣшила улыбнуться, чтобъ развеселить милую мать.

Такъ жила О-И-Санъ.

Однажды черезъ ихъ деревню проходилъ премудрый жрецъ великой богини Каннунъ.

— Что ты дѣлаешь, дитя мое?—спросилъ онъ, увидавъ О-И-Санъ, которая смѣялась и болтала, глядя въ зеркало.

— Я разговариваю съ покойной матерью,—отвѣчала О-И-Санъ, — смотрю на ея лицо и радуясь, что она сегодня такая веселая и счастливая.

— Да развѣ это лицо твоей матери, неразумное дитя?—покачалъ головой мудрый жрецъ,—развѣ это портретъ? Это зеркало, и оно отражаетъ твое лицо. Понимаешь, твое? Дай мнѣ зеркало, — я посматрю, и оно отразитъ мое лицо.

О-И-Санъ со страхомъ подала ему зеркало и съ ужасомъ увидѣла среди хорошенькой рамочки старое, желтое, мудрое лицо жреца.

— Это былъ твой портретъ!

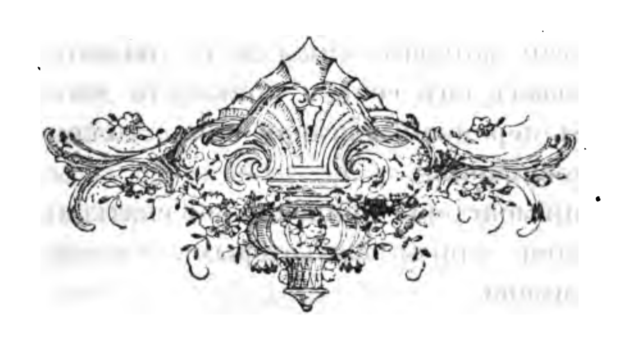
— Мой?—воскликнула О-И-Санъ и съ рыданіями упала на землю,—я опять потеряла свою мать!

И она рыдала, рыдала неутѣшно, лежа на землѣ.

И сказала богиня Каннунъ, богиня милосердія:

— Проклятый жрецъ! Счастье въ незнаньи. Зачѣмъ ты знаньемъ отравилъ счастье человѣка? Да будешь ты проклятъ съ твоимъ знаньемъ!

И прокляла она премудраго жреца.

ИЗЪ СТА ЗОЛОТЫХЪ СКАЗОКЪ.

Эти сказки принадлежатъ къ числу тѣхъ „ста“ избранныхъ „золотыхъ сказокъ“, которыя разсказываются въ дѣтствѣ будущему богдыхану.

ЧЕГО НЕ МОЖЕТЪ СДѢЛАТЬ БОГДЫХАНЪ.

Всесильный богдыханъ много видѣлъ при своемъ дворѣ людей ловкихъ, людей хитрыхъ, и ему захотѣлось увидѣть счастливыхъ людей.

— Я — солнце, которое золотитъ только вершины горъ и лучи котораго никогда не падаютъ въ долины!—сказалъ онъ себѣ и приказалъ своему главному оберъ-церемоніймейстеру принести списокъ низшихъ чиновниковъ.

Церемоніймейстеры принесли 666 свитковъ, каждый въ 66 локтей длины, на которыхъ еле-еле умѣстились всѣ имена.

— Сколько ихъ, однако! — сказалъ богдыханъ, и. указавъ на имя мандарина 48 класса Тунъ-Ли, приказалъ главному оберъ-церемоніймейстеру:

— Узнай, что это за человѣкъ!

Приказанія богдыхана исполняются немедленно, и не успѣлъ бы богдыханъ сосчитать до 10.000,—какъ главный оберъ-церемоніймейстеръ вернулся и съ глубокимъ поклономъ сказалъ:

— Это твой старый служака, всесильный сынъ неба. Честный, скромный чиновникъ и примѣрный семьянинъ. Онъ отлично живетъ со своей женой, и они воспитываютъ дочь въ благочестіи и трудѣ.

— Да будетъ ему радость!—сказалъ богдыханъ,—я хочу осчастливить его взглядомъ моихъ очей. Пойди и объяви ему, что въ первый день новой луны онъ можетъ представиться мнѣ со своимъ семействомъ.

— Онъ умретъ отъ счастья!—воскликнулъ главный оберъ-церемоніймейстеръ.

— Будемъ надѣяться, что этого не случится! — улыбнулся добрый богдыханъ, — иди и исполни мою волю.

— Ну, что? — спросилъ онъ, когда оберъ-церемоніймейстеръ возвратился во дворецъ.

— Твоя воля исполнена, какъ святая, всесильный сынъ неба! — простираясь ницъ предъ богдыханомъ, отвѣчалъ главный церемоніймейстеръ, — твое милостивое повелѣніе было объявлено Тунъ-Ли при громѣ барабановъ, звукахъ трубъ и ликующихъ возгласахъ народа, славившаго твою мудрость!

— И что же Тунъ-Ли?

— Онъ казался помѣшаннымъ отъ радости. Никогда еще міръ не видѣлъ такого радостнаго безумія!

День представленья Тунъ-Ли ко двору приближался, казалось, медленно,—какъ все, чего мы ждемъ. Богдыхану хотѣлось поскорѣе взглянуть на счастливаго человѣка,—и однажды вечеромъ онъ, переодѣвшись простымъ кули, съ проводникомъ отправился въ тотъ далекій кварталъ Пекина, гдѣ жилъ Тунъ-Ли.

Еще издали слышны были крики въ домѣ Тунъ-Ли.

— Неужели они такъ громко ликуютъ?—удивился богдыханъ, и радость расцвѣла въ его душѣ.

— Несчаснѣйшая изъ женщинъ! Презрѣннѣшее изъ существъ, на которое когда-либо свѣтило солн-

це! — кричалъ Тунъ-Ли, — да будетъ проклятъ тотъ день и часъ, въ который мнѣ пришло въ голову на тебѣ жениться! Поистинѣ, злые драконы нашептали мнѣ эту мысль!

— Мы живемъ 300 лунъ мужемъ и женой! — со слезами отвѣчала жена Тунъ-Ли, — и я никогда еще не слыхала отъ тебя такихъ проклятій. Ты всегда находилъ меня милой, доброй и вѣрной женой. Хвалилъ меня.

— Да, но мы не должны были представляться богдыхану!—съ бѣшенствомъ отвѣчалъ Тунъ-Ли,—ты покроешь меня позоромъ! Ты сдѣлаешь меня посмѣшищемъ всѣхъ! Развѣ ты сумѣешь отдать 33 граціозныхъ поклона, какъ требуется по этикету?.. Мнѣ придется сквозь землю провалиться со стыда за тебя и за дочь. Вотъ еще отвратительнѣйшее существо въ цѣломъ мірѣ! Уродъ, какого не видывало солнце!

— Отецъ!—рыдая, отвѣчала дочь Тунъ-Ли,—отецъ, развѣ не ты называлъ меня красавицей? Своей милой Му-Сянь? Своей кроткой Му-Сянь? Развѣ ты не говорилъ, что милѣе, лучше, послушнѣе меня нѣтъ никого въ цѣломъ мірѣ?

— Да! Но нога въ два пальца длиною!—съ отчаяньемъ восклицалъ Тунъ-Ли,—я увѣренъ, что богдыханъ умретъ отъ ужаса, увидѣвъ такую ногу-чудовище.

— Меня растили не для того, чтобы носить въ паланкинѣ!—плакала бѣдняжка Му-Сянь,—мои ноги для ходьбы. Я должна вѣдь выйти замужъ за такого же скромнаго и бѣднаго чиновника, какъ ты, отецъ. Меня воспитывали для труда.

— Будь проклято твое уродство, когда надо представляться богдыхану!—закричалъ внѣ себя Тунъ-Ли.

Въ эту минуту у дверей раздался ударъ гонга, и въ горницу вошелъ ростовщикъ.

— Ну, что же, Тунъ-Ли? — спросилъ онъ, — обдумалъ ты мои условія?

— Но мы умремъ съ голода, если примемъ твои условія!—прошепталъ Тунъ-Ли, отъ ужаса закрывая ладонями лицо.

— Какъ хочешь!—пожалъ плечами ростовщикъ, — но помни, что время идетъ. Если ты будешь медлить,—мы не успѣемъ сдѣлать ни синяго шелковаго платья съ золотистыми рукавами для тебя, ни зашитаго шелками платья для твоей жены, ни расшитаго цвѣтами платья для твоей дочери. Ни всего того, что необходимо, чтобы представиться ко двору. Что ты будешь тогда дѣлать?

— Хорошо, я согласенъ... согласенъ... — пробормоталъ Тунъ-Ли.

— Такъ помни, же, чтобы не было потомъ споровъ. Я дѣлаю тебѣ все это, а ты въ каждую новую луну отдаешь мнѣ три четверти своего жалованья.

— Но мы умремъ съ голоду!—воскликнулъ Тунъ-Ли, всплескивая руками,—возьми половину. Не убивай насъ!

Тунъ-Ли, его жена и бѣдная маленькая Му-Сянь ползали передъ ростовщикомъ на колѣняхъ, умоляя его брать половину жалованья Тунъ-Ли.

— Вѣдь мы должны будемъ голодать всю остальную жизнь.

— Нѣтъ, три четверти жалованья каждую новую луну, — стоялъ на своемъ ростовщикъ, — послѣднее слово: согласенъ ты или нѣтъ?

И Тунъ-Ли, рыдая, отвѣчалъ:

— Хорошо, дѣлай.

— О, небо!—прошепталъ богдыханъ, и слезы полились изъ его глазъ.

— Не смѣй мнѣ говорить этого! — закричалъ онъ въ величайшемъ гнѣвѣ, когда вернулся во дворецъ

и главный церемоніймейстеръ, по обычаю, распростерся предъ нимъ ницъ и назвалъ его „всесильнымъ“.

— Не смѣй мнѣ лгать!—со слезами закричалъ богдыханъ, — какой я всесильный! Я не могу сдѣлать человѣка счастливымъ!

И грустный, бродя по своимъ великолѣпнымъ, благоухающимъ садамъ, онъ думалъ:

„Я—солнце, которое свѣтитъ и грѣетъ только издали, и сжигаетъ, когда приближается къ бѣдной землѣ!“

ДОЖДЬ.

Сынъ неба, — пусть его имя переживетъ вселенную! — императоръ Лі-О-А стоялъ у окна своего фарфороваго дворца.

Онъ былъ молодъ и потому добръ. Среди роскоши и блеска онъ не переставалъ думать о бѣдныхъ и несчастныхъ.

Шелъ дождь. Лилъ ручьями. Плакало небо, лили за нимъ слезы деревья и цвѣты.

Грусть сжала сердце императора, и онъ воскликнулъ:

— Плохо тѣмъ, ктовъ дождь не имѣетъ даже шляпы!

И, повернувшись къ своему камергеру, онъ сказалъ:

— Я хотѣлъ бы знать, сколько такихъ несчастныхъ въ моемъ Пекинѣ?

— Свѣтъ солнца! — отвѣтилъ, падая на колѣни и наклонивъ голову, Тзунгъ-Хи-Тзангъ, — развѣ есть что-нибудь невозможное для повелителя царей? Еще до заката солнца ты будешь знать, отецъ зари, то, что тебѣ угодно!

Императоръ милостиво улыбнулся, и Тзунгъ-Хи-Тзангъ побѣжалъ быстро, какъ только могъ, къ первому министру Санъ-Чи-Сану.

Онъ прибѣжалъ, едва переводя духъ, и второпяхъ не успѣлъ даже отдать всѣхъ почестей, которыя слѣдовали первому министру.

— Радость вселенной, нашъ всемилостивый повелитель, — задыхаясь проговорилъ онъ, — въ ужасномъ безпокойствѣ. Его безпокоятъ тѣ, кто ходитъ въ дождь

безъ шляпы въ нашемъ Пекинѣ, и онъ хочетъ знать сегодня же, сколько ихъ числомъ!

— Да есть-таки бездѣльниковъ! — отвѣчалъ Санъ-Чи-Санъ,—а впрочемъ...

И онъ приказалъ позвать Пай-Хи-Во, начальника города.

— Плохія новости изъ дворца!—сказалъ онъ, когда Пай-Хи-Во склонилъ голову къ землѣ въ знакъ вниманія,—владыка нашихъ жизней замѣтилъ непорядки!

— Какъ?—съ ужасомъ воскликнулъ Пай-Хи-Во, — развѣ не существуетъ прекраснаго тѣнистаго сада, который закрываетъ дворецъ отъ Пекина?

— Ужъ не знаю, какъ это случилось, — отвѣтилъ Санъ-Чи-Санъ,—но его величество ужасно безпокоятъ негодяи, которые ходятъ въ дождь безъ шляпы. Онъ желаетъ знать сегодня же, сколько такого народа въ Пекинѣ. Распорядись!

— Позвать ко мнѣ сейчасъ же эту старую собаку Хуаръ-Дзунга! — кричалъ черезъ минуту Пай-Хи-Во своимъ подчиненнымъ.

И когда начальникъ стражи города, бѣлый отъ ужаса, дрожащій, повалился ему въ ноги, мандаринъ обрушилъ на его голову цѣлый водопадъ проклятій.

— Негодяй, бездѣльникъ, подлый предатель! Ты хочешь, чтобъ насъ всѣхъ распилили пополамъ вмѣстѣ съ тобой!

— Объясни мнѣ причину твоего гнѣва, — колотясь отъ дрожи у ногъ мандарина, сказалъ Хуаръ-Дзунгъ,— чтобъ я могъ понимать утѣшительныя слова, которыя ты мнѣ говоришь. Иначе я боюсь, я не пойму языка твоей мудрости!

— Старая собака, которой слѣдовало бы смотрѣть за стадомъ свиней, а не за самымъ большимъ городомъ на свѣтѣ! Самъ повелитель Китая обратилъ вниманіе, что у тебя въ городѣ безпорядки,—по ули-

цамъ шатаются негодяи, у которыхъ даже въ дождь нѣтъ шляпы, чтобъ надѣть. Чтобы къ вечеру ты мнѣ далъ знать, сколько ихъ останется въ Пекинѣ?

— Все будетъ исполнено въ точности!—отвѣтилъ, три раза ударяясь лбомъ объ полъ, Хуаръ-Дзунгъ, и черезъ мгновенье ока онъ уже кричалъ и топалъ ногами на сторожей, которые были собраны оглушающими звуками гонга.

— Негодяи, изъ которыхъ я повѣшу половину только для того, чтобы остальныхъ изжарить на угольяхъ! Такъ-то вы смотрите за городомъ! У васъ въ дождь ходятъ по улицамъ безъ шляпъ! Чтобы черезъ часъ *) были переловлены всѣ, у кого нѣтъ шляпы даже изъ тростника!

Стражи принялись исполнять приказаніе,—и въ теченіе часа на улицахъ Пекина шла настоящая охота.

— Держи его! Лови!—кричали стражи, гоняясь за людьми, не имѣвшими шляпъ.

Они тащили ихъ изъ-за заборовъ, изъ-подъ воротъ, изъ домовъ, куда тѣ прятались какъ крысы, которыхъ преслѣдуетъ поваръ, чтобы сдѣлать изъ нихъ рагу.

И черезъ часъ безъ одной минуты всѣ, кто въ Пекинѣ не имѣлъ шляпъ, стояли во дворѣ тюрьмы.

— Сколько ихъ?—спросилъ Хуаръ-Дзунгъ.

— 20.871!—отвѣчали, кланяясь въ землю, стражи.

— Палачей!—приказалъ Хуаръ-Дзунгъ.

И черезъ полчаса **) 20.871 обезглавленый китаецъ лежали на дворѣ тюрьмы.

А 20.871 голова были воткнуты на пики и разнесены по городу въ назиданіе народу.

Хуаръ-Дзунгъ пошелъ съ докладомъ къ Пай-Хи-

---

*) Китайскій часъ—40 минутъ.

**) Китайскіе полчаса—20 минутъ.

Во. Пай-Хи-Во—къ Санъ-Чи-Сану. Санъ-Чи-Санъ далъ знать Тзунгъ-Хи-Тзангу.

Наступилъ вечеръ. Дождь кончился. Пробѣгая, вѣтерокъ трогалъ деревья, и дождь брильянтовъ летѣлъ съ деревьевъ на благоухающіе цвѣты, которые искрились и горѣли въ лучахъ заходящаго солнца.

Изъ блеска и благоуханія былъ созданъ весь садъ,— и сынъ неба Лі-О-А стоялъ у окна своего фарфороваго дворца, любуясь чудной картиной.

Но, молодой и добрый, онъ и въ эту минуту не забывалъ о несчастныхъ!

— Кстати!—сказалъ онъ, обращаясь къ Тзунгъ-Хи-Тзангу,—ты хотѣлъ мнѣ узнать сколько народу въ Пекинѣ не имѣютъ даже шляпы, чтобъ накрыться во время дождя?

— Желаніе владыки вселенной исполнено его слугами!—съ низкимъ поклономъ отвѣчалъ Тзунгъ-Хи-Тзангъ.

— Сколько жъ ихъ? Смотри, говори только правду!

— Во всемъ Китаѣ нѣтъ ни одного китайца, у котораго не было бы шляпы, чтобъ надѣть во время дождя. Клянусь, что я говорю чистѣйшую правду!

И Тзунгъ-Хи-Тзангъ поднялъ руки и наклонилъ голову въ знакъ священной клятвы.

Лицо добраго императора озарилось счастливой и радостной улыбкой.

— Счастливый городъ! Счастливая страна! — воскликнулъ онъ,—и какъ счастливъ я, что подъ моимъ владычествомъ такъ благоденствуетъ народъ.

И всѣ во дворцѣ были счастливы при видѣ счастья императора.

А Санъ-Чи-Санъ, Пай-Хи-Во и Хуаръ-Дзунгъ получили по ордену Золотого Дракона за отеческія попеченія о народѣ.

Исторія объ одной кормилицѣ.

Богдыханъ Дзингъ-Ли-О, прозванный Хао-Ту-Ли-Санъ-Хе-Нунъ, что значитъ Сама Справедливость, однажды, проснувшись, почувствовалъ себя не совсѣмъ здоровымъ.

— Богдыханъ боленъ!

По дворцу пошли разговоры. Многіе перестали кланяться первому министру. Придворный поэтъ написалъ привѣтственную оду преемнику.

Лучшіе врачи, блѣдные отъ страха, съ поклонами, съ извиненіями изслѣдовали богдыхана, съ ужасомъ пошептались, и старшій врачъ, повалившись въ ноги, воскликнулъ:

— Позволишь сказать всю правду, утѣшенье человѣчества?

— Говори!—разрѣшилъ богдыханъ.

— Конечно, ты — сынъ неба! — сказалъ старшій врачъ, — но по несказанному милосердію своему ты иногда снисходишь къ людямъ и тебѣ угодно бываетъ заболѣвать такими болѣзнями, какими могутъ страдать и обыкновенные смертные. Сегодня день твоей величайшей снисходительности: у тебя просто разстроенъ желудокъ.

Богдыханъ страшно изумился:

— Отчего? На ночь я не пилъ ничего, кромѣ молока моей кормилицы. 360 мѣсяцевъ, какъ я богдыханомъ, и питаюсь, какъ мнѣ подобаетъ, молокомъ кормилицъ. У меня перемѣнилось 360 кормилицъ, и

никогда со мной не случалось ничего подобнаго. Кто и чѣмъ обкормилъ мою кормилицу?

Немедленно произвели строжайшее слѣдствіе,—но оказалось, что кормилица ѣла только самыя лучшія блюда, и притомъ ей давали ихъ въ умѣренномъ количествѣ.

— Можетъ-быть, она больная отъ природы. Чего смотрѣли тѣ, кто мнѣ ее выбиралъ?—разгнѣвался богдыханъ,—казнить виновныхъ.

Виновныхъ казнили, но по самомъ тщательномъ изслѣдованіи оказалось, что они не при чемъ: кормилица была совершенно здорова.

Тогда богдыханъ приказалъ позвать къ себѣ кормилицу.

— Отчего у тебя испортилось молоко?—строго спросилъ онъ.

— Сынъ неба, благодѣтель вселенной, Сама Справедливость,—отвѣчала трепещущая кормилица,—ты ищешь правды не тамъ, гдѣ она спряталась. Меня никто не обкармливалъ и я сама не объѣдалась. Точно также я отъ роду не была ничѣмъ больна. Мое молоко сдѣлалось дурнымъ потому, что я все думаю, что дѣлается у меня дома.

— Что же такое дѣлается у тебя дома?—спросилъ богдыханъ.

— Я родомъ изъ провинціи Пе-Чи-Ли, управлять которой тебѣ угодно было поручить мандарину Ки-Ни. Онъ дѣлаетъ страшныя вещи, радость вселенной. Онъ продалъ нашъ домъ и деньги взялъ себѣ, потому что мы не могли дать ему взятки, которой онъ требовалъ. Онъ взялъ къ себѣ въ наложницы мою сестру, а ея мужу отрубилъ голову, чтобы тотъ не жаловался. Кромѣ того, онъ казнилъ моего отца и посадилъ въ тюрьму мою мать. Вообще—поступилъ съ нами такъ, какъ онъ поступаетъ со всѣми. При

воспоминаніи обо всемъ этомъ, я плачу,—и вотъ отчего у меня портится молоко.

Богдыханъ страшно разгнѣвался.

— Созвать ко мнѣ всѣхъ моихъ совѣтниковъ!

И когда тѣ явились, строго-настрого приказалъ:

— Найти мнѣ сейчасъ честнаго человѣка.

Такого нашли.

И богдыханъ сказалъ ему:

— Мандаринъ Ки-Ни, которому я поручилъ управлять провинціей Пе-Чи-Ли, творитъ такія дѣла, что у моей кормилицы испортилось даже молоко. Сейчасъ же отправляйся туда, произведи моимъ именемъ самое строгое слѣдствіе и донеси мнѣ. Только смотри, все безъ утайки, безъ прибавки,—чтобы правда смотрѣлась въ твои слова, какъ смотрится мѣсяцъ въ спокойное заснувшее озеро. Знаешь, въ тихую ночь, — когда смотришь и не разберешь: да гдѣ же настоящій мѣсяцъ и гдѣ отраженье — въ озерѣ или на небѣ? Ступай.

Честный человѣкъ немедля отправился съ цѣлой сотней самыхъ искусныхъ слѣдователей.

Насмерть перепуганный мандаринъ, видя, что дѣло плохо, предложилъ посланному взять хорошую взятку.

Но честный человѣкъ, будучи посланъ самимъ богдыханомъ, не рѣшился этого сдѣлать.

Три раза мѣнялся мѣсяцъ на небѣ, а честный человѣкъ съ сотней слѣдователей все еще разбиралъ дѣла. Наконецъ, когда четвертый мѣсяцъ былъ уже на исходѣ, честный человѣкъ явился къ богдыхану, повалился въ ноги и спросилъ:

— Всю ли правду говорить, Сама Справедливость?

— Всю!—приказалъ богдыханъ,

— Если есть во всемъ мірѣ, который принадлежитъ тебѣ и никому больше, уголокъ, достойный слезъ, — то это провинція Пе-Чи-Ли, сынъ неба. По-

истинѣ она способна вызвать слезы у самаго злобнаго дракона. По всей провинціи всѣ просятъ милостыню, и некому подать милостыни, потому что всѣ ее просятъ. Дома разорены, рисовыя поля не засѣяны. И все это не потому, что жители отличаются лѣностью, а потому, что мандаринъ Ки-Ни беретъ у нихъ все, что бы они ни заработали. Въ судахъ нѣтъ справедливости, и правъ только тотъ, кто больше дастъ мандарину. О добрыхъ нравахъ тамъ забыли даже думать. Стоитъ увидѣть Ки-Ни дѣвушку, которая ему приглянется, и онъ беретъ ее себѣ, отнимая у отца, у матери. Да и не только дѣвушекъ, онъ беретъ даже замужнихъ женщинъ.

— Да не можетъ быть! — воскликнулъ богдыханъ.

— Не только мѣсяцъ, но и солнце могло бы посмотрѣться въ истину моихъ словъ!—отвѣчалъ честный человѣкъ,—все, что я говорю, правда. Украшеніе твоей власти, цвѣтъ твоихъ провинцій,—провинція Пе-Чи-Ли гибнетъ!

Богдыханъ схватился за голову въ знакъ глубокой горести.

— Надо будетъ подумать, что сдѣлать! Надо будетъ подумать!

Онъ приказалъ всѣмъ придворнымъ ждать въ большомъ залѣ, а самъ, уединяясь въ сосѣдней комнатѣ, ходилъ изъ угла въ уголъ и думалъ. Такъ прошелъ весь день. Передъ вечеромъ богдыханъ вошелъ къ придворнымъ, торжественно сѣлъ подъ балдахиномъ и, когда всѣ упали лицомъ къ землѣ, объявилъ:

— Провинція Пе-Чи-Ли находится въ ужасномъ положеніи, а потому постановляемъ: никогда не брать оттуда кормилицъ для богдыхана.

Съ тѣхъ поръ никогда не берутъ для богдыхана кормилицъ изъ провинціи Пе-Чи-Ли.

О ПОЛЬЗѢ НАУКЪ.

Былъ въ Китаѣ богдыханъ Цзанъ-Ли-О,—да сохранится его имя въ памяти людей до тѣхъ поръ, пока существуетъ наше отечество. Онъ очень интересовался науками, хотя самъ едва умѣлъ читать и поручалъ всегда подписывать свое имя другому, чѣмъ очень пользовались ближайшіе мандарины.

Но такъ какъ, несмотря на это, онъ очень интересовался науками, то однажды Цзанъ-Ли-О и задалъ себѣ вопросъ:

— Для какого дьявола онѣ существуютъ на свѣтѣ?

И онъ приказалъ въ опредѣленный день созвать всѣхъ ученыхъ для всенароднаго допроса.

Желаніе сына неба—законъ для земли.

У воротъ всѣхъ университетовъ забили огромные барабаны, и глашатаи закричали:

— Эй, вы! Ученый народъ! Бросайте-ка книги, идите въ Пекинъ отвѣчать радости вселенной, нашему милостивому богдыхану, какую такую пользу приносятъ ваши науки.

Въ назначенный день на большой площади передъ дворцомъ собрались всѣ ученые люди Китая. Были тутъ такіе старики, что ихъ несли на носилкахъ, но были и молодые ученые, которые казались старше самыхъ старыхъ стариковъ. Были ученые, такъ высоко задиравшіе голову, что у нихъ спинной хребетъ

выгнулся назадъ, и они не могли бы съ почтеніемъ поклониться при встрѣчѣ даже самому Богу. Были тутъ и люди, у которыхъ спинной хребетъ сломался въ уголъ отъ сидѣнья за книгами. Были люди очень награжденные за свою ученость. Были ученые съ тремя, четырьмя, попадались и съ пятью шариками на шапкѣ. Были такіе, которые носили трехглазое павлинье перо. Были ученые и въ зеленыхъ куртахъ и было даже нѣсколько желтыхъ кофтъ!

И всѣ были, конечно, въ очкахъ, потому что очки, какъ извѣстно, первый признакъ учености. Ученые всегда близоруки.

Когда солнце вышло изъ-за облаковъ и засверкало на этихъ очкахъ, богдыханъ даже зажмурился.

„Какъ горятъ у нихъ глаза!—подумалъ онъ.—Словно ждутъ прибавки жалованья“.

И богдыханъ, оглядѣвъ толпу и увидавъ, что все въ порядкѣ, сказалъ:

— Въ никогда не прекращающихся заботахъ о благѣ нашихъ дѣтей-китайцевъ, рѣшили мы выяснить вопросъ: зачѣмъ это на свѣтѣ существуютъ науки? Давно уже онѣ существуютъ, и вотъ хотимъ мы узнать, для чего? А потому отвѣчайте намъ прямо и откровенно, безъ утайки и безо всякой хитрости: зачѣмъ науки и какой отъ нихъ толкъ? Начнемъ хоть съ тебя!—указалъ онъ на знаменитѣйшаго астронома,—самъ сынъ неба, съ неба я желаю и начать. Такъ будетъ мнѣ приличнѣе. Твоя наука самая высокая, ты первый и говори!

Знаменитый астрономъ вышелъ впередъ, отдалъ сколько полагалось по этикету поклоновъ и ласково сказалъ:

— Когда невѣждѣ приходится вечеромъ выйти зачѣмъ-нибудь изъ дома, онъ, какъ свинья, смотритъ только себѣ подъ ноги, а если и случится ему взгля-

нуть на небо,—онъ увидитъ только, что небо, словно оспой, покрыто звѣздами. Другое дѣло, ученый астрономъ! Для него рисунки изъ звѣздъ—это слова, и онъ читаетъ небо, какъ книгу: надо ли ждать наводненій, велики ли будутъ приливы и отливы водъ, какъ будетъ свѣтить солнце, сильно или не очень. Вообще, мы узнаемъ будущее.

— Будущее! Это любопытно!—сказалъ богдыханъ,— а отвѣть мнѣ: что дѣлается теперь, въ эту самую минуту, въ Нанкинѣ?

— Откуда же я могу знать это, свѣтило вселенной!—униженно кланяясь, отвѣтилъ астрономъ.

— Недурно!—воскликнулъ богдыханъ,—будущее-то вы знаете, а вотъ настоящаго-то—нѣтъ! Лучше бы вы настоящее знали, чѣмъ будущее! Полезнѣе бы! А то будущее! Будущее! Самая, помоему, твоя безполезная и глупая наука! Слѣдующій!

За астрономомъ стоялъ знаменитый историкъ.

Такой, говорятъ, историкъ, что зналъ по именамъ всѣхъ китайцевъ, которые когда-либо жили на свѣтѣ!

Онъ распростерся передъ богдыханомъ и сказалъ:

— Образецъ добродѣтелей, великій правитель, равнаго которому даже я не знаю во всей исторіи Китая! Моя наука не возбудитъ, конечно, твоего мудраго гнѣва, какъ наука моего предшественника. Мы занимаемся прошлымъ. Изучаемъ его, отмѣчаемъ всѣ промахи, ошибки, даже глупости.

— Наука, очень удобная для дураковъ!—воскликнулъ богдыханъ,—всякій дуракъ можетъ сколько угодно безнаказанно дѣлать глупости. Стоитъ ему сослаться на вашу науку: вѣдь глупости и ошибки,— скажетъ онъ,—дѣлались всегда. Дурацкая наука! Убирайся!.. Ты чѣмъ занимаешься, и какой толкъ отъ твоей науки?

Дрожащій ученый, къ которому былъ обращенъ

этотъ вопросъ, поборолъ кое-какъ свое волненіе и сказалъ:

— Мы изучаемъ вопросы государственнаго устройства. Какъ должно управляться государство, какіе должны быть законы, какія права должны имѣть мандарины, какія простой народъ.

— Должны! Должны!—крикнулъ богдыханъ,—какъ-будто на свѣтѣ все дѣлается, какъ должно. На свѣтѣ никогда не дѣлается все, какъ должно. Поневолѣ, благодаря вашей наукѣ, всякій будетъ сравнивать то, что есть, съ тѣмъ, какъ должно быть,—и всегда останется недоволенъ. Самая вредная наука! Прочь съ глазъ моихъ! Вонъ!.. Ты что намъ разскажешь?

На этотъ разъ вопросъ былъ обращенъ къ доктору.

— Нашу науку,—отвѣчалъ онъ съ поклонами,—всѣ признають полезной. Мы изучаемъ свойства травъ, и что изъ какой можно сдѣлать,—изъ какой вытяжку, изъ какой порошокъ, изъ какой бальзамъ. Мы собираемъ корни жень-шеня и учимъ, что изъ нихъ надо отбирать—которые больше всего похожи на человѣческую фигуру. Мы сушимъ молодые, еще мягкіе рога оленя, толчемъ ихъ и дѣлаемъ изъ нихъ наваръ, густой, какъ клей, и цѣлебный, какъ воздухъ весны: онъ какъ рукой снимаетъ всѣ недуги. Конечно, когда человѣкъ здоровъ, ему не нужна наша наука, но если онъ не убережется и заболѣетъ,—мы ему помогаемъ.

— Не убережется! Пускай бережется!—мягче чѣмъ передъ этимъ, но все же съ гнѣвомъ, сказалъ богдыханъ,—только поощряете людей къ легкомыслію. Рѣшительно не понимаю, какой толкъ отъ всѣхъ вашихъ наукъ!

И, обратившись къ знаменитѣйшему и величайшему поэту Му-Си, который жилъ какъ разъ въ это самое время, богдыханъ приказалъ:

— Ты отвѣчай о пользѣ науки!

Му-Си вышелъ, поклонился, улыбнулся и сказалъ:

— Былъ у одного изъ твоихъ предковъ, сынъ неба, такой чудный садъ, въ которомъ росли такіе чудные, душистые цвѣты, что не только пчелы слетались со всей округи, но даже люди за милю и болѣе останавливались, нюхали воздухъ и говорили: „вѣроятно, сегодня дверь рая оставлена открытой". И забралась однажды въ этотъ садъ корова. Увидавъ, что изъ земли много кой-чего растетъ диковиннаго, она начала ѣсть цвѣты. Пожевала розу, но бросила, потому что наколола языкъ. Пожевала лилій, пощипала резеды, левкоевъ, взяла въ ротъ жасмину и выплюнула. „Совсѣмъ никакого вкуса!—сказала корова,—рѣшительно не понимаю, зачѣмъ это люди разводятъ цвѣты!" По-моему, сынъ неба, коровѣ лучше бы и не задавать себѣ этого вопроса.

Богдыханъ разсердился и сказалъ:

— А отрубите-ка ему голову!

Палачи сейчасъ же здѣсь же отрубили Му-Си голову.

И, глядя на обезглавленное тѣло Му-Си, богдыханъ задумался.

Довольно долго думалъ, наконецъ, вздохнулъ и сказалъ:

— Одинъ былъ умный человѣкъ во всемъ Китаѣ, да и тотъ теперь померъ!

РЕФОРМА.

(Индійская легенда).

Мнѣ хотѣлось узнать о происхожденіи этой прекрасной богини,—и такъ какъ о происхожденіи боговъ самое лучшее наводить справки въ Индіи,—то я и посѣтилъ добросовѣстно страну сказокъ и легендъ.

Я изъѣздилъ ее вдоль, поперекъ и наискось.

Я былъ въ Бомбеѣ, въ Калькуттѣ, въ священномъ Дели. Заѣзжалъ на минутку въ Лагоръ, въ Кашмиръ. Посѣтилъ Алмерабадъ, Гайдерабадъ.

Я весело взбѣгалъ на Гималаи и топталъ своими ногами бѣлый, бѣлый, какъ сахаръ, снѣгъ ихъ дѣвственныхъ вершинъ, которыхъ никогда до меня не касалась человѣческая нога. На меня съ изумленіемъ смотрѣли своими кроткими глазами индусы, шоколадные, какъ шоколадъ, и персы, бѣлые, какъ молоко, и говорили:

— Вотъ молодчина русскій журналистъ!

Они щелкали отъ зависти своими великолѣпными зубами слоновой кости,—а я на спинѣ скатывался съ Гималаевъ и погружался въ цвѣтущія долины Патни и Лукно.

Я переплывалъ Персидское море и Бенгальскій заливъ,—случалось,—и Индійскій океанъ,—весело пофыркивая всякій разъ, какъ соленая вода попадала мнѣ въ ротъ.

Я душилъ своими руками удавовъ, толстыхъ, какъ полѣно, и гибкихъ, какъ ліаны. Я снималъ моментальныя фотографіи съ тигровъ, рѣзвившихся на свободѣ. Истреблялъ стада слоновъ. Бѣгалъ за жирафами. Перерѣзалъ дѣвственные лѣса и ощупью бродилъ по таинственнымъ пещерамъ Индіи.

И ничего!

Пока, наконецъ, одинъ факиръ, тридцать лѣтъ передъ тѣмъ не открывавшій рта, не снялъ ради меня съ себя обѣтъ молчанія. Онъ разсказалъ мнѣ эту легенду,—благословятъ его Брама, Вишну, Сигма и прочія индійскія божества.

Вотъ какъ было дѣло.

Она родилась на священныхъ берегахъ многоводнаго Ганга, въ первое весеннее утро, съ первымъ лучомъ солнца.

Прекрасная, стройная, гибкая богиня Реформа.

Природа не пожалѣла красокъ, чтобъ ее одѣть. Ни черной краски, какъ уголь, — для ея глазъ. Ни розоваго цвѣта, для ея тѣла. Ея волосы казались сотканными изъ лучей восходящаго солнца.

Но одѣта она была только въ краски. Она была нагая и прекрасная, свободная и смѣлая въ движеніяхъ.

Природа создала ее въ часъ вдохновенія. Солнце ярче и сильнѣе полило свои золотые лучи на землю, увидѣвъ богиню. Земля улыбнулась ей цвѣтами. Пальмы при видѣ ея задумчиво качали головами и тихо шептали другъ другу:

— Какъ она прекрасна! Какъ она прекрасна!

Газель взглянула на нее изъ-за чащи ліанъ,—и съ тѣхъ поръ глаза газели стали прекрасными. Тигры ласково мурлыкали при видѣ ея, побѣжденные кра-

сотой новорожденной богини, и, граціозно изгибаясь, ласкались къ ней. Змѣи ползали у ея ногъ и не могли причинить ей вреда.

Первыми увидѣли ее пастухи.

Пастухи, которые пасли свои стада на тощемъ, сожженномъ солнцемъ склонѣ горы. Голодные и измученные, они не могли удержаться отъ крика восторга, увидѣвъ ее, и забыли все прошлое горе и страданья.

Когда богиня появилась передъ ними на горизонтѣ, казалось, что она только-что сошла съ неба и несется по воздуху, едва касаясь цвѣтовъ своими стройными ногами.

Пастухи поклонились ей до земли и, въ восторгѣ, не въ силахъ оторвать глазъ отъ нея, пошли за нею.

А богиня привела ихъ и ихъ стада въ пышныя, тучныя, цвѣтущія поля—и, оставивъ ихъ тамъ, пошла въ священный городъ Дели.

Тамъ первыми ее увидѣли индусскіе юноши, и сразу ихъ сердца забились горячей и страстной любовью къ прекрасной богинѣ. За ними женщины. За женщинами ихъ мужья. Старики и дѣти,—всѣ были влюблены въ нагую богиню и слѣдовали за ней толпами, повторяя:

— Какъ она хороша!

Вѣдь она родилась въ первый весенній день, съ первымъ лучомъ весенняго солнца. И воздухъ, теплый, ласковый, нѣжный, полный аромата цвѣтовъ,—казался ея дыханіемъ. Она дышала, и кругомъ полной грудью дышали всѣ.

Но было жарко,—и она, ища прохлады, зашла въ храмъ. Въ старинный храмъ, Тримурти.

Въ храмѣ было темно и холодно, какъ въ подвалѣ, и пахло плѣсенью и гнилью.

Огромныя амбразуры оконъ были наглухо закрыты,—и въ мрачномъ сумракѣ, въ глубинѣ храма что-то

мерещилось, сверкало, когда отворялись двери и робкіе лучи свѣта проникали въ тяжкій мракъ и таяли въ немъ.

Что сверкало тамъ?

Поднятый мечъ, занесенный надъ головой людей, копье, направленное въ грудь молящихся, стрѣлы, готовыя сорваться съ лука и нанести гибель и смерть?

Никто не зналъ.

И въ этой тьмѣ люди, испуганные, дрожащіе, хватались за бѣлыя широкія одѣянія старыхъ браминовъ и молили:

— Умолите за насъ грозное божество, которое мерцаетъ тамъ, въ глубинѣ храма...

Передъ божествомъ, на жертвенныхъ столахъ, лежали груды лотоса,—этой весной лотосъ еще не цвѣлъ. Это были старые цвѣты лотоса, оставшіеся съ прошлаго года. Они лежали на жертвенныхъ столахъ, наполняя воздухъ смрадомъ плѣсени и гнили.

А брамины пѣли молитвы, которыя полагалось пѣть тогда, когда лотосы свѣжи и пахучи:

— Какъ милость твою, мы вдыхаемъ этотъ ароматъ лотосовъ, только-что расцвѣтшихъ и принесенныхъ сюда, тебѣ въ жертву. Какъ наши молитвы, пусть несется этотъ тихій, чистый ароматъ къ престолу твоему, божество, и ароматомъ наполняетъ твое сердце!

И всѣ дышали запахомъ гнили и пѣли про ароматъ.

Никто ничего не понималъ,—и это только увеличивало благочестіе.

Войдя въ храмъ, богиня прежде всего воскликнула:

— Откройте окна! Откройте всѣ окна, какъ можно скорѣй!

И толпа, послушная каждому ея слову, кинулась отворять огромныя окна.

Волны свѣта, горячаго и яркаго, ворвались и на-

полнили храмъ, — и толпа въ восторгѣ въ первый разъ увидѣла золотое божество въ глубинѣ храма.

Не было ни грозно поднятыхъ мечей, ни направленныхъ неумолимо копій, ни готовыхъ сорваться и нанести гибель стрѣлъ.

Божество никого не хотѣло убивать. Оно смотрѣло на толпу, ласково улыбаясь своими тремя головами.

— Вы бросите эти сгнившіе цвѣты!—приказала богиня,—и принесете сюда свѣжихъ полевыхъ цвѣтовъ!

— Но божеству нуженъ лотосъ!—пробовали протестовать брамины.

— Божеству нуженъ ароматъ свѣжихъ, только-что сорванныхъ цвѣтовъ! — отвѣчала богиня, — цвѣтовъ, цвѣтовъ сюда! Цвѣтовъ съ полей, убранныхъ бриллiантами росы!

И толпа бросилась исполнять приказаніе богини.

Гніющія груды старыхъ лотосовъ были выброшены,— и вмѣсто нихъ жертвенные столы были покрыты цѣлыми стогами свѣжихъ, только-что сорванныхъ, пахучихъ, росистыхъ цвѣтовъ.

Ихъ носили охапками юноши, женщины, старики, дѣти. Цвѣты сыпались по дорогѣ на землю, — и по этому ковру изъ цвѣтовъ смѣло и радостно люди шли къ ласковому и доброму божеству, на три стороны улыбавшемуся всѣмъ.

Жрецы были забыты.

Больше никто не обращался къ ихъ помощи, къ ихъ заступничеству.

Всѣ шли сами. Женщины поднимали къ божеству своихъ дѣтей, моля добраго Тримурти послать свое благословеніе. Со слезами восторга на глазахъ старики смотрѣли на улыбавшагося бога:

— А мы-то считали его грознымъ и кровожаднымъ!

Всѣ толпились около божества, протискиваясь, чтобы коснуться рукой его золотой одежды.

А Тримурти, ласковый и улыбающійся тремя улыбками, тремя потоками лилъ кругомъ благословеніе и радость.

Отдохнувъ въ храмѣ, бодрая и веселая богиня пошла по улицамъ города, въ сопровожденіи несмѣтной толпы. На главной площади Дели возвышался приготовленный костеръ. На немъ лежало вытянувшееся и осунувшееся подъ бѣлымъ покрываломъ тѣло стараго умершаго раджи. А вдова раджи, молодая и красивая, закутанная въ самыя дорогія изъ своихъ одеждъ, со слезами готова была вступить на костеръ, сложенный изъ благовонныхъ деревъ.

Въ эту минуту къ ней и подошла добрая и веселая богиня.

— Ты хочешь умереть! — весело сказала богиня,— почему-бы и нѣтъ? Вѣдь жизнь это только подарокъ, который дѣлаетъ людямъ небо. Ты хочешь отказаться отъ подарка,—откажись. Ты хочешь отдать огню свое тѣло, — отдай. Тѣло твое. Но зачѣмъ же ты хочешь отдать огню и всѣ твои богатыя одежды? Раджѣ нужна ты, твое тѣло, а не твои одежды. Одежды раджѣ не нужны, — онъ самъ снималъ ихъ съ тебя! Отдайся же раджѣ такъ, какъ ты отдавалась ему. Сбрось съ себя все. Зачѣмъ заставлять огонь еще срывать твои одежды? Пусть онъ сразу осыплетъ своими поцѣлуями тебя,—твое тѣло. А одежды отдай,— ну, хоть бѣднымъ. Это будетъ еще одно доброе дѣло передъ смертью! Чего же ты плачешь, однако?

— Мнѣ страшно умирать!—отвѣчала вдова раджи.

— Зачѣмъ же ты хочешь умереть?

— Такъ требуютъ законъ, обычай, люди. Люди хотятъ, чтобъ исполнялся священный обычай!

— Исполни! Но раньше сдѣлай доброе дѣло. Сбрось съ себя одежды. Пусть бѣдные возьмутъ ихъ и благословятъ память твою и твоего мужа!

Молодая женщина послушалась богини, сбросила съ себя одежды и отдала ихъ стоявшимъ около:

— Возьмите!

При видѣ ея, нагой и прекрасной, ропотъ восторга прошелъ по толпѣ:

— Какъ она хороша! Почти какъ богиня!

Ихъ сердца наполнились жалостью, — и раздались крики:

— Не надо! Не надо, чтобъ она шла на костеръ!

А богиня, улыбаясь, поглядѣла на стоявшаго около юношу, который смотрѣлъ на нее съ восторгомъ, со страстью.

— Ты влюбленъ въ меня!—сказала богиня,—но я родилась въ небесахъ, и земное мнѣ чуждо. Посмотри на эту женщину. Развѣ она не такъ же хороша, какъ и я? Развѣ красота разлита въ однихъ небесахъ — и не разлита на землѣ? Красота—это небо. Ваша жизнь—какъ вода. Небеса отражаются въ водѣ, — и оттого она кажется голубой. Посмотри, какъ она красива! Возьми ее! У тебя будетъ мое отраженіе на землѣ! Возьми!

И когда глаза юноши при видѣ обнаженной женщины загорѣлись страстью, богиня сказала вдовѣ раджи:

— Ты хочешь умереть на огнѣ. Но огонь разлитъ и въ сердцахъ. Вотъ этотъ юноша,—онъ также сожжетъ тебя своимъ пламенемъ. Онъ обнимаетъ тебя, обовьетъ, какъ огонь своими объятіями. И ты умрешь не разъ. День и ночь будешь ты умирать, чувствуя, что душа разстается съ тѣломъ. Сожги себя такъ!

И молодая вдова, зардѣвшись отъ стыда и страсти, бросила факелъ въ благовонный костеръ, на которомъ одиноко лежало вытянувшееся и осунувшееся тѣло стараго раджи,—и, протягивая свои руки къ юношѣ, сказала:

— Прикрой меня твоимъ плащомъ и унеси отсюда...

Въ тотъ годъ стоялъ страшный зной.

Богъ Индра,—разгнѣванный, какъ говорили брамины,—жегъ землю палящими лучами солнца, жегъ безпощадно, жегъ немилосердно.

Поля стояли черныя, словно обугленныя, и умиравшіе съ голоду люди, худые какъ скелетъ, приходили въ городъ и ложились на улицахъ, говоря:

— Мы умремъ здѣсь, и зловоньемъ нашихъ труповъ отравимъ воздухъ, — если вы не дадите намъ ѣсть.

Брамины рѣшили вынести изъ храма статую Индры и обвезти вокругъ города.

Грознаго бога везли на огромной колесницѣ, запряженной десятью черными слонами.

Люди кидались сотнями подъ слоновъ и колесницу и умирали, раздавленные, въ корчахъ, въ мукахъ, съ воплями.

— Богъ Индра не слышитъ тихихъ стоновъ страждущихъ!—говорили они,—пусть онъ услышитъ хоть наши вопли, ужаснется, глядя на нашу гибель, и смѣнитъ свой безпощадный гнѣвъ милостью.

Процессія медленно тянулась среди воплей, криковъ и стоновъ, которые должны были обратить вниманіе божества. Слоны окровавленными ступнями давили лежавшихъ на ихъ пути людей, и огромныя красныя, мокрыя колеса вязли въ грудахъ изодраннаго человѣческаго тѣла.

А шествіе неумолимо двигалось впередъ.

Навстрѣчу ему вышла богиня.

Она была такъ прекрасна въ лучахъ заходящаго солнца, что проводники остановились и остановили своихъ черныхъ слоновъ.

Они смотрѣли на богиню полными восторга глазами и не могли двинуться впередъ.

Богиня стояла на дорогѣ.

Они не могли двинуть шествіе на эту дивную красавицу,—и повернули слоновъ, и кровавая процессія по холодѣющимъ, истерзаннымъ трупамъ вернулась назадъ въ мрачный храмъ Индры.

А тѣ, кто лежалъ впереди на пути, ожидая смерти,—были спасены.

Такъ провела богиня свой первый день.

А на слѣдующій съ первыми лучами солнца, брамины собрались на совѣщаніе.

— Изъ-за этой новой богини гибнетъ вѣра въ старыхъ боговъ!—говорили они.

— Гибнемъ мы! Никто не нуждается больше въ нашихъ молитвахъ,—всѣ молятся сами!

— Она распространяетъ нечестье! Вдовы не хотятъ умирать отъ вѣрности!

— Она навлечетъ на насъ гнѣвъ Индры, который останется безъ жертвъ.

И всѣ ломали головы, что бы такое сдѣлать.

— Убить!—робко сказалъ кто-то.

Но ему даже не отвѣтили. Развѣ можно убить безсмертную богиню?

Тогда поднялся самый древній и самый мудрый изъ браминовъ.

— Мы посадимъ ее въ пещеру. А людямъ скажемъ, что богиня унеслась на небо, какъ съ неба она и сошла. Не видя ее, люди вернутся къ благочестію. Пусть посидитъ въ пещерѣ. А потомъ,—потомъ можно будетъ ее и выпустить. Она уже будетъ стара, безобразна, и никто не станетъ сходить отъ нея съ ума!

Всѣ одобрили совѣтъ стараго брамина и поклонились ему до земли:

— Хорошее, испытанное средство!

Захвативъ съ собой мечи, копья, они отправились къ ручью, около котораго на ложѣ изъ цвѣтовъ про-

спала ночь богиня; крадучись по кустамъ, окружили ее и вышли изъ засады, окруживъ кольцомъ.

Но, увидѣвъ ихъ, богиня весело крикнула:

— Ко мнѣ! Ко мнѣ!

И всѣ окрестные жители, услышавъ веселый и звонкій голосъ богини, сбѣжались, чтобъ посмотрѣть: какую новую радость придумала проснувшаяся богиня.

Увидѣвъ себя окруженными, брамины не посмѣли коснуться богини, — они поклонились ей до земли и сказали:

— Мы пришли, чтобъ поклониться тебѣ,—а оружіе принесли, чтобъ воздать тебѣ почести, какъ повелительницѣ.

И они сложили оружіе къ ногамъ богини, какъ будто въ знакъ покорности.

Брамины совсѣмъ пали духомъ.

— Мы должны спасти себя и людей отъ гнѣва Индры и прочихъ боговъ!

Собравшись на новое совѣщаніе, они три дня и три ночи съ отчаяньемъ думали, чтобы предпринять противъ богини, а на четвертый, довольные, веселые, радостные, вышли изъ своего храма и обратились къ первому проходившему поклоннику богини.

— Вы всѣ поклоняетесь новой богинѣ! — сказали они,—мы тоже поклоняемся ей, потому что она прекрасна. Но вы совсѣмъ не заботитесь о ней. Богиня ходитъ нагая: ея тѣла касаются вѣтеръ, лучи солнца. Солнце обожжетъ ее, и вѣтеръ сдѣлаетъ грубой ея кожу. Вамъ надо позаботиться объ одеждѣ для богини! Чтобъ сохранить ея красоту, чтобъ въ этой одеждѣ она имѣла, дѣйствительно, величественный, достойный ея видъ. Украсьте ее. Покажите предъ всѣми свою любовь.

— Это правда! — воскликнулъ поклонникъ, — какъ это сразу не пришло намъ въ голову!

И онъ, поблагодаривъ браминовъ, побѣжалъ къ своимъ друзьямъ, чтобы подать имъ эту хорошую мысль.

Брамины же всякому, кого встрѣчали, говорили то-же самое.

И всѣ находили ихъ мысль отличной, и благодарили ихъ.

Весь народъ собрался около богини, обсуждая:

— Какую бы ей сдѣлать достойную ея одежду?

Они говорили:

— Есть ткани, тонкія какъ паутина, едва видныя. Мы достанемъ такихъ тканей и изъ нихъ сдѣлаемъ одежду для богини. Чтобы ни одна черточка ея божественнаго тѣла не пропадала для глаза!

Другіе возражали:

— Вотъ еще! Одежда, которую съ трудомъ даже и замѣтишь! Нѣтъ, одежда должна быть такая, чтобы всѣ сразу видѣли, какъ мы любимъ и цѣнимъ богиню. Мы достанемъ тканей, вытканныхъ изъ чистаго золота, украсимъ самоцвѣтными камнями...

— И похоронимъ подъ этой золотой корой красоту богини! — восклицали третьи, — нѣтъ, тутъ нуженъ шелкъ, нѣжный, гибкій, который повиновался бы каждому ея движенію.

— Шерсть даетъ лучше, мягче складки, чѣмъ шелкъ!

И поднялись горячіе споры.

Такъ прошелъ день.

А брамины въ это время снова заперли храмъ Тримурти, сожгли двухъ вдовъ и отдали распоряженіе на завтра приготовить шествіе статуи бога Индры.

На слѣдующій день толпа поклонниковъ снова сошлась вокругъ богини.

Одни принесли разноцвѣтныя шали и примѣряли ихъ богинѣ:

— Смотрите, какъ будетъ хорошо!

Другіе кричали:

— Уйдите вы со своими шалями! Ее нужно одѣть въ парчу!

Третьи несли кружева, четвертые — драгоцѣнные камни.

Люди спорили, ругались, дрались, — какъ, въ какомъ видѣ показать богиню міру.

А брамины торжественно совершали процессію вокругъ города, и десять черныхъ слоновъ ногами въ крови мѣсили тѣла, бросавшихся подъ колесницу, людей.

— Такъ идетъ и до сихъ поръ! — закончилъ свою легенду, тридцать лѣтъ не говорившій, факиръ, — все идетъ по старому, а новая богиня... ей все примѣряютъ туалетъ, въ какомъ видѣ лучше показать ее передъ міромъ!

— C'est épatant! — добавилъ факиръ.

ИСТИНА.

(Восточное сказаніе).

За высокими горами, за дремучимъ лѣсомъ жила царица Истина.

Разсказами о ней былъ полонъ весь міръ.

Ея не видѣлъ никто, но любили. О ней говорили пророки, о ней пѣли поэты. При мысли о ней кровь загоралась въ жилахъ. Ею грезили во снѣ.

Однимъ она являлась въ грезахъ въ видѣ дѣвушки съ золотистыми волосами, ласковой, доброй и нѣжной. Другимъ грезилась чернокудрая красавица, страстная и грозная.

Это зависѣло отъ пѣсенъ поэтовъ.

Одни пѣли:

— Видѣлъ ли ты, какъ въ солнечный день, словно море, золотыми волнами ходитъ спѣлая нива? Таковы волосы царицы Истины. Расплавленнымъ золотомъ льются они по обнаженнымъ плечамъ и спинѣ и касаются ея ногъ. Какъ васильки въ спѣлой пшеницѣ горятъ ея глаза. Встань темной ночью и дождись, какъ зарозовѣетъ на востокѣ первое облачко, предвѣстникъ утра. Ты увидишь цвѣтъ ея щекъ. Какъ вѣчный цвѣтокъ, цвѣтетъ и не отцвѣтаетъ улыбка на ея коралловыхъ устахъ. Всѣмъ и всегда улыбается Истина, которая живетъ тамъ, за высокими горами, за дремучимъ лѣсомъ.

Другіе пѣли:

— Какъ темная ночь черны волны ея благоухающихъ волосъ. Какъ молнія блещутъ глаза. Блѣдно прекрасное лицо. Только избраннику улыбнется она, черноокая, чернокудрая, грозная красавица, которая живетъ тамъ, за дремучимъ лѣсомъ, за высокими горами.

И юный витязь Хазиръ рѣшилъ увидѣть царицу Истину.

Тамъ за крутыми горами, тамъ за чащей непроходимаго лѣса,—пѣли всѣ пѣсни,—стоитъ дворецъ изъ небесной лазури, съ колоннами изъ облаковъ. Счастливый смѣлый, котораго не испугаютъ высокія горы, кто пройдетъ черезъ дремучій лѣсъ. Счастливъ онъ, когда достигнетъ лазурнаго дворца, усталый, измученный, и упадетъ на ступени и споетъ призывную пѣснь. Выйдетъ къ нему обнаженная красавица. Аллахъ только разъ видѣлъ такую красоту! Восторгомъ и счастьемъ наполнится сердце юноши. Чудныя мысли закипятъ въ его головѣ, чудныя слова—на его устахъ. Лѣсъ разступится передъ нимъ, горы склонятъ свои вершины и сравняются съ землей на его пути. Онъ вернется въ міръ и разскажетъ о красотѣ царицы Истины. И, слушая его вдохновенную повѣсть объ ея красотѣ, всѣ, сколько есть на свѣтѣ людей,—всѣ полюбятъ Истину. Ее одну. Она одна будетъ царицей земли, и золотой вѣкъ настанетъ въ ея царствѣ. Счастливъ, счастливъ тотъ, кто увидитъ ее!

Хазиръ рѣшилъ ѣхать и увидѣть Истину.

Онъ засѣдлалъ арабскаго коня, бѣлаго, какъ молоко. Туго стянулся узорнымъ поясомъ, обвѣшалъ себя дѣдовскимъ оружіемъ съ золотой насѣчкой.

И, поклонившись товарищамъ, женщинамъ и старымъ витязямъ, собравшимся полюбоваться на молодца, сказалъ:

— Пожелайте мнѣ добраго пути! Я ѣду, чтобы увидѣть царицу Истину и взглянуть въ ея очи. Вернусь и разскажу объ ея красотѣ.

Сказалъ, далъ шпоры своему коню и поскакалъ.

Вихремъ несся конь по горамъ, крутился по тропинкамъ, по которымъ и козочкѣ проскакать бы съ трудомъ, распластавшись по воздуху, перелеталъ черезъ пропасти.

И черезъ недѣлю, на усталомъ и измученномъ конѣ, Хазиръ подъѣзжалъ къ опушкѣ дремучаго лѣса.

На опушкѣ стояли кельи, а среди нихъ жужжали на пчельникѣ золотыя пчелы.

Тутъ жили мудрецы, удалившіеся отъ земли, и думали о небесномъ.

Они звались:

— Первые стражи Истины.

Заслышавъ конскій топотъ, они вышли изъ келій и съ радостью привѣтствовали увѣшаннаго оружіемъ юношу.

Самый старый и почтенный изъ нихъ сказалъ:

— Будь благословенъ каждый приходъ юноши къ мудрецамъ! Небо благословляло тебя, когда ты сѣдлалъ своего коня!

Хазиръ соскочилъ съ сѣдла, преклонилъ колѣна передъ мудрымъ старцемъ и отвѣтилъ:

— Мысли—сѣдины ума. Привѣтствую сѣдины твоихъ волосъ и твоего ума.

Старику понравился учтивый отвѣтъ, и онъ сказалъ:

— Небо уже благословило твое намѣреніе: ты благополучно прибылъ къ намъ черезъ горы. Развѣ ты правилъ на этихъ козьихъ тропинкахъ? Архангелъ велъ подъ уздцы твою лошадь. Ангелы своими крыльями поддерживали твоего коня, когда онъ, распла-

ставшись въ воздухѣ, словно бѣлый орелъ, перелеталъ черезъ бездонныя пропасти. Какое доброе намѣреніе привело тебя сюда?

Хазиръ отвѣчалъ:

— Я ѣду, чтобъ увидѣть царицу Истину. Весь міръ полонъ пѣсенъ о ней. Одни поютъ, что волосы ея свѣтлы, какъ золото пшеницы, другіе, — что черны какъ ночь. Но всѣ сходятся въ одномъ: что царица прекрасна. Я хочу увидѣть ее, чтобъ потомъ разсказать людямъ объ ея красотѣ. Пусть всѣ, сколько есть людей на свѣтѣ, полюбятъ ее.

— Доброе намѣреніе! Доброе намѣреніе!—похвалилъ мудрецъ, — и ты не могъ поступить лучше, какъ явившись за этимъ къ намъ. Оставь твоего коня, войди въ эту келью, и мы разскажемъ тебѣ все про красоту царицы Истины. Твой конь пока отдохнетъ, и, вернувшись въ міръ, ты сможешь разсказать людямъ все про красоту царицы.

— А ты видѣлъ Истину?—воскликнулъ юноша, съ завистью глядя на старика.

Мудрый старикъ улыбнулся и пожалъ плечами.

— Мы живемъ на опушкѣ лѣса, а Истина живетъ вонъ тамъ, за дремучей чащей. Дорога туда трудна, опасна, почти невозможна. Да и зачѣмъ намъ, мудрымъ, дѣлать эту дорогу и предпринимать напрасные труды? Зачѣмъ намъ итти смотрѣть Истину, когда мы и такъ знаемъ, какова она? Мы мудры, мы знаемъ. Пойдемъ, и я разскажу тебѣ о царицѣ всѣ подробности!

Но Хазиръ поклонился и вдѣлъ ногу въ стремя:

— Благодарю тебя, мудрый старикъ! Но я самъ хочу увидѣть Истину. Своими глазами!

Онъ былъ уже на конѣ.

Мудрецъ даже затрясся отъ негодованія.

— Ни съ мѣста!—крикнулъ онъ.—Какъ? Что? Ты

не вѣришь въ мудрость? Ты не вѣришь въ знаніе? Ты смѣешь думать, что мы можемъ ошибаться? Смѣешь не довѣрять намъ, мудрецамъ! Мальчишка, щенокъ, молокососъ!

Но Хазиръ взмахнулъ шелковой плеткой.

— Прочь съ дороги! Не то я оскорблю тебя плеткой, которой не оскорблялъ даже коня!

Мудрецы шарахнулись въ стороны, и Хазиръ помчался на отдохнувшемъ конѣ.

Въ догонку ему раздавались напутствія мудрецовъ:

— Чтобъ ты сгинулъ, негодяй! Пусть небо накажетъ тебя за дерзость! Помни, мальчишка, въ часъ смерти: кто оскорбляетъ одного мудраго, оскорбляетъ весь міръ! Чтобъ тебѣ сломать шею, мерзавецъ!

Хазиръ мчался на своемъ конѣ.

Лѣсъ становился все гуще и выше.

Кудрявые кустарники перешли въ дубраву.

Черезъ день пути, въ тѣнистой, прохладной дубравѣ, Хазиръ выѣхалъ къ храму.

Это была великолѣпная мечеть, какую рѣдко сподобливался видѣть кто изъ смертныхъ.

Въ ней жили дервиши, которые смиренно звали себя:

— Псами Истины.

И которыхъ звали другіе:

— Вѣрными стражами.

Когда молчаливая дубрава проснулась отъ топота коня,—навстрѣчу витязю вышли дервиши, съ верховнымъ муллой во главѣ.

— Пусть будетъ благословенъ всякій, кто приходитъ къ храму Аллаха,—сказалъ мулла,—тотъ, кто приходитъ въ юности, благословенъ на всю жизнь!

— Благословенъ!—подтвердили хоромъ дервиши.

Хазиръ проворно соскочилъ съ коня, глубоко поклонился муллѣ и дервишамъ.

— Молитесь за путника!—сказалъ онъ.

— Откуда и куда держишь путь?—спросилъ мулла.

— Ѣду для того, чтобы, вернувшись въ міръ, разсказать людямъ о красотѣ Истины.

И Хазиръ разсказалъ муллѣ и дервишамъ про свою встрѣчу съ мудрецами.

Дервиши разсмѣялись, когда онъ разсказалъ, какъ онъ долженъ былъ плеткой пригрозить мудрецамъ,— и верховный мулла сказалъ:

— Не иначе, какъ самъ Аллахъ внушилъ тебѣ мысль поднять плетку! Ты хорошо сдѣлалъ, что пріѣхалъ къ намъ. Что могли сказать тебѣ мудрецы про Истину? То, до чего они дошли своимъ умомъ! Выдумки! А мы имѣемъ всѣ свѣдѣнія о царицѣ Истинѣ, полученныя прямо съ неба. Мы разскажемъ тебѣ все, что знаемъ, и ты будешь имѣть свѣдѣнія самыя вѣрныя. Мы скажемъ тебѣ все, что сказано о царицѣ Истинѣ въ нашихъ священныхъ книгахъ.

Хазиръ поклонился и сказалъ:

— Благодарю тебя, отецъ. Но я поѣхалъ не для того, чтобъ слушать чужіе разсказы или читать, что пишется въ священныхъ книгахъ. Это я могъ сдѣлать и дома. Не стоило трудить ни себя, ни лошадь.

Мулла нахмурился слегка и сказалъ:

— Ну, ну! Не упрямься, мой мальчикъ! Вѣдь я знаю тебя давно. Я зналъ тебя, когда еще жилъ въ мірѣ, когда ты былъ совсѣмъ маленькимъ, и часто держалъ тебя на колѣняхъ. Я вѣдь и отца твоего Гафиза зналъ, и дѣда твоего Аммелека тоже зналъ отлично. Славный человѣкъ былъ твой дѣдъ Аммелекъ. Онъ тоже думывалъ о царицѣ Истинѣ. У него въ домѣ лежалъ коранъ. Но онъ даже и не раскрывалъ корана,—онъ довольствовался тѣмъ, что ему разсказывали объ Истинѣ дервиши. Онъ зналъ, что въ коранѣ написано, должно-быть, то же самое,—

ну, и довольно. Къ чему жъ еще читать книгу! Твой отецъ Гафизъ тоже былъ очень хорошій человѣкъ, но этотъ былъ помудренѣе. Какъ задумается, бывало, объ Истинѣ, возьметъ самъ коранъ и прочтетъ. Прочтетъ и успокоится. Ну, а ты еще дальше пошелъ. Ишь ты какой. Тебѣ и книги мало. Къ намъ поразспросить пріѣхалъ. Молодецъ, хвалю, хвалю! Идемъ, готовъ тебѣ разсказать все, что знаю. Готовъ!

Хазиръ улыбнулся:

— Отецъ мой пошелъ дальше, чѣмъ дѣдъ. Я — дальше, чѣмъ отецъ. Значитъ, сынъ мой пойдетъ еще дальше, чѣмъ я? И самъ, своими глазами захочетъ увидѣть Истину? Не такъ ли надо думать?

Мулла вздохнулъ:

— Кто знаетъ! Кто знаетъ! Все можетъ быть! Человѣкъ не деревцо. Смотришь на побѣгъ,—не знаешь, что выростетъ: дубъ, сосна или ясень.

Хазиръ сидѣлъ ужъ на конѣ.

— Ну, такъ вотъ что!—сказалъ онъ, — зачѣмъ же оставлять сыну то, что могу сдѣлать я самъ?

И онъ тронулъ лошадь.

Мулла схватилъ его за поводъ.

— Стой, нечестивецъ! Какъ же ты смѣешь послѣ всего, что я сказалъ, продолжать путь? А, невѣрная собака! Такъ ты смѣешь, значитъ, не вѣрить ни намъ, ни корану!

Но Хазиръ далъ шпоры своему коню. Конь взвился, и мулла отлетѣлъ въ сторону. Однимъ прыжкомъ Хазиръ былъ уже въ чащѣ, а вслѣдъ ему неслись проклятія муллы, крики и вой дервишей.

— Будь проклятъ, нечестивецъ! Будь проклятъ, гнусный оскорбитель! Кого ты оскорбилъ, оскорбляя насъ? Пусть раскаленные гвозди впиваются въ копыта твоей лошади при каждомъ ея шагѣ! Ты ѣдешь на гибель!

— Пусть разлѣзется твой животъ! Пусть выползутъ, какъ гадины, какъ змѣи, твои внутренности!—выли дервиши, катаясь по землѣ.

Хазиръ продолжалъ путь.

А путь становился все труднѣе и труднѣе. Лѣсъ все чаще,—и чаща все непроходимѣе.

Пробираться приходилось ужъ шагомъ, да и то съ большимъ трудомъ.

Какъ вдругъ раздался крикъ:

— Остановись!

И, взглянувъ впередъ, Хазиръ увидѣлъ воина, который стоялъ съ натянутымъ лукомъ, готовый спустить дрожащую стрѣлу съ тугой тетивы.

Хазиръ остановилъ коня.

— Кто такой? Куда ѣдешь? Откуда? И зачѣмъ держишь путь?—спросилъ воинъ.

— А ты что за человѣкъ?—переспросилъ его, въ свою очередь, Хазиръ,—и по какому праву спрашиваешь? И для какой надобности?

— А спрашиваю я по такому праву и для такой надобности,—отвѣчалъ воинъ,—что я воинъ великаго падишаха. А приставленъ я съ товарищами и съ начальниками для того, чтобъ охранять священный лѣсъ. Понялъ? Ты находишься на заставѣ, которая называется „заставой Истины“,—ибо она устроена для охраны царицы Истины!

Тогда Хазиръ разсказалъ воину, куда и зачѣмъ онъ ѣдетъ.

Услыхавъ, что витязь держитъ путь къ лазурному дворцу Истины, воинъ позвалъ своихъ товарищей и предводителей.

— Ты хочешь узнать, какая, такая на самомъ дѣлѣ, Истина?—сказалъ главный предводитель, любуясь дорогимъ оружіемъ, славнымъ конемъ и молодецкой посадкой Хазира,—доброе намѣреніе, юный витязь! Доброе

намѣреніе! Сходи же скорѣй съ твоего коня,—идемъ, я тебѣ все разскажу. Въ законахъ великаго падишаха все написано, какая должна быть Истина,—и я тебѣ охотно прочту. Можешь потомъ вернуться и разсказывать.

— Благодарю тебя!—отвѣчалъ Хазиръ,—но я отправился затѣмъ, чтобы видѣть ее своими глазами.

— Эге!—сказалъ предводитель,—да мы, братъ, не мудрецы тебѣ, не муллы и не дервиши! Мы разговаривать много не умѣемъ. Слѣзай-ка съ коня, живо, безъ разговоровъ!

И предводитель взялся за саблю. Воины тоже понаклонили копья. Конь испуганно насторожилъ уши, захрапѣлъ и попятился.

Но Хазиръ вонзилъ ему шпоры въ бока, пригнулся въ лукѣ и, засвиставъ надъ головой кривою саблей, крикнулъ:

— Прочь съ дороги, кому жизнь еще мила!

За нимъ только раздались крики и вой. Хазиръ уже летѣлъ сквозь густую чащу.

А вершины деревьевъ все плотнѣй и плотнѣй смыкались надъ головой. Скоро стало такъ темно,—что и днемъ царила въ лѣсу ночь. Колючіе кустарники плотной стѣной преграждали дорогу.

Обезсилѣвшій и измученный благородный конь ужъ терпѣливо выносилъ удары плетки и, наконецъ, палъ.

Хазиръ пошелъ пѣшкомъ пробираться черезъ лѣсъ.

Колючій кустарникъ рвалъ и댈ралъ на немъ одежду

Среди тьмы дремучаго лѣса онъ слышалъ ревъ и грохотъ водопадовъ, переплывалъ бурныя рѣки и выбивался изъ силъ въ борьбѣ съ лѣсными потоками, холодными, какъ ледъ, бѣшеными, какъ звѣри.

Не зная, когда кончался день, когда начиналась ночь,—онъ брелъ и, засыпая на мокрой и холодной землѣ, истерзанный и окровавленный,—онъ слышалъ

кругомъ въ лѣсной чащѣ вой шакаловъ, гіенъ и ревъ тигровъ.

Такъ недѣлю брелъ онъ по лѣсу,—и вдругъ зашатался: ему показалось, что молнія ослѣпила его.

Прямо изъ темной, непроходимой чащи онъ вышелъ на поляну, залитую ослѣпительнымъ солнечнымъ свѣтомъ.

Сзади черной стѣной стоялъ дремучій боръ, а посреди поляны, покрытой цвѣтами, стоялъ дворецъ, словно сдѣланный изъ небесной лазури. Ступени къ нему сверкали, какъ сверкаетъ снѣгъ на вершинахъ горъ. Солнечный свѣтъ обвилъ лазурь и, какъ паутиной, одѣлъ ее тонкими золотыми черточками дивныхъ стиховъ изъ корана.

Платье лохмотьями висѣло на Хазирѣ. Только оружіе съ золотой насѣчкой было все цѣло. Полуобнаженный, могучій съ бронзовымъ тѣломъ, увѣшанный оружіемъ,—онъ былъ еще красивѣе.

Хазиръ, шатаясь, дошелъ до бѣлоснѣжныхъ ступеней и, какъ пѣлось въ пѣсняхъ, измученный и безъ силъ упалъ на землю.

Но роса, которая брильянтами покрывала благухающіе цвѣты, освѣжила его.

Онъ поднялся, снова полный силъ, онъ не чувствовалъ болѣе боли отъ ссадинъ и ранъ, не чувствовалъ усталости ни въ рукахъ, ни въ ногахъ.

Хазиръ запѣлъ:

— Я пришелъ къ тебѣ чрезъ дремучій лѣсъ, чрезъ густую чащу, чрезъ высокія горы, чрезъ широкія рѣки. И въ непроглядной тьмѣ дремучаго бора мнѣ свѣтло было, какъ днемъ. Сплетавшіяся верхушки деревьевъ казались мнѣ ласковымъ небомъ, и звѣзды горѣли для меня въ ихъ вѣтвяхъ. Ревъ водопадовъ казался мнѣ журчаньемъ ручейковъ, и вой шакаловъ пѣснью звучалъ въ моихъ ушахъ. Въ проклятіяхъ

враговъ я слышалъ добрые голоса друзей, и острые кустарники казались мнѣ мягкимъ, нѣжнымъ пухомъ. Вѣдь я думалъ о тебѣ! Я шелъ къ тебѣ! Выйди же, выйди, царица сновъ моей души!

И, услыхавъ тихій звукъ медленныхъ шаговъ, Хазиръ даже зажмурился: онъ боялся, что ослѣпнетъ отъ вида чудной красавицы.

Онъ стоялъ съ сильно бьющимся сердцемъ, и когда набрался смѣлости и открылъ глаза,—передъ нимъ была голая старуха. Кожа ея, коричневая и покрытая морщинами, висѣла складками. Сѣдые волосы свалялись въ космы. Глаза слезились. Сгорбленная, она едва держалась, опираясь на клюку.

Хазиръ съ отвращеніемъ отшатнулся.

— Я—Истина!—сказала она.

И такъ какъ остолбенѣвшій Хазиръ не могъ пошевелить языкомъ,—она печально улыбнулась беззубымъ ртомъ и сказала:

— А ты думалъ найти красавицу? Да, я была такой! Въ первый день созданія міра. Самъ Аллахъ только разъ видѣлъ такую красоту! Но, вѣдь, съ тѣхъ поръ вѣка вѣковъ промчались за вѣками. Я стара, какъ міръ, я много страдала, а отъ этого не дѣлаются прекраснѣе, мой витязь! Не дѣлаются!

Хазиръ чувствовалъ, что онъ сходитъ съ ума.

— О, эти пѣсни про златокудрую, про чернокудрую красавицу!—простоналъ онъ,—что я скажу теперь, когда вернусь? Всѣ знаютъ, что я ушелъ, чтобъ видѣть красавицу! Всѣ знаютъ Хазира,—Хазиръ не вернется живой, не исполнивъ своего слова! У меня спросятъ,—спросятъ: „Какія у нея кудри,—золотыя, какъ спѣлая пшеница, или темныя, какъ ночь? Какъ васильки или какъ молніи горятъ ея глаза?“ А я! Я отвѣчу: „Ея сѣдые волосы, какъ свалявшіеся комья шерсти, ея красные глаза слезятся“...

— Да, да, да!—прервала его Истина,—ты скажешь все это! Ты скажешь, что коричневая кожа складками виситъ на искривленныхъ костяхъ, что глубоко провалился черный, беззубый ротъ!—И всѣ съ отвращеніемъ отвернутся отъ этой безобразной Истины. Никто ужъ больше никогда не будетъ любить меня! Грезить чудной красавицей! Ни въ чьихъ жилахъ не загорится кровь при мысли обо мнѣ. Весь міръ,—весь міръ отвернется отъ меня.

Хазиръ стоялъ передъ нею, съ безумнымъ взглядомъ, схватившись за голову:

— Что жъ мнѣ сказать? Что жъ мнѣ сказать?

Истина упала передъ нимъ на колѣни и, протягивая къ нему руки, сказала умоляющимъ голосомъ:

— Солги!

ЧЕТЫРЕ ПРИЗРАКА.

(Изъ записной книжки туриста).

Усталый, измученный,—вы вернулись изъ Константинополя на пароходъ,—и четыре призрака встаютъ передъ вами надъ этимъ пышнымъ городомъ, тонущимъ въ розовомъ сумракѣ заката.

Въ этихъ призракахъ прошлое, настоящее, будущее Оттоманской имперіи.

Во время осмотра города четыре образа поразили ваше воображеніе, захватили ваше вниманіе. Четыре образа султановъ: Мемета, Сулеймана Великолѣпнаго, Абдулъ-Азиса, Абдулъ-Гамида.

На одной изъ колоннъ Айя-Софіи, на высотѣ нѣсколькихъ саженей вы увидите отпечатокъ руки, выгравированный на мраморѣ.

Это отпечатокъ руки Мемета.

Великаго Мемета, Мемета—Завоевателя, Мемета, взявшаго Царь-Градъ и, въ благодарность, посвятившаго соборъ Софіи Аллаху, богу войны и побѣды.

Пали твердыни Царь-Града, и турки ринулись въ городъ, избивая все передъ собой.

Въ ужасѣ жители бѣжали въ соборъ Св. Софіи, укрыться тамъ, умереть у алтаря.

Соборъ былъ переполненъ. Обезумѣвшіе отъ страха люди взбирались другъ на друга. Гора задавленныхъ росла. Трупы во много рядовъ покрывали полъ. Эта кровавая масса человѣческаго мяса выросла въ нѣсколько саженей. Тогда въ храмъ ворвалась толпа янычаръ. Началась поголовная рѣзня. Янычары вырѣзывали все, что попадалось живого на этой горѣ труповъ.

Съ площади донеслись клики радости, торжества, восторга!

Опьяненный побѣдой, въ соборъ на конѣ во весь опоръ влетѣлъ Меметъ.

Брызгая кровью изъ-подъ копытъ, словно птица, взлетѣлъ его конь на груду тѣлъ.

И сказалъ побѣдитель Меметъ, глядя на залитый кровью великолѣпный храмъ:

— Довольно!

И рѣзня прекратилась.

— Съ этихъ поръ Византія принадлежитъ правовѣрнымъ, и этотъ храмъ я посвящаю Аллаху!

Меметъ нагнулся съ сѣдла, омочилъ свою руку въ теплой крови и ударилъ ладонью по колоннѣ.

На мраморѣ отпечаталась кровавая ладонь.

Это была печать Мемета.

Кинжалами, саблями и ятаганами янычары тотчасъ выгравировали на мраморной колоннѣ отпечатокъ руки великаго Мемета.

Таковъ былъ Меметъ, истинный представитель воинствующаго Ислама, Ислама, проповѣдующаго священную ненависть къ гяурамъ, пророчащаго весь міръ повергнуть къ ногамъ Пророка.

Мечеть Мемета высится на одномъ изъ холмовъ Стамбула. Кругомъ нея расположена самая грязная, самая азіатская часть города.

Здѣсь тѣснота, здѣсь давка необыкновенная. На

каждой квадратной сажени ютится нѣсколько человѣкъ.

И надъ всей этой округой царитъ духъ великаго Мемета.

Въ его мечети цѣлый день не прерываются гнусливыя завыванія софтъ, нараспѣвъ читающихъ Коранъ.

Въ двухъ шагахъ отъ мечети Мемета расположена семинарія,—полу-училище, полу-монастырь, — самая фанатическая во всей Турціи.

Недоступная совершенно для любопытствующихъ иностранцевъ, гдѣ софты встрѣтятъ васъ бранью и полными ненависти взглядами.

Здѣсь формируется все, что есть самаго непримиримаго въ мусульманскомъ духовенствѣ.

Здѣсь эти будущіе муллы, софты, изучаютъ Коранъ, и распаленное воображеніе рисуетъ имъ картины священной войны во славу Аллаха и его великаго Пророка.

Духъ великаго Мемета витаетъ здѣсь надъ всѣмъ.

Между мечетью Мемета и семинаріей расположенъ фруктовый базаръ, грязнѣйшій изъ базаровъ Стамбула, вѣчно переполненный толпой бѣдноты.

На этомъ базарѣ и былъ поданъ сигналъ къ рѣзнѣ армянъ. Здѣсь изступленные софты призывали толпу фанатиковъ къ избіенію гяуровъ. Эта самая толпа ринулась въ нижніе кварталы Стамбула, въ Перу, въ Галату съ криками:

— Смерть гяурамъ!

Это кратеръ того самого вулкана, на которомъ живутъ европейцы Константинополя.

Теперь кратеръ временно затихъ,—хотя патрули на каждомъ шагу говорятъ вамъ, что въ кратерѣ что-то клокочетъ.

Вокругъ мечети Мемета, семинаріи и базара сбѣ-

гаютъ съ холма узенькія, кривыя, извилистыя улицы, по которымъ мѣстами съ трудомъ проѣзжаешь верхомъ.

Нигдѣ иностранецъ не встрѣтитъ столько враждебныхъ взглядовъ, какъ здѣсь, въ этихъ улицахъ, переполненныхъ правовѣрными.

Здѣсь чаще, чѣмъ гдѣ-нибудъ, передъ вами мелькаетъ зеленая чалма человѣка, побывавшаго въ Меккѣ. Фанатичный, изступленный,—онъ видѣлъ, приближаясь къ Каабѣ то, чего нѣтъ, чудеса, которыя создало его воспаленное воображеніе,—и разсказываетъ эти чудеса народу. Здѣсь вѣрятъ всему этому.

Только здѣсь,—да еще въ Меккѣ,—продолжаютъ вѣрить, что міръ будетъ принадлежать правовѣрнымъ, и что во всѣхъ храмахъ всего міра будутъ раздаваться гнусливыя завыванія софтъ.

Здѣсь живутъ величайшіе политики Стамбула. Восточные люди любятъ заниматься политикой, — имъ не нужно для этого газетъ: имъ достаточно слуховъ. И тысячи слуховъ ходятъ въ этомъ самомъ фанатическомъ уголкѣ Стамбула.

— Паша такой-то продалъ Турцію грекамъ.

— Паша такой-то бросилъ Исламъ и въ тайнѣ исповѣдуетъ христіанство.

И ихъ сердца переполняются ненавистью къ правовѣрнымъ, кидающимъ Исламъ, и къ гяурамъ, совращающимъ правовѣрныхъ слугъ Пророка.

Вой моэдзиновъ, призывающихъ къ молитвѣ съ минаретовъ мечети Мемета,—похожій на вой голодныхъ шакаловъ,—кажется имъ голосомъ неба.

Имъ кажется, что это небо воетъ, какъ голодный шакалъ, давно не видѣвшій крови.

Европа напираетъ со всѣхъ сторонъ. Все, что есть мало-мальски просвѣщеннаго, цивилизованнаго въ Константинополѣ, бѣжало изъ Стамбула въ Перу,

въ Галату, на берегу Босфора. Самъ Стамбулъ подается подъ натискомъ Европы, и нижнія улицы его дѣлаются все болѣе и болѣе европейскими.

И только здѣсь еще на этомъ холмѣ остались правовѣрные, исповѣдующіе истинный, воинствующій Исламъ.

Сбившись въ каррэ вокругъ мечети великаго Мемета, они стойко выдерживаютъ натискъ Европы, не сдаются и мечтаютъ о побѣдѣ правовѣрвыхъ надъ гяурами и подчиненіи міра Пророку.

Духъ великаго Мемета, истиннаго слуги Аллаха, витаетъ надъ ними и благосдовляетъ ихъ грезы.

Все дышитъ великолѣпіемъ въ этомъ мѣстѣ послѣдняго упокоенія султана, прозваннаго Великолѣпнымъ.

Въ этой часовнѣ—гробницѣ, которую Сулейманъ построилъ для себястѣны выложены разноцвѣтными фарфоровыми плитами.

Сулейманъ отдыхаетъ вѣчнымъ сномъ подъ пестрымъ куполомъ-шатромъ, среди причудливыхъ рисунковъ котораго сверкаютъ, искрятся, горятъ крупные брилліанты.

Горятъ?.. Вѣроятно, горѣли. Страна, когда-то дававшая Великолѣпныхъ султановъ, давнымъ-давно, навѣрное, „пустила въ оборотъ“ крупные брилліанты, украшавшіе потолокъ гробницы Сулеймана,—и въ нашъ вѣкъ фальсификаціи, въ потолкѣ давнымъ-давно ужъ, конечно, словно звѣзды горятъ... фальшивые брилліанты.

Могъ ли думать объ этомъ султанъ Сулейманъ, прозванный Великолѣпнымъ?

Лавры Юстиніана не давали ему спать.

И Айя-Софія стояла упрекомъ передъ честолюбивымъ султаномъ.

Какъ? Лучшая изъ мечетей Аллаха, предметъ изумленія цѣлаго міра, построена чужестранцами?

Развѣ онъ не могучій повелитель великаго народа? Развѣ несмѣтныя сокровища, лучшіе художники Востока, десятки тысячъ рабочихъ рукъ не въ его распоряженіи? Развѣ слово его не всесильный законъ?

И онъ не можетъ превзойти славы Юстиніана?

Стамбулъ не можетъ затмить блескомъ Византіи?

Мечеть Сулеймана—это роскошный, фантастическій сонъ, приснившійся восточному владыкѣ.

Это сказка Шехеразады въ линіяхъ и краскахъ.

Мулла поднимаетъ тяжелый кожаный занавѣсъ, закрывающій арку, и вы входите въ полусумракъ огромной мечети.

Стройно несутся вверхъ огромныя пестрыя колонны, и, словно огромный шатеръ изъ разноцвѣтныхъ персидскихъ ковровъ, высится надъ ними колокольный куполъ. Гигантскія колонны—монолиты; темно-краснаго мрамора поддерживаютъ портики, отгороженные причудливыми золотыми рѣшетками, словно золотая лоза вьется по узорной оградѣ.

Эти колонны привезены изъ Бальбека, изъ его храмовъ, великолѣпнѣйшихъ въ мірѣ. Подъ этими портиками, за этими рѣшетками, правовѣрные когда-то хранили свои драгоцѣнности. Отправляясь на богомолье въ Мекку, они приносили сюда все, что было у нихъ цѣннаго. Золото, парчевыя одежды, чаши, оружіе, убранное драгоцѣнными камнями. Здѣсь все это хранилось до ихъ возвращенія.

За этими рѣшетками горѣли груды золота, серебра, драгоцѣнныхъ камней,—говоря о богатствѣ, величіи, блескѣ, великолѣпіи царства султана, котораго весь міръ звалъ Великолѣпнымъ.

Словно самоцвѣтные камни, горятъ въ частыхъ переплетахъ высокихъ оконъ пестрыя, узорныя стекла.

Здѣсь ни день, ни ночь, ни свѣтъ, ни тьма. Подъ этимъ пестрымъ небомъ, въ лѣсу этихъ узорныхъ колоннъ, здѣсь сумракъ сказки.

И, входя въ этотъ храмъ, великолѣпнѣйшій изъ султановъ могъ смѣло воскликнуть:

— Развѣ я не всесиленъ?—Я властитель правовѣрныхъ, создающій такіе храмы!

Когда вы ѣдете по Босфору, когда любуетесь его чудной панорамой,—на Азіатской сторонѣ, на темномъ фонѣ огромной горы передъ вами, словно граціозный призракъ, стройный, изящный бѣлый мраморный дворецъ.

Онъ стоитъ у самой воды и похожъ на ундину, которая вышла на берегъ спѣть свою, полную грустной поэзіи, пѣсню.

Вотъ-вотъ, напуганная какимъ-нибудь шумомъ, она снова исчезнетъ подъ водой. И, стоя на палубѣ, вамъ, очарованному чуднымъ видѣніемъ, кажется, что оно вотъ-вотъ скроется изъ глазъ, растаетъ въ воздухѣ.

Это дворецъ, который несчастный султанъ Абдулъ-Азисъ построилъ для императрицы Евгеніи, когда она захотѣла провести лѣто на берегахъ Босфора.

Любуясь съ кладбища Эюба чудной панорамой, которая разстилается передъ вами, вы увидите налѣво, въ самой глубинѣ Золотаго Рога, небольшой, бѣлый, мраморный дворецъ съ узорными башнями.

Стройный, граціозный, воздушный онъ вырѣзывается своими изящными контурами на изумрудной зелени холмовъ.

Словно какое-то граціозное видѣніе легкимъ, воздушнымъ шагомъ приближается къ Константинополю.

По легкости, граціи, изяществу постройки, по красотѣ контура, по воздушности линій вы сразу угадаете автора этой поэмы изъ бѣлаго мрамора.

Это загородный дворецъ Абдулъ-Азиса.

Сюда онъ пріѣзжалъ днемъ, бросая свой великолѣпный, кружевной дворецъ Долма-Бахче, развлечься, отдохнуть отъ скучныхъ бесѣдъ съ визирями и послами, утомительныхъ офиціальныхъ пріемовъ.

Здѣсь было нѣчто вродѣ цирка, огромная яма, выложенная мраморомъ, вся залитая свѣтомъ лившимся, въ нее черезъ стеклянную крышу. На днѣ этой мраморной пропасти бродили огромные бенгальскіе тигры.

Звонкія мраморныя стѣны гулко отдавали ихъ бѣшеный ревъ.

Сидя въ своей ложѣ наверху, Абдулъ-Азисъ часами любовался на игры этихъ царственныхъ животныхъ, на ихъ могучія и граціозныя движенія.

По ночамъ султанъ часто уѣзжалъ на Азіатскую сторону, гдѣ у него былъ дворецъ, такой-же бѣлый мраморный снаружи, и отдѣланный розовымъ мраморомъ внутри. Съ бассейнами, комнатами, превращенными въ ковровые шатры. Здѣсь султанъ видѣлъ сны, которые сулилъ Пророкъ правовѣрнымъ въ садахъ Аллаха.

Въ СтаромъЕралѣ грустно и одиноко доживаютъ свою жизнь старушки, въ которыхъ никто бы не узналъ, конечно, стройныхъ газелей гарема Абдулъ-Азиса. Онѣ могли бы разсказать правовѣрнымъ обо всѣхъ радостяхъ и утѣхахъ Магометова рая. Онѣ видѣли ихъ на пышныхъ оргіяхъ Азиса.

Такъ жилъ этотъ султанъ среди грезъ наяву. Султанъ—поэтъ, создававшій мраморныя поэмы въ честь тѣхъ, кого любилъ. Среди наслажденій Магометова рая мечтавшій о бѣлокурой красавицѣ съ черными глазами, блиставшей въ Тюльерійскомъ дворцѣ.

Онъ спитъ теперь вѣчнымъ сномъ, этотъ Петроній мусульманскаго міра, перерѣзавшій себѣ вены, какъ говорятъ одни, отравленный Гассаномъ, какъ утверждаютъ другіе.

Надъ нимъ неумолчно гнусавятъ Коранъ. Надъ его гробницей спускается и горитъ разноцвѣтными искрами великолѣпная хрустальная люстра,—подарокъ императрицы Евгеніи. Около его гробницы стоитъ пара красивыхъ бронзовыхъ часовъ—подарокъ императора Наполеона III.

Вмѣсто старинной, огромной, бѣлоснѣжной чалмы, его гробницу украшаетъ маленькая изящная доска, фасона имъ изобрѣтеннаго, въ честь него называющагося „азизисъ".

И это все, что осталось отъ изнѣженнаго султана—поэта, грезившаго раемъ и облекавшаго свои грезы въ мраморныя поэмы—дворцы.

— Чараганъ.

Этого имени нельзя произносить въ Константинополѣ.

Точно такъ же, какъ имени узника, живущаго въ немъ.

Этотъ огромный дворецъ напоминаетъ колоссальный мавзолей. Отъ него вѣетъ холодомъ и тишиной могилы,—могилы, въ которой живой человѣкъ.

Ни души кругомъ. Полосатыя сторожевыя будки у всѣхъ воротъ. Словно изваянія, недвижно стоятъ часовые. Никто не имѣетъ права приблизиться къ дворцу—тюрьмѣ, дворцу—могилѣ, дворцу—мавзолею надъ живымъ человѣкомъ.

Имя Мурата, братъ султана,—его боится произнести отецъ сыну.

Изъ-за пышной зелени огромнаго сада, изъ-за алыхъ

цвѣтущихъ миндальныхъ деревьевъ, на Чараганъ смотритъ, словно зорко и пугливо слѣдитъ за нимъ, такой же недоступный, такой же отшельникъ—Ильдызъ-Кіоскъ.

Отъ него по склону холма вьется дорожка къ берегу моря.

У берега, выстроившись въ рядъ, стоятъ три яхты, всегда подъ парами, всегда готовыя сняться и отплыть,—словно хозяинъ рѣшилъ уже ѣхать и только не знаетъ еще часа отъѣзда...

Такова резиденція Абдулъ-Гамида.

Таковы мысли, которыя навѣваютъ эти четыре призрака, встающіе надъ пышнымъ городомъ, тонущимъ въ розовомъ сумракѣ заката.

Таково прошлое, настоящее, будущее Оттоманской имперіи.

Когда вы ѣдете по Константинополю, вамъ покажутъ желтое, потрескавшееся, готовое развалиться старое зданіе министерства иностранныхъ дѣлъ и скажутъ его позваніе:

— Блистательная Порта.

Какой это звучитъ злою насмѣшкой!

ЧЕЛОВѢКЪ.

(Восточная сказка).

Однажды Аллахъ спустился на землю, принялъ видъ самаго, самаго простого человѣка, зашелъ въ первую попавшуюся деревню и постучался въ самый бѣдный домъ, къ Али.

— Я усталъ, умираю съ голода!—сказалъ Аллахъ съ низкимъ поклономъ,—впустите путника.

Бѣднякъ Али отворилъ ему дверь и сказалъ:

— Усталый путникъ—благословеніе дому. Войди.

Аллахъ вошелъ.

Семья Али сидѣла и ужинала.

— Садись!—сказалъ Али.

Аллахъ сѣлъ.

Всѣ отняли у себя по куску и дали ему.

Когда кончили ужинать, вся семья встала на молитву.

Одинъ гость сидѣлъ и не молился.

Али посмотрѣлъ на него съ удивленіемъ.

— Развѣ ты не хочешь молиться Аллаху?—спросилъ Али.

Аллахъ улыбнулся.

— А знаешь ли ты, кто у тебя въ гостяхъ? — задалъ онъ вопросъ.

Али пожалъ плечами.

— Ты мнѣ сказалъ свое имя путникъ. Къ чему мнѣ знать еще другое?

— Ну, такъ знай же, кто зашелъ въ твой домъ,— сказалъ путникъ,—я—Аллахъ!

И весь онъ засверкалъ, какъ молнія.

Али повалился въ ноги Аллаху и со слезами воскликнулъ:

— За что мнѣ оказана такая милость? Развѣ мало на свѣтѣ людей богатыхъ и знатныхъ? Есть у насъ въ деревнѣ мулла, есть старшина Керимъ, есть богачъ-купецъ Мегеметъ. А ты выбралъ самаго бѣднаго, самаго нищаго, Али! Благодарю тебя.

Али поцѣловалъ слѣдъ ноги Аллаха.

Такъ какъ было ужъ поздно, всѣ улеглись спать.

Но не спалось Али. Всю ночь онъ проворочался съ бока на бокъ, все о чемъ-то думалъ. Слѣдующій день весь тоже все о чемъ-то думалъ. Задумчивый сидѣлъ и за ужиномъ и ничего не ѣлъ.

А когда ужинъ кончился, Али не выдержалъ и обратился къ Аллаху:

— Не разгнѣвайся на меня, Аллахъ,—что я задамъ тебѣ вопросъ!

Аллахъ кивнулъ головой и разрѣшилъ:

— Спрашивай!

— Дивлюсь я!—сказалъ Али,—дивлюсь и никакъ понять не могу! Есть у насъ въ деревнѣ мулла, человѣкъ ученый и знатный,—всѣ при встрѣчѣ ему въ поясъ кланяются. Есть старшина Керимъ, важный человѣкъ,—у него самъ вали останавливается, когда ѣздитъ черезъ нашу деревню. Есть купецъ Мегеметъ— богачъ такой, какихъ, я думаю, по свѣту не много. Ужъ онъ бы сумѣлъ угостить тебя и уложилъ бы спать на чистомъ пухѣ. А ты взялъ да и зашелъ къ Али, бѣдняку, къ нищему! Должно быть, я угоденъ тебѣ, Аллахъ? А?

Аллахъ улыбнулся и отвѣтилъ:

— Угоденъ!

Али даже разсмѣялся отъ радости:

— Вотъ я радъ, что тебѣ угоденъ! Вотъ радъ!

Отлично спалъ въ ту ночь Али. Весело пошелъ онъ на работу. Веселымъ вернулся домой, сѣлъ за ужинъ и весело сказалъ Аллаху:

— А мнѣ, Аллахъ, послѣ ужина надо съ тобой поговорить!

— Поговоримъ послѣ ужина! — весело отвѣтилъ Аллахъ.

Когда ужинъ кончился и жена убрала посуду, Али весело обратился къ Аллаху:

— А должно быть, я очень угоденъ тебѣ, Аллахъ, если ты взялъ, да ко мнѣ и зашелъ?! А?

— Да!—отвѣчалъ съ улыбкой Аллахъ.

— А?—продолжалъ Али со смѣхомъ,—есть въ деревнѣ мулла, которому всѣ кланяются, есть старшина, у котораго самъ вали останавливается, есть Мегеметъ-богачъ, который наворотилъ бы подушекъ до самаго потолка и десятокъ барановъ къ ужину радъ былъ бы зарѣзать. А ты взялъ и пошелъ ко мнѣ, къ бѣдняку! Должно-быть, ужъ очень я тебѣ угоденъ? Скажи, очень?

— Да! Да!—отвѣтилъ, улыбаясь, Аллахъ.

— Нѣтъ, ты скажи, дѣйствительно, я очень угоденъ тебѣ? — приставалъ Али, — что ты все „да, да". Ты разскажи мнѣ, какъ я угоденъ тебѣ?

— Да, да, да! Очень, очень, очень ты мнѣ угоденъ!—со смѣхомъ отвѣчалъ Аллахъ.

— Такъ очень?

— Очень!

— Ну, ладно. Идемъ, Аллахъ, спать.

На слѣдующее утро Али проснулся въ еще лучшемъ расположеніи духа.

Весь день ходилъ, улыбаясь, думалъ что-то веселое и радостное. За ужиномъ ѣлъ за троихъ и послѣ ужина похлопалъ по колѣнкѣ Аллаха.

— А я думаю, ты, Аллахъ, ужасно какъ долженъ радоваться, что я такъ тебѣ угоденъ? А? Скажи-ка по душѣ? Очень радуешься, Аллахъ?

— Очень! Очень!—улыбаясь, отвѣтилъ Аллахъ.

— Я думаю!—сказалъ Али,—я вѣдь братъ, Аллахъ, по себѣ знаю. Мнѣ даже, если собака какая угодна, такъ и то удовольствіе доставляетъ ее видѣть. Такъ, вѣдь, то собака, а то я! То я, а то ты, Аллахъ! Воображаю, какъ ты долженъ радоваться, на меня глядючи! Видишь передъ собой такого угоднаго для тебя человѣка! Сердце-то, небось, играетъ?

— Играетъ, играетъ! Идемъ спать! — сказалъ Аллахъ.

— Ну, идемъ, пожалуй, и спать!—отвѣтилъ Али,—изволь!

Слѣдующій день Али ходилъ задумчивый, за ужиномъ вздыхалъ, посматривалъ на Аллаха, и Аллахъ замѣтилъ, что Али разъ даже незамѣтно смахнулъ слезу.

— Чего ты, Али, такой грустный?—спросилъ Аллахъ, когда кончили ужинать.

Али вздохнулъ.

— Да вотъ о тебѣ, Аллахъ, задумался! Что-бы съ тобой было, если бы меня не было?

— Это какъ такъ?—удивился Аллахъ.

— Что бы ты сталъ безъ меня дѣлать, Аллахъ? Посмотри-ка, на дворѣ какой вѣтеръ и холодъ, и дождь словно плетьми хлещитъ. Что было бы, если бы такого угоднаго тебѣ человѣка, какъ я, не было? Куда бы ты пошелъ? Замерзъ бы ты на холоду, на вѣтру, на дождѣ. Нитки бы на тебѣ сухой не было! А теперь сидишь ты въ теплѣ, въ сухости. Свѣтло,

и поѣлъ ты. А все почему? Потому что есть такой угодный тебѣ человѣкъ, къ которому ты могъ зайти! Погибъ бы ты, Аллахъ, еслибъ меня на свѣтѣ не было. Счастливецъ ты, Аллахъ, что я на свѣтѣ существую. Право, счастливецъ!

Тутъ Аллахъ ужъ не выдержалъ, звонко расхохотался и исчезъ изъ вида

Только на скамьѣ, гдѣ онъ сидѣлъ, лежала груда большихъ червонцевъ, въ двѣ тысячи штукъ.

— Батюшки! Какое богатство!—всплеснула руками жена Али,—да что-жъ это такое? Да развѣ на свѣтѣ бываетъ сразу столько денегъ? Да я помѣшаюсь!

Но Али отстранилъ ее рукою отъ денегъ, пересчиталъ золотые и сказалъ:

— Н-не много!

СУДЬЯ НА НЕБѢ.

(Восточная сказка).

Азраилъ, ангелъ смерти, летая надъ землей, коснулся своимъ крыломъ мудраго кади Османа.

Судья умеръ, и безсмертная душа его предстала предъ пророкомъ. Это было у самаго входа въ рай.

Изъ-за деревьевъ, покрытыхъ, словно розовымъ снѣгомъ, цвѣтами, доносился звонъ бубновъ и пѣніе божественныхъ гурій, призывавшее къ неземнымъ наслажденіямъ.

А издали, изъ дремучихъ лѣсовъ, неслись звуки роговъ, звонкій топотъ коней и лихіе клики охотниковъ. Храбрые на бѣлоснѣжныхъ арабскихъ скакунахъ носились за быстроногими сернами, свирѣпыми вепрями.

— Пусти меня въ рай!—сказалъ судья Османъ.

— Хорошо! — отвѣчалъ пророкъ, — но сначала ты долженъ сказать, чѣмъ его заслужилъ. Таковъ у насъ законъ на небѣ.

— Законъ?

Судья глубоко поклонился и приложилъ руку къ челу и къ сердцу, въ знакъ величайшаго почтенія.

— Это хорошо, что у васъ есть законы, и вы ихъ исполняете. Это я въ васъ хвалю. Законъ долженъ быть вездѣ, и долженъ исполняться. Это у васъ хорошо устроено.

— Итакъ, чѣмъ же ты заслужилъ рай?—спросилъ великій пророкъ.

— На мнѣ не можетъ быть грѣха! — отвѣчалъ судья,—я всю жизнь только и дѣлалъ, что осуждалъ грѣхъ. Я былъ судьею тамъ, на землѣ. Я судилъ, и судилъ очень строго!

— Вѣроятно, ты самъ блисталъ какими-нибудь особенными добродѣтелями, если судилъ другихъ? Да еще судилъ строго!—спросилъ пророкъ.

Судья нахмурился.

— Насчетъ добродѣтелей... не скажу! Я былъ такой же, какъ и всѣ люди. Но я судилъ потому, что получалъ за это жалованье!

— Не велика еще добродѣтель! — улыбнулся пророкъ,—получать жалованье! Я не знаю ни одного порочнаго человѣка, который бы отъ этого отказался. Выходитъ такъ; ты осуждалъ людей за то, что у нихъ нѣтъ тѣхъ добродѣтелей, какихъ нѣтъ и у тебя. И за это еще получалъ жалованье! Тѣ, кто получаетъ жалованье, судятъ тѣхъ, кто жалованья не получаетъ. Судья можетъ судить простого смертнаго. А простой смертный не можетъ судить судьи, хотя бы судья и былъ явно виноватъ. Мудрено что-то!

Чело судьи хмурилось все больше и больше.

— Я судилъ по законамъ!—сухо сказалъ онъ,—я зналъ ихъ всѣ, и по нимъ судилъ.

— Ну, а тѣ, кого ты судилъ,—полюбопытствовалъ пророкъ,—знали законы?

— О, нѣтъ!—съ гордостью отвѣтилъ судья,—куда имъ! Это дается не каждому!

— Значитъ, ты судилъ ихъ за неисполненіе зак новъ, которыхъ они даже и не знали?!—воскликнул пророкъ,—ну, что же ты? Старался о томъ, чтобъ в знали законы? Старался просвѣщать незнающихъ?

— Я судилъ!—съ твердостью отвѣтилъ судья.

— Видя, что законы нарушаются,—старался ли ты сдѣлать такъ, чтобъ людямъ не нужно было нарушать законовъ?

— Я получалъ жалованье за то, чтобъ судить!

Судья мрачно и подозрительно посмотрѣлъ на пророка.

Чело судьи наморщилось, глаза были гнѣвны.

— Ты говоришь неподходящія вещи, пророкъ, долженъ я тебѣ замѣтить!—строго сказалъ онъ,—опасныя вещи! Ты разсуждаешь слишкомъ вольно, пророкъ! По твоимъ разсужденіямъ я подозрѣваю, — не шіитъ-ли ты, пророкъ? Суннитъ такъ не долженъ разсуждать, пророкъ! Твои слова предусмотрены книгами Суннъ!

Судья подумалъ.

— А потому, на основаніи 4-й книги Суннъ, страница 123-я, четвертая строка сверху, читать со второй половины, и руководствуясь разъясненіями мудрыхъ старцевъ, нашихъ святыхъ муллъ, я обвиняю тебя, пророкъ...

Тутъ пророкъ не выдержалъ и разсмѣялся.

— Иди назадъ, на землю, судья!—сказалъ онъ,—ты слишкомъ строгъ для насъ. Тутъ у насъ, на небѣ, гораздо добрѣе!

И онъ отослалъ премудраго судью обратно на землю.

— Но какъ же это сдѣлать, когда я умеръ?—воскликнулъ судья,—какъ оформить?

— Прошу считать твою смерть недѣйствительной!—улыбнулся пророкъ.

— А! Такъ хорошо! Разъ такъ оформлено, я согласенъ!

И судья вернулся на землю.

БЕЗЪ АЛЛАХА.

(Арабская сказка).

Однажды Аллаху надоѣло быть Аллахомъ.

Онъ покинулъ свой тронъ и чертоги, спустился на землю и сдѣлался самымъ обыкновеннымъ человѣкомъ. Купался въ рѣкѣ, спалъ на травѣ, собиралъ ягоды и питался ими.

Засыпалъ вмѣстѣ съ жаворонками и просыпался, когда солнце щекотало ему рѣсницы.

Каждый день солнце всходило и заходило. Въ ненастные дни шелъ дождикъ. Птицы пѣли, рыба плескалась въ водѣ.

Какъ будто ничего и не случилось!

Аллахъ съ улыбкой глядѣлъ кругомъ и думалъ:

— Міръ, какъ камушекъ съ горы. Толкнулъ его, онъ самъ собой и катится.

И захотѣлось Аллаху посмотрѣть:

— Какъ-то живутъ безъ меня люди? Птицы,—тѣ глупы. И рыбы тоже глупы. А вотъ, какъ-то безъ Аллаха живутъ умные люди? Лучше или хуже?

Подумалъ, оставилъ поля, луга и рощи и отправился въ Багдадъ.

— Стоитъ ли ужъ и городъ-то на мѣстѣ?—думаJ Аллахъ.

А городъ стоялъ на своемъ мѣстѣ. Ослы кричат верблюды кричатъ, и люди кричатъ. Ослы работ ютъ, верблюды работаютъ, и люди работаютъ.

Все, какъ было и раньше!

— Только моего имени ужъ никто не поминаетъ!— подумалъ Аллахъ.

Захотѣлось ему узнать, о чемъ люди разговариваютъ. Пошелъ Аллахъ на базаръ.

Входитъ на базаръ и видитъ: торговецъ продаетъ лошадь молодому парню.

— Клянусь Аллахомъ,—кричитъ торговецъ,—конь совсѣмъ молодой! Три года всего, какъ отъ матери отняли. Ахъ, какой конь! Сядешь на него, витяземъ будешь. Клянусь Аллахомъ, что витяземъ! И безъ пороковъ конь! Вотъ тебѣ Аллахъ, ни одного порока! Ни самаго маленькаго!

А парень смотритъ на коня:

— Ой, такъ ли?

Торговецъ даже руками всплеснулъ и за чалму схватился:

— Ой, какой глупый! Ой, какой глупый человѣкъ! Такихъ глупыхъ я еще и не видывалъ! Какъ же н такъ, если я тебѣ Аллахомъ клянусь? Что же мнѣ, потвоему, своей души не жалко!

Парень взялъ коня и заплатилъ чистымъ золотомъ.

Аллахъ далъ имъ кончить дѣло и подошелъ къ торговцу.

— Какъ же такъ, добрый человѣкъ? Ты Аллахомъ клянешься, а вѣдь Аллаха-то и нѣтъ больше!

Торговецъ въ это время пряталъ золото въ кошель. Тряхнулъ кошелемъ, послушалъ звонъ и усмѣхнулся.

— А хоть бы и такъ? Да развѣ, спрашивается, иначе-то онъ купилъ бы у меня коня? Вѣдь конь-то старый, да и копыто у него треснувшее!

Улыбнулся Аллахъ и пошелъ дальше.

А навстрѣчу ему носильщикъ Гуссейнъ. Куль такой несетъ,—вдвое больше, чѣмъ онъ самъ. А за носильщикомъ Гуссейномъ—купецъ Ибрагимъ.

У Гуссейна подъ кулемъ ноги подкашиваются. Потъ градомъ льетъ. Глаза на лобъ вылѣзли.

А Ибрагимъ идетъ слѣдомъ и приговариваетъ:

— Аллаха ты не боишься, Гуссейнъ! Взялся куль нести, а несешь тихо! Этакъ мы въ день и трехъ кулей не перенесемъ. Нехорошо, Гуссейнъ! Нехорошо! Ты бы хоть о душѣ подумалъ! Вѣдь Аллахъ-то все видитъ, какъ ты лѣниво работаешь! Аллахъ тебя накажетъ, Гуссейнъ.

Аллахъ взялъ Ибрагима за руку и отвелъ его въ сторону.

— Чего ты все Аллаха на каждомъ шагу поминаешь? Вѣдь, Аллаха-то нѣту!

Ибрагимъ почесалъ шею.

— Слышалъ я объ этомъ! Да вѣдь что-жъ ты подѣлаешь? Какъ иначе Гуссейна заставить кули поскорѣе таскать? Кули-то тяжелы. Денегъ ему за это прибавить,—убытокъ. Отколотить,—такъ Гуссейнъ поздоровѣе меня, самого еще отколотитъ. Къ вали его отвести,—такъ Гуссейнъ по дорогѣ сбѣжитъ. А Аллахъ-то и всѣхъ сильнѣе, и отъ Аллаха никуда не сбѣжишь,—вотъ я его Аллахомъ и пугаю!

Покачалъ головою Аллахъ и пошелъ дальше.

И вездѣ, куда только Аллахъ ни заглядывалъ, только и слышалось, что:

— Аллахъ! Аллахъ! да Аллахъ!

А день ужъ склонился къ вечеру.

Побѣжали отъ домовъ длинныя тѣни, пожаромъ запылали небеса,—и съ минарета понеслась протяжная, протяжная пѣснь муэдзина:

— Ля илль аго илль Алла...

Остановился Аллахъ около мечети, поклони[лся] муллѣ и сказалъ:

— Чего же ты народъ въ мечеть собираешь? В[ѣдь], Аллаха больше нѣтъ!

Мулла даже вскочилъ въ испугѣ.

— Тише ты! Помалкивай! Накричишь, услышатъ. Нечего сказать, хорошъ мнѣ тогда почетъ будетъ! Ктожъ ко мнѣ и пойдетъ, коли узнаютъ, что Аллаха нѣтъ!

Аллахъ нахмурилъ брови и огненнымъ столбомъ взвился къ небесамъ на глазахъ онѣмѣвшаго и грохнувшагося на землю муллы.

Аллахъ вернулся въ свои чертоги и сѣлъ на свой тронъ. И не съ улыбкой ужъ, какъ прежде, глядѣлъ на землю, которая была у его ногъ.

Когда первая же душа правовѣрнаго предстала предъ Аллахомъ, робкая и трепещущая, Аллахъ посмотрѣлъ на нее испытующимъ окомъ и спросилъ:

— Ну, а что хорошаго сдѣлалъ ты, человѣкъ, въ жизни!

— Имя твое не сходило у меня съ устъ!—отвѣчала душа.

Аллахъ покачалъ головой:

— Ну, дальше?

— Чтобъ я ни предпринималъ, чтобы ни дѣлалъ,—все съ именемъ Аллаха.

— Хорошо! Хорошо!—перебилъ Аллахъ,—дальше-то, что ты дѣлалъ хорошаго въ жизни?

— А я и другимъ внушалъ, чтобъ помнили Аллаха!—отвѣчала душа,—не только самъ помнилъ! Другимъ, на каждомъ шагу, съ кѣмъ только имѣлъ дѣло,—всѣмъ напоминалъ про Аллаха.

— Экій усердный какой!—усмѣхнулся Аллахъ,—ну, а нажилъ при этомъ ты много?

Душа задрожала.

— То-то!—сказалъ Аллахъ и отвернулся.

А къ душѣ ползкомъ, ползкомъ подобрался Шайтанъ, схватилъ ее за ноги и поволокъ.

Такъ прогнѣвался на землю Аллахъ.

КОНЧИНА МІРА.

Я хочу разсказать вамъ нѣсколько легендъ о кончинѣ міра, которыя я слышалъ въ тѣ счастливые дни, когда странствовалъ по изумруднымъ долинамъ и сѣрымъ, печальнымъ горамъ Іудеи.

По мѣстному мусульманскому преданію, встрѣча Антихриста съ Христомъ произойдетъ у воротъ города Лидды.

И этотъ послѣдній бой, который рѣшитъ судьбу міра, произойдетъ у воротъ маленькаго арабскаго городка, скорѣе деревушки.

Но Лидда, крошка-городокъ, расположенный близъ Рамле, древней Аримаѳеи, когда-то былъ могучей крѣпостью и считался „ключомъ къ Іудеи". Въ Лиддѣ гробница Георгія Побѣдоносца, по преданію у воротъ этого города побѣдившаго страшнаго дракона. Отголоски этого слышатся въ легендѣ о послѣдней битвѣ воротъ Лидды.

Это будетъ въ предпослѣдній день земли.

Царь и побѣдитель всего міра Антихристъ на разсвѣтѣ подойдетъ со своимъ воинствомъ къ стѣнамъ Лидды, чтобы взять этотъ „ключъ Іудеи" и итти побѣдоносно въ Іерусалимъ и возсѣсть на Сіонѣ богомъ-царемъ.

Изукрашенное, изубранное драгоцѣнностями, безчисленно будетъ его воинство. За войскомъ будетъ

слѣдовать безконечный обозъ съ драгоцѣнностями, съ продавцами рѣдкостей, съ блудницами, ихъ слугами.

Ржаніе коней, крики ословъ, верблюдовъ, слоновъ, воинственные вопли, богохульныя пѣсни, сладострастная музыка сольются въ одинъ страшный ревъ, отъ котораго дрогнетъ земля.

На черномъ конѣ, въ черныхъ доспѣхахъ подъѣдетъ къ городскимъ воротамъ Антихристъ, съ гордой презрительной улыбкой на блѣдныхъ губахъ и въ черныхъ, молніи мечущихъ глазахъ.

И будетъ онъ убранъ въ алмазы и рубины, и будутъ алмазы сверкать, какъ слезы, рубины — какъ кровь.

И будетъ въ рукахъ его щитъ изъ драгоцѣнныхъ камней невиданной величины и неслыханной цѣнности, въ которыхъ будетъ горѣть огонь ада.

И будетъ на челѣ его печать,—безстыдный знакъ, прикрытый другимъ, безстыднѣйшимъ—изъ драгоцѣнныхъ камней.

И дрогнетъ все предъ видомъ его, и предъ щитомъ его, и предъ печатью его. И дрогнетъ земля подъ копытами огнедышащаго коня его.

И подъѣдетъ онъ къ воротамъ Лидды.

И откроются ворота Лидды, и выѣдетъ оттуда Всадникъ на бѣломъ конѣ.

Безъ шлема. Волосы Его будутъ падать по плечамъ на бѣлыя, какъ снѣгъ, одежды и на серебряныя латы, покрывающія Его плечи.

И въ рукѣ Его будетъ серебряный мечъ.

И разверзнутся небеса, и съ небесъ, какъ потоки дождя, польются легіоны серафимовъ, херувимовъ, архангеловъ и ангеловъ, въ одеждахъ бѣлыхъ, какъ снѣгъ, съ волосами изъ чистаго золота, со сверкающими, поднятыми къ небу, серебряными мечами.

И будутъ пѣть они: „Осанна“.

И остановятся два воинства. И будутъ одни стоять съ мечами, поднятыми къ небу, и пѣть „Осанну“, а другіе—сгорать отъ любопытства, глядя на страшный бой, и ждать его исхода, чтобы ночью, при блескѣ костровъ, мерзкими играми и плясками отпраздновать побѣду.

И рвутся всадники другъ на друга и будутъ сражаться не только они, но и кони ихъ.

И цѣлый день будетъ длиться эта страшная битва.

Когда же солнце коснется глади Средиземнаго моря, и его лучи, скользя по далинамъ Іудеи, зажгутъ ихъ изумруднымъ огнемъ, тогда, словно молнія, сверкнетъ въ послѣднихъ лучахъ заходящаго солнца мечъ Христа и однимъ ударомъ Онъ разрубитъ пополамъ не только чернаго всадника, но и коня его. И смѣшается черная кровь Антихриста съ кровью скота.

И при видѣ этого, безуміе ужаса охватитъ войско Антихриста и, ослѣпленные страхомъ, кинутся они убивать другъ друга.

И польется кровь ихъ, и поднимется выше колѣна, и въ этой крови утонутъ раненые и умирающіе.

А воины Христа, поднявши къ небу свои сверкающіе мечи, будутъ пѣть „Осанну“ Вышнему Богу.

И когда солнце кинетъ свой послѣдній, прощальный лучъ, онъ съ ужасомъ задрожитъ въ озерѣ крови.

И это будетъ послѣдняя кровь, которую увидитъ солнце на землѣ.

И тьма въ послѣдній разъ обниметъ землю.

Такъ, по мусульманской легендѣ, произойдетъ бо между Христомъ и антихристомъ у воротъ Лиддь въ предпослѣдній день земли.

Перейдемъ теперь къ коптской легендѣ, которая витаетъ надъ долиной страшнаго суда, надъ долиной Іосафа, полной человѣческаго праха, на которой, какъ разбросанныя безчисленныя кости, бѣлѣютъ надгробные памятники.

Это будетъ въ предразсвѣтный часъ того страшнаго дня, медленно и страшно прозвучитъ среди тьмы труба архангела и пронесется надъ землей отъ края до края.

И какъ наполняется долина въ предразсвѣтный часъ бѣловатымъ туманомъ, такъ наполнится она тогда толпами призраковъ, блѣдныхъ, дрожащихъ.

Какъ облака, бѣлѣя во тьмѣ, понесутся они толпами надъ землей отовсюду и наполнятъ долину Іосафата, долину Страшнаго суда, полные ужаса и страшныхъ ожиданій.

Солнце не взойдетъ въ тотъ день надъ землей, какъ оно всходитъ всегда надъ Элеонской горой, окружая ея вершину блескомъ золотыхъ лучей.

Вмѣсто солнца въ тотъ день на Элеонской горѣ взойдетъ Христосъ. И невиданнымъ, дивнымъ свѣтомъ озарится весь міръ.

И какъ колеблется туманъ при лучахъ солнца, такъ заколеблются въ долинѣ толпы воскресшихъ изъ мертвыхъ, и ницъ падутъ они предъ лучезарнымъ свѣтомъ Солнца—Христа. И только одинъ не падетъ ницъ. У одного не согнутся колѣни.

Тамъ, гдѣ долина Іосафата, долина страшнаго суда, сливается съ долиной Геннона, долиной казни, сурово поднимается къ небу гора Злого Совѣщанія.

На ея вершинѣ, дрожа листьями, словно о чемъ-то съ ужасомъ вспоминая, стоитъ одинокое дерево, мрачное, черное въ голубой лазури неба.

Словно злой духъ, распластавъ свои крылья, стоитъ надъ страшной долиной Геннона.

Это—дерево Іуды.

Подъ этимъ деревомъ будетъ стоять тогда Іуда.

Онъ одинъ не падетъ, не сможетъ благоговѣйно пасть ницъ предъ Христомъ.

Такъ они будутъ стоять другъ передъ другомъ на разстояніи долины: Христосъ на Элеонской горѣ, Іуда на горѣ Злого Совѣщанія.

И широко раскрытыми отъ ужаса глазами увидитъ Іуда, что Христосъ сходитъ съ горы. По склону горы Онъ спустится въ садъ Геѳсиманскій. Вотъ Онъ вышелъ изъ сада, идетъ по долинѣ, поднимается на гору Злого Совѣщанія... Ближе... Ближе...

Отъ ужаса захочетъ крикнуть Іуда, — не сможетъ. Захочетъ пасть къ ногамъ,—не въ силахъ.

И остановится предъ Іудой Христосъ, и зазвучитъ голосъ Его, кроткій и добрый, какъ тогда:

— Радуйся, ученикъ!

И отдастъ Христосъ Іудѣ тотъ поцѣлуй, который Іуда далъ Ему тогда въ Геѳсиманскомъ саду.

И упадетъ къ ногамъ Христа прощенный грѣшникъ, и зарыдаетъ онъ, спрятавъ лицо въ бѣлоснѣжныя одежды Христа.

Первый прощенный грѣшникъ въ тотъ день,—Іуда, какъ первымъ праведникомъ христіанства былъ прощенный разбойникъ.

И возсядетъ Господь на Сіонѣ судить живыхъ и мертвыхъ—живыхъ.

———

— И зарыдаютъ предъ Нимъ грѣшники, и зар даютъ за нихъ ближніе ихъ! — говоритъ другая . генда—мѣстныхъ арабовъ.

И будутъ молить за грѣшниковъ отцы ихъ и м тери ихъ:

— Боже, насъ накажи за то, что мы родили эти

грѣшниковъ! Боже, сжалься надъ ними, нашими дѣтьми!

И всѣхъ проститъ Господь, ради слезъ отцовъ и матерей ихъ.

И предстанутъ предъ Нимъ люди, за которыхъ некому будетъ просить.

Дѣти грѣха и позора, никогда не видѣвшія ласкъ матери, не знавшія отца.

И скажетъ имъ Господь:

— Кто же будетъ за васъ просить? Чьи слезы осушу Я, если вамъ дарую прощенье?

И встанетъ тогда Рахиль, великая, страдавшая мать.

Рахиль, которая дремлетъ въ гробницѣ своей между Веѳлеемомъ и Іерусалимомъ.

Рахиль, къ гробницѣ которой стекаются съ мольбами удрученныя скорбью христіанки, еврейки, магометанки, прося объ исцѣленіи больныхъ дѣтей своихъ.

Ницъ падетъ великая Рахиль предъ престоломъ Всемогущаго Бога и снова услышитъ міръ плачъ Рахили.

И скажетъ она предъ Господомъ, рыдая:

— Всемогущій! Ради слезъ, что были пролиты мною! Ради страданій матери, которыя я испытала! Ради великаго, материнскаго горя, прости и помилуй этихъ несчастныхъ, съ зачерствѣвшими сердцами, никогда не знавшихъ ласки матери! Не осуди ихъ, Благой и Правый! Слезы Рахили отри!

И простретъ надъ нею Свой скипетръ Великій и Правый и скажетъ:

— Встань, многострадавшая мать!

И укажетъ Онъ несчастнымъ дѣтямъ грѣха и позора, никогда не знавшимъ ласки матери, и скажетъ:

— Вотъ мать ваша!

И укажетъ Онъ Рахили на нихъ и скажетъ:

— Мать, вотъ дѣти твои.

И осушатся слезы Рахили.
И будетъ день суда днемъ радости.
И всѣхъ проститъ Господь Великій и Правый.

Такъ говоритъ арабская легенда.

Онъ всѣхъ проститъ?

Всѣхъ.

Если мы, ограниченные, видящіе, понимающіе такъ мало,—мы, которые видимъ только дѣла и не знаемъ мыслей чужихъ; если мы, хорошенько узнавъ все, всѣ причины, не можемъ винить человѣка въ томъ, что онъ сдѣлалъ дурного, такъ неужели Онъ, который читаетъ въ сердцахъ и мысляхъ, знаетъ всѣ причины, Онъ не проститъ? Онъ осудитъ жалкихъ и слабыхъ?

Такъ думаютъ эти люди, дѣти сердцемъ и умомъ.

Этимъ южанамъ, подъ голубой эмалью неба, согрѣтымъ мягкими, ласковыми солнечными лучами, многое кажется иначе, чѣмъ намъ.

Вѣдь въ сущности, всѣ эти христіане, евреи, магометане Палестины живутъ на счетъ близости Божества, живутъ отъ тѣхъ паломниковъ, которые приходятъ сюда поклониться Божеству, живутъ отъ тѣхъ пожертвованій, которыя стекаются сюда во Имя Божества.

Божество даетъ имъ все.

И Божество представляется имъ кроткимъ и ласковымъ, проливающимъ на міръ только потокъ благодѣяній.

— Это произойдетъ такъ! — говорилъ мнѣ мулла, стоя со мной у одного изъ оконъ священнѣйшей мечети, построенной на томъ мѣстѣ, гдѣ, по преданью, была Святая Святыхъ Соломонова храма.

Это будетъ въ тотъ день, когда Кааба по воздуху принесется изъ Мекки къ дверямъ мечети Омара.

Мечети Омара, посреди которой поднимается сѣрая, пепельная скала, вершина горы Моріа; гдѣ Авраамъ хотѣлъ принести въ жертву Богу сына своего Исаака.

Страшная скала, висящая надъ бездной. Въ пещерѣ подъ нею мулла ударяетъ въ полъ своею палкой.

— Слышите вы этотъ звукъ, который доносится изъ другого міра?

Подъ этой пещерой бездна, колодезь душъ, гдѣ стонутъ и летаютъ во тьмѣ, въ ожиданьи послѣдняго суда, томящіяся души усопшихъ.

Въ тотъ день на вершинѣ Моріа возсядетъ Всесильный и будутъ въ рукахъ Его кинжалъ и ѳакелъ.

И дастъ Онъ кинжалъ пророку Своему, и броситъ Онъ ѳакелъ въ долину Геннона.

И вспыхнетъ адскій огонь въ долинѣ Геннона, и огненная рѣка наполнитъ долину Іосаѳата.

И положитъ пророкъ кинжалъ, какъ мостъ чрезъ долину, кинжалъ—остріемъ вверхъ.

И будетъ кинжалъ лежать острымъ концомъ на Элеонской горѣ, а рукоятью у окна священнѣйшей мечети.

И станутъ: у острія кинжала — Христосъ, у рукояти—Магометъ.

И пойдутъ всѣ надъ огненной рѣкою по острію кинжала.

Праведные храбро, потому что храбрость есть сознаніе правоты предъ Господомъ и небоязнь предстать предъ судомъ Его. Грѣшники — трусливыми и робкими шагами.

И перейдутъ всѣ праведники невредимыми по острію кинжала, а грѣшники сорвутся и упадутъ въ огненную рѣку.

И предстанутъ праведники передъ Аллахомъ, и раскроетъ Всемогущій ихъ души и прочтетъ ихъ, какъ книги.

И прочтетъ всѣ помыслы и всѣ желанія ихъ и возрадуется духомъ, потому что прочтетъ славу Себѣ въ желаніяхъ и помыслахъ ихъ.

— И будетъ Онъ читать души ихъ вѣчно, какъ вѣчно мы читаемъ Коранъ.

И будутъ радость и наслажденіе Его вѣчны, и вѣчную радость и вѣчное наслажденіе подаритъ Онъ праведникамъ Своимъ.

— Это будетъ такъ!—говорилъ мнѣ старый еврей,—пріѣхавшій въ Іерусалимъ умирать.

Дряхлый, бѣлый, какъ лунь, старикъ, грѣвшійся подъ родимымъ солнцемъ въ ожиданіи, пока обѣтованная земля возьметъ его кости.

— Это будетъ такъ.

Въ тотъ страшный день вспѣнится и выступитъ изъ береговъ потокъ Кедрскій, и бушующія волны его наполнятъ долину Іосафата.

И протянутся надъ бушующими волнами два моста: литой изъ стали и бумажный, изъ тонкой прозрачной бумаги.

И устремятся всѣ народы на литой изъ стали мостъ: И всѣмъ найдется здѣсь мѣсто, всѣмъ, кромѣ народа-изгнанника.

И какъ всегда и вездѣ, скажутъ народу—Агасферу:

— Тебѣ нѣтъ мѣста между нами! Иди отъ насъ!

И не пустятъ они избранный народъ на литой изъ стали мостъ и скажутъ:

— Идите по мосту изъ бумаги!

И полный ужаса, отчаянья и покорности, вступитъ народъ на мостъ изъ бумаги.

И снова повторится тогда, что было съ Фараономъ, когда онъ гналъ избранный народъ. И погибъ Фараонъ, и воины его, и колесницы его, и кони его.

Рухнетъ литой изъ стали мостъ и невредимымъ пройдетъ избранный народъ по дрожащему мосту изъ бумаги. И воспоетъ онъ славу Тому, Чье Имя не дерзаетъ произнести языкъ.

— Это будетъ такъ! — говорилъ мнѣ индусъ, ученый браминъ, возвращавшійся въ Калькутту изъ Вашингтона, гдѣ онъ два года занималъ въ университетѣ каѳедру браминизма.

— Душа — частица божества. И божество всякой частицей своей хочетъ внести благо въ жизнь. Назначеніе души—внести въ міръ какъ можно больше блага. Во всѣ отрасли жизни. Для этого душа принимаетъ всѣ формы жизни: дѣлается цвѣткомъ, животнымъ, человѣкомъ. И во всѣхъ этихъ формахъ жизни достигаетъ совершенства. Она дѣлается лучшимъ изъ людей, лучшимъ изъ цвѣтковъ, достигаетъ совершенства, какого только можетъ достигнуть животное. И вотъ, когда она во всѣхъ проявленіяхъ жизни достигала совершенства, внесла въ жизнь столько блага, сколько могла, ея дѣло окончено, она погружается въ покой. Въ свое первоначальное состояніе божества. Недѣланія и недуманія. Вѣдь Богъ не думаетъ, какъ не думаетъ камень. Но недуманіе Бога не есть недуманіе камня. Камень не думаетъ, потому что его ничто не интересуетъ. Богъ не думаетъ, потому что Онъ все знаетъ. Ему не надо думать, — это полный покой, состояніе Божества, когда каждая частица Божества, когда всѣ души исполнятъ свое назначеніе,—всѣ погрузятся въ этотъ божественный покой,—это и будетъ конецъ міра.

РОЖДЕСТВО ХРИСТА.

(Мусульманская легенда).

Нѣтъ Бога, кромѣ Единаго Бога, и Іисусъ Пророкъ Его.

Такъ говорилъ Всемогущій, слава Его цвѣтетъ, какъ цвѣты на землѣ, и благоуханіе славы Его наполняетъ вселенную:

— Миръ и радость Моей землѣ! Миръ и радость Моимъ людямъ! Полна благочестіемъ земля Моя, и вѣрой въ Меня горятъ сердца людей. Вьется дымъ надъ землей и къ престолу Моему поднимается ароматъ молитвъ и куреній. Драгоцѣнными храмами блещетъ земля, въ честь Мою они воздвигаютъ драгоцѣнныя храмы, чтобы славить въ нихъ имя Мое. Радость и миръ возлюбленной землѣ! Радость и миръ возлюбленнымъ людямъ!

Такъ говорилъ Судія, Который судитъ и небо и землю:

— Счастье и радость землѣ! Счастье и радость людямъ Моимъ! Мое Имя имъ свято. Въ честь Меня горятъ на солнцѣ щиты и шлемы. Во славу Мою поднимаютъ они мечи и копья. И посылаютъ въ небо свои души.

Радость, радость и счастье землѣ! Благословляю Я Моихъ людей. Такъ говорилъ Всеблагой, посылающій къ намъ пророковъ:

— Но не въ храмахъ, не въ битвахъ Я. Я въ любви. Любовью ко Мнѣ и благочестіемъ полны ихъ сердца, — но нѣтъ въ нихъ любви другъ къ другу. Благословенна да будетъ земля и люди на ней. Миръ и любовь да процвѣтутъ на землѣ! Пошлю имъ пророка. Пусть откроетъ имъ завѣты Мои.

Такъ говорилъ Аллахъ, и было дыханіе Его, какъ дыханіе весны.

И предсталъ предъ Нимъ витязь витязей на бѣломъ конѣ Гавріилъ, любимый посланникъ Аллаха.

И предсталъ на бѣломъ крылатомъ конѣ среди снѣжнаго поля изъ серафимовъ, радостно трепетавшихъ маленькими бѣлыми крылышками.

И съ радостью внималъ онъ словамъ Единаго Бога, Имя Котораго да славится во вѣки вѣковъ.

— Иди на землю и отъ небеснаго огня, зажги въ сердцѣ новорожденнаго ребенка любовь къ людямъ. Пусть принесетъ онъ на землю миръ и любовь.

Такъ говорилъ Всемогущій и дунулъ дыханьемъ Своимъ, и отъ дыханья Его вспыхнулъ факелъ въ рукѣ Гавріила. И спустился Гавріилъ надъ домомъ самаго могучаго царя на землѣ.

На тронѣ лежалъ сынъ царя, первенецъ, только что рожденный царицей. И стояли передъ нимъ на колѣняхъ воины и народъ, и клялись они въ вѣрности царскому первенцу.

И сказалъ Гавріилъ царю:

— Счастье и радость тебѣ! Сынъ твой избранъ Аллахомъ. Имъ воцарятся на землѣ миръ и любовь. Я зажгу въ его сердцѣ небесный огонь. Онъ будетъ кротость, онъ будетъ любовь. Онъ будетъ прощать своихъ враговъ, онъ не будетъ мстить за обиды, онъ никогда не подниметъ меча.

И упалъ царь ницъ передъ посланникомъ Божіимъ и разодралъ на себѣ одежды и сказалъ:

— Горе мнѣ, горе — за что прогнѣвалъ я Аллаха! За что долженъ я быть отцомъ труса! Сынъ могучаго царя,—будетъ лобызать руку враговъ! Онъ будетъ глотать обиды, какъ послѣднiй изъ рабовъ. Сынъ, который никогда не будетъ держать въ рукахъ оружiя. О, лучше бы ему не родиться. О, лучше бы его мать покрыла меня позоромъ, оставивъ бездѣтнымъ! О, лучше бы я умеръ до его зачатья, чѣмъ видѣть своими глазами это безславiе! Посланникъ неба! Да минуетъ меня столь великiй гнѣвъ Божiй! Сжалься! Отврати свой пылающiй факелъ отъ моего дома.

И опечаленный архангелъ отлетѣлъ и постучалъ въ дверь богача.

Слава богача была громче славы царей. Она наполняла всѣ царства. По всѣмъ странамъ шли его караваны, по всѣмъ морямъ плыли его корабли, развозя во всѣ концы свѣта несмѣтныя богатства.

Все было у богача, и лишь одного сокровища молилъ благочестивый богачъ у Аллаха: наслѣдника-сына. И у него родился сынъ.

Въ этотъ радостный часъ и предсталъ предъ богачомъ посланникъ Аллаха:

— Счастье и радость тебѣ! Неизреченное счастье посѣщаетъ тебя. Твой сынъ избранъ Аллахомъ. Имя его будетъ Любовь, и любовью къ людямъ зажжется его сердце. Онъ утѣшитъ слезы, горе. Онъ раздастъ нищимъ свое достоянiе. Онъ самъ будетъ ходить, какъ послѣднiй бѣднякъ, счастливый и радостный любовью къ людямъ!

И упалъ богачъ ницъ передъ посланникомъ Аллаха и сорвалъ съ себя драгоцѣнныя украшенiя, и зарыдалъ:

— О, горе мнѣ! За что меня посѣтило такое проклятье?! Въ наказанiе за корыстолюбiе казнитъ меня

Аллахъ! Зачѣмъ я копилъ несмѣтныя богатства?! Мой сынъ будетъ нищимъ. Онъ раздастъ все, что скопилъ его отецъ! Сынъ-расточитель — какая казнь можетъ быть злѣе для богача-отца?! О, какими жертвами умилостивить мнѣ Аллаха, чтобъ онъ отвратилъ гибель отъ моего дома?! Какіе храмы воздвигнуть Ему, чтобы Онъ смилостивился надъ моимъ благочестіемъ и не губилъ моего ребенка?!

Такъ рыдалъ богачъ, и опечаленный посланникъ неба сжалился и отлетѣлъ отъ его дома.

Какъ орелъ спустился онъ въ холодную зимнюю ночь въ пещеру, гдѣ завывалъ вѣтеръ, и молодая мать склонилась надъ младенцемъ, который умиралъ отъ стужи.

Она родила Его здѣсь, не имѣя пріюта даже въ эту ночь.

И жаль стало архангелу умирающаго Младенца, и коснулся онъ Его своимъ пылающимъ факеломъ, чтобъ согрѣть, и улыбнулся Младенецъ.

И отъ улыбки Его радостно засмѣялись звѣзды.

И въ ужасѣ сказалъ Гавріилъ:

— Что я сдѣлалъ съ даннымъ мнѣ Аллахомъ огнемъ! Въ чьи слабыя руки отдалъ я даръ Аллаха?! Твой сынъ избранъ теперь Аллахомъ!

И упала ницъ Молодая Мать и сказала:

— Пусть будетъ, какъ угодно Богу!

И въ ужасѣ стоялъ Гавріилъ.

И раздался голосъ Аллаха и смѣхъ Всеблагого.

Отъ радости смѣялся Аллахъ, и смѣялись звѣзды, и смѣялась луна, и смѣялся Младенецъ.

— Гавріилъ! Гавріилъ! Такъ ли ты выполняешь волю Мою? Для Меня ль, Всемогущаго, есть цари? Предо Мною ли, Кто властенъ всѣмъ, есть богачи? Предъ Всесильнымъ ли сильные есть? Не всѣ ли равны предо Мной? И кто Мои цари? Мои цари въ

лохмотьяхъ, Мои цари у храмовъ, на торжищахъ народныхъ, въ пыли, во прахѣ, въ ранахъ лежатъ Мои цари. Моимъ царямъ открыты всѣ помыслы Господни, Моимъ царямъ открыты объятія Мои. Мои цари богаты, несмѣтными дарами они надѣлены. Ихъ слезы—брильянты; рубины—ихъ сердца. Изъ ихъ сердецъ сплетаю Себѣ вѣнецъ въ весель. Слезами убираю я мантію Свою. Мои цари могучи. Проклятье ихъ—приказъ Мнѣ. Приказъ ихъ исполняю. Слова—мечи стальные. Ихъ взгляды—стрѣлъ могучѣй. Войска же ихъ несмѣтны: всѣ ангелы надъ ними, бездомными, больными, крылами тихо вѣютъ, защитой служатъ имъ. Мои цари Мнѣ милы, и Я царю надъ ними. Я—бѣдныхъ Богъ.

Такъ пѣлъ Аллахъ со смѣхомъ, веселымъ смѣхомъ счастья, и пѣли звѣзды съ Нимъ, свѣтя бездомнымъ нищимъ.

И радостный отъ этихъ словъ, и радостный отъ улыбки Младенца, словно орелъ, взвился въ небо архангелъ Гавріилъ, и загорѣлся его факелъ среди звѣздъ, какъ новая звѣзда.

И увидали ее цари и богачи, и пришли они и поклонились Царю, рожденному въ пещерѣ въ холодную ночь.

Нѣтъ Бога, кромѣ Единаго Бога, и Іисусъ—Пророкъ Его.

КОНЕЦЪ.

